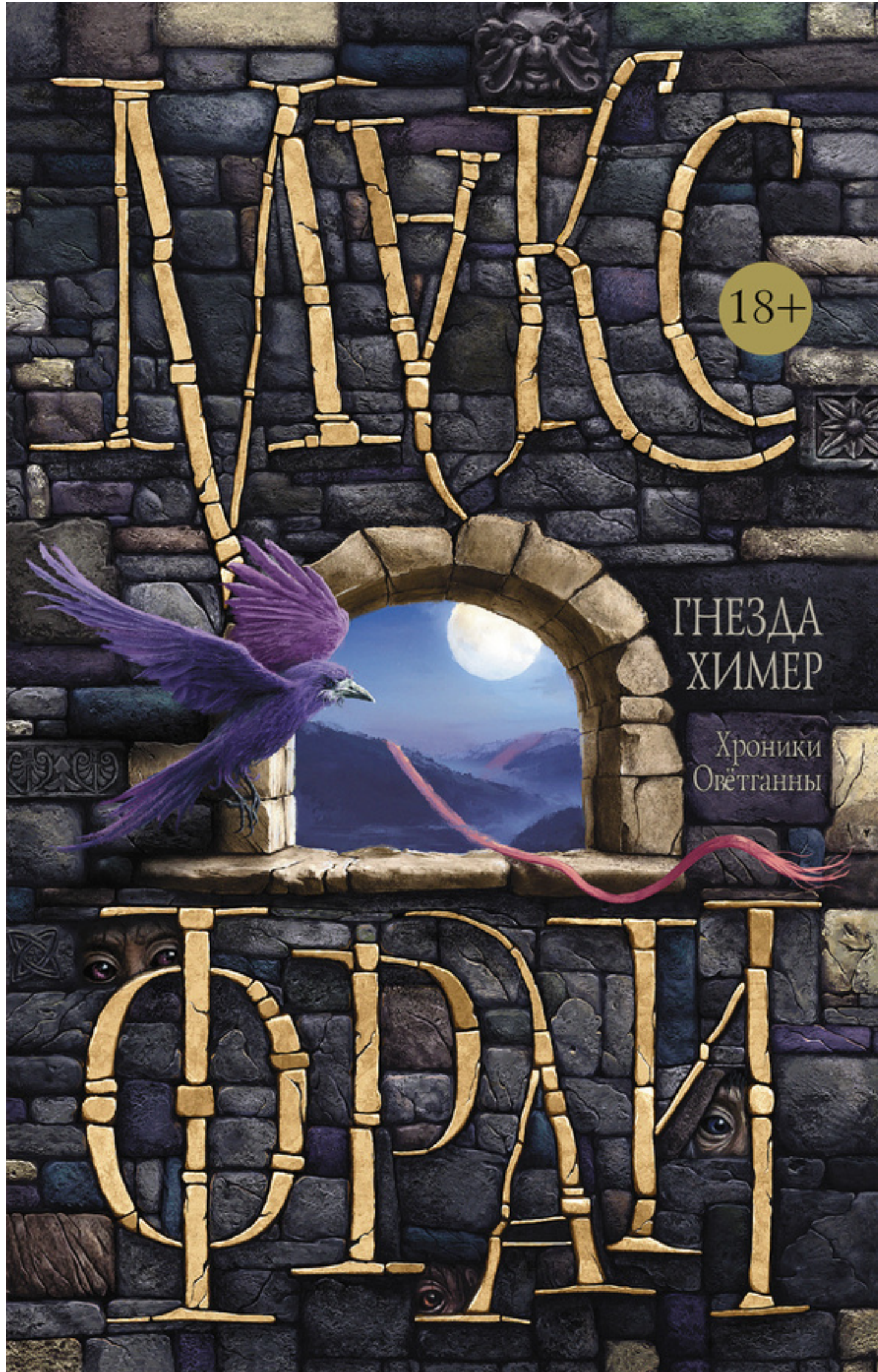

18+

ГНЕЗДА
ХИМЕР

Хроники
Овётганны

Мир Ехо и приключения Макса

Макс Фрай

**Гнезда Химер.
Хроники Овётганны**

«АСТ»

1997

Фрай М.

Гнезда Химер. Хроники Овётганны / М. Фрай — «АСТ»,
1997 — (Мир Ехо и приключения Макса)

Всякая история, рассказанная дважды (скажем, утром и вечером, или в начале весны и в конце осени, или вслух и на бумаге), – это уже две разных истории. И если уж всякому человеку позволено иметь двойников – зазеркального, и того, что смотрит за нас наши сны, почему бы не иметь таких двойников книге, написанной наяву, о событиях, случившихся во сне. Вышло так, что история о Гнездах Химер была рассказана дважды, по числу волшебных ветров Хоманы, отравивших кровь рассказчика. Вам досталась история, рассказанная ночью, когда приходит время ветра по имени Овётганна; история, записанная белым мелом на черной доске. Так уж вам повезло. Том существует и в другом варианте: «Гнезда Химер. Хроники Хугайды».

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	40
Глава 4	54
Глава 5	75
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Макс Фрай

Гнезда химер. Хроники Овётганны

Книга публикуется в авторской редакции

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Первая волна сбивает тебя с ног, и ты катишься, катишься, катишься, но не захлебываешься, даже если стараешься захлебнуться.

Вторая волна подстерегает тебя, когда пытаешься подняться на четвереньки, и во рту становится солоно, но ты еще жив, даже если уже готов умереть.

Третья волна накрывает тебя с головой, и ты думаешь: это и есть конец...

Но четвертая волна уносит тебя в открытое море, и ты вспоминаешь, что всегда был рыбой.

Записка, случайно обнаруженная автором на салфетке, испачканной белым соусом и черным кофе, в кафе «Rotten Elephant», где-то в старом центре города Эрфурта, в мае тысяча девятьсот девяносто... – не помню какого! – года.

Глава 1

Великий Рандан

Сначала не было почти ничего, только темнота, сильный запах паленого и жгучая боль. Потом ко мне вернулась способность видеть. В полумраке белело смутное пятно; несколько томительных секунд спустя пятно превратилось в лицо пожилого мужчины. Его неподвижные серые глаза, выпученные, как у извлеченной на поверхность глубоководной рыбы, смотрели на меня с невыразимым восторгом.

– Маггот! Йох! Хваннах!¹ – хрипло пробормотал он.

Я оценил пафос, но напрочь не понимал, что означает сие бессмысленное сочетание звуков. Это настораживало: я – далеко не полиглот, но обычно иностранная речь кажется мне хотя бы смутно знакомой. Почти в каждом языке есть слова, понятные иностранцам без вмешательства переводчика.

Тем не менее звучание человеческой речи повлияло на меня благотворно: по крайней мере, я пришел в себя настолько, что начал осознать происходящее. Понял, что лежу на холодном полу, а запах паленого исходит от моих собственных волос и одежды. Рубашка на мне все еще тлеет, и я судорожно задергался, отдирая клочки потемневшей ткани от обожженной кожи.

Пучеглазый иностранец с нездоровым любопытством созерцал мою паническую борьбу с огнем, но и не подумал прийти на помощь. Когда я наконец избавился от рубашки, он удовлетворенно кивнул, словно в этом была и его заслуга.

– Мне нужна вода.

Я сам не узнал свой голос, но судя по всему, эти скрежещущие звуки издала именно моя гортань.

Дядя уставился на меня, наморщил лоб. Он силился понять, чего я хочу. Я скрипнул зубами: эти филологические недоразумения были как нельзя более некстати. Меня мучила сильная жажда и, кажется, мне позарез требовалась квалифицированная медицинская помощь.

Пришлось заняться пантомимой: я собрал жалкие остатки воли, чтобы приподняться, принять сидячее положение и придать своим движениям хоть какую-то четкость. В конце концов я кое-как уселся на полу и старательно изобразил этюд с невидимой чашкой.

Я так демонстративно чмокал, имитируя глотки, что незнакомец довольно быстро понял, что от него требуется. Он с энтузиазмом кивнул и заорал что-то неразборчивое в невнятный сумрак за своей спиной.

Некоторое время ничего не происходило. Выполнять мою просьбу явно никто не торопился, пучеглазый продолжал пялиться на меня как баран на новые ворота, я по-прежнему не соображал, кто я, собственно говоря, такой и что происходит. Труднее всего было выдерживать пульсирующую боль в обожженных руках. Думаю, я не кричал только потому, что у меня не было на это сил. Кажется, я просто тихо поскуливал, как старый умирающий пес.

Наконец предо мною возникло какое-то нелепо одетое существо неопределенного пола. Увидев меня, оно взвыло – то ли от страха, то ли просто от неожиданности. Я услышал грохот бьющейся посуды, на мою обожженную кожу полетели прохладные брызги. Судя по всему, непутевое существо с перепугу благополучно уронило на пол посудину с предназначенной мне водой. Пучеглазый что-то прорычал и наградил своего неуклюжего слугу такой оплеухой, что бедняга едва удержался на ногах. Он виновато залопотал, пучеглазый внимательно слушал его объяснения. Обо мне они, кажется, забыли.

¹ Демон! Точно! Черт побери! (*кунхё*)

– Черт, ребята, я хочу пить, – настойчиво напомнил я и сам поразился своему грозному реву. А ведь только что казалось, что я и застонать не могу.

Существо жалобно пискнуло и брякнулось на пол. Судя по всему, оно потеряло сознание. Каменное лицо пучеглазого слегка перекосилось, и он поспешно удалился.

Прошла минута. Надо полагать, это была одна из самых длинных минут в моей жизни. Мне по-прежнему не удавалось активизировать вялотекущий мыслительный процесс, так что я с энтузиазмом мучился от жажды и боли за неимением иных развлечений.

Наконец пучеглазый вернулся. Молча протянул здоровенную миску. Мне пришлось взять ее обеими руками, одной я ни за что не удержал бы! Руки мои взвыли от боли, но посудину я все-таки не уронил.

Воды в этом объемистом сосуде было совсем немного, не больше стакана. Жидкость показалась мне довольно затхлой и теплой, но она была мокрая, и это с лихвой компенсировало прочие недостатки.

После нескольких глотков я понял, что вкус воды был не столько затхлым, сколько чужим. Совершенно незнакомый вкус, словно бы в дело вмешались какие-нибудь марсианские водоросли. Тем не менее я выпил все до последней капли. Жажда отступила, но боль, кажется, только усилилась.

Я снова услышал свой голос, как бы со стороны, словно какая-то часть меня не решалась вернуться в тело и взволнованно наблюдала происходящее с безопасного расстояния. Голос звучал на удивление твердо и властно – иногда я сам себе поражаюсь!

– Мне нужна какая-нибудь мазь от ожогов. Только очень быстро, а то я загнусь.

Пучеглазый снова наморщил лоб. Разумеется, он не понял ни слова. Я заставил себя встать – меня шатало из стороны в сторону, словно я только недавно начал брать уроки пешей ходьбы, но я все-таки приблизился к нему и поднес к его носу свои обожженные руки. Дядя испуганно отшатнулся, машинально схватился за пояс – я отметил, что там у него болтается здоровенный кинжал в монументальных ножнах. Потом понял, что я не собираюсь драться, и изумленно уставился на мои многострадальные конечности.

Что ж, у этого дяди было как минимум одно неоспоримое достоинство: он умудрялся каким-то образом интерпретировать мои жалкие попытки объясниться и выполнял все требования по мере их поступления – по крайней мере, пока.

Через несколько минут у меня в руках оказалась здоровенная склянка, до половины заполненная темной, резко пахнущей слизью – именно так, надо думать, могла бы выглядеть медуза, умирающая от чумы. Прикосновение к этой мерзости показалось мне отвратительным, но боль в обожженных руках сводила с ума, так что я опасливо обмакнул палец в вонючую жуть и осторожно провел им по запястью. Мгновение спустя с изумлением понял, что крошечный кусочек моей плоти зажил отдельной от меня благополучной жизнью, совершенно не увязывающейся с общим скверным состоянием дел в метрополии. Мазь действовала, и еще как!

Я тут же забыл о брезгливости и поспешно намазал благословенной дрянью обожженные места. Потом с наслаждением наблюдал, как уходит боль. Она отступала удивительно быстро, так тает кусочек льда, брошенный в кипяток.

Только теперь я понял, что мои зубы выбивают мелкую дробь – то ли в помещении было холодно, то ли меня просто знобило. Пучеглазый тоже это заметил. Не дожидаясь моего очередного выступления, принялся шарить по углам. Поиски увенчались успехом: он с торжественным полупоклоном вручил мне нечто белое и бесформенное. При ближайшем рассмотрении загадочное «нечто» оказалось чем-то средним между просторной рубашкой и коротким банным халатом. Мне показалось, что сей наряд уже давно нуждался в хорошей стирке, но сейчас было не до жиру, годилось все что угодно, лишь бы согреться.

Толстая ткань рубахи действительно оказалась теплой и вполне уютной. Меня все еще колотило так, что я боялся лишнее слово сказать, чтобы не прикусить язык, но теперь я отлично

знал, что температура воздуха тут ни при чем. Я постарался расслабить мышцы и дышать медленно и глубоко. Это немного помогло – по крайней мере дрожь почти унялась, а на большее я и не рассчитывал.

По мере того как проблемы моего тела худо-бедно утрясались, я принялся понемногу обдумывать происходящее. Сказать, что оно мне не нравилось, – значит не сказать ничего! «Не нравилось» – это бы еще полбеды. Хуже другое: я по-прежнему ничегошеньки не понимал. Ни где нахожусь, ни кто этот пучеглазый мужик, любезно одолживший мне свою одежду, ни что было со мной несколько минут назад, прежде чем я обнаружил себя в этой полутемной комнатухе, освещенной только пламенем камина. Я вообще ничего не мог вспомнить, даже обстоятельства, при которых получил ожоги. Какое там, собственное имя оставалось для меня загадкой!

Пучеглазый тем временем снова удалился и тут же вернулся с кувшином. От кувшина исходил резкий запах перебродивших фруктов. Я принялся и решительно помотал головой.

– Не буду я это пить. Лучше просто дай мне еще воды. – Я вспомнил, что он не понимает ни слова, взял в руки миску, в которой недавно была вода, и выразительно помахал ею в воздухе, как бы зачерпывая невидимую жидкость.

Мой новый знакомый в отчаянии воздел руки к небу, словно призывал невидимого свидетеля отметить в своей записной книжке, что он сделал все что мог. Потом он снова сунул мне под нос кувшин. Я начинал злиться: этот дядя немного напоминал мою бабушку, которая бросалась разогревать обед, если я пытался просто получить в единоличное пользование горбушку хлеба. Объяснить ей, что мне больше ничего не требуется, было совершенно невозможно!..

Я ожесточенно замахал перед носом пучеглазого пустой миской. И победил: тот залпом выпил сомнительное содержимое своего кувшина, забрал у меня миску и удалился.

На сей раз он наполнил свой чудовищный сосуд до краев – выразить не могу, как меня это радовало! Пить хотелось так, словно я только что закончил утомительный пеший поход через пустыню.

Теперь, когда мое тело было обеспечено необходимым для выживания минимальным набором жизненных благ, я решил как-то объяснить пучеглазому, что мне позарез требуется остаться в одиночестве. Я был готов на все, лишь бы он оставил меня в покое. Мне почему-то казалось, что стоит немного полежать, закрыв глаза, и мой ополоумевший чердак вернется на место. Я вспомню, как здесь оказался, пойму, что происходит и, самое главное, – как устранить неполадки, которые явно имели место в моей внезапно перекособочившейся жизни. Вмesto памяти о прошлом у меня сейчас имелось только смутное ощущение, что раньше все было иначе и, самое главное, гораздо лучше, чем сейчас!

Я призадумался: на сей раз мне предстояло объяснить доброжелательному пучеглазому незнакомцу довольно сложную штуку. Наконец я выразительно постучал себя по груди, потом развел руки, как бы обнимая пространство, и в финале продемонстрировал ему одинокий указательный палец.

Бедняга не сразу разгадал мою шараду. Хмурился, чесал затылок, озирался по сторонам. Потом его внезапно осенило, он понимающе кивнул и направился к выходу. Мои глаза уже привыкли к царившему здесь полумраку, и я смог разглядеть маленькую дверь в глубине помещения, такую низкую, что мне наверняка пришлось бы согнуться чуть ли не вдвое, чтобы ею воспользоваться. На полпути он остановился и с пафосом душевнобольного священнослужителя провозгласил:

– Хелле кунль вэй урле эсте гер, нэхем маггот йонхет! Унлах!²

– Усратья можно! – растерянно откликнулся я и поморщился от резкой боли в висках. Я был совершенно уверен, что боль вызвана нелепым сочетанием звуков в речи пучеглазого.

² Именем моим налагаю заклятие на эту дверь, и демону не преодолеть ее. Да будет так! (*кунхэ*)

«Какой «кунзь», какой такой к черту «хваннах», – устало подумал я, – это же язык поломать можно. Господи, неужели я навсегда утратил способность понимать человеческую речь?! Только этого не хватало».

Незнакомец наконец-то ушел, глубоко удовлетворенный своим пламенным выступлением. Я остался один и принялся осматриваться.

Небольшая комната освещалась только красноватым огнем камина. Обстановка напоминала дешевую декорацию к «Фаусту». У входа стоял неприветливый осто́в, который я принял за скелет большой обезьяны, приземистый и широкоплечий, его длинные руки касались земли. Мебели было немного, но ее монументальные размеры с лихвой компенсировали небольшое число предметов: их хватило, чтобы загроздить все пространство. Огромный шкаф у стены, с которого на меня равнодушно пялилось потрепанное чучело незнакомой мне птицы, гигантский сундук посреди комнаты, здоровенный стол, уставленный колбами и ретортами, – словно с картинки из научно-популярной книжки о жизни средневековых алхимиков.

Забавно: зловещий вид комнаты оставил меня совершенно равнодушным. Вся эта мистическая дребедень, вроде скелета у входа и связок мелких сушеных тварей неопределенного происхождения над камином, даже заставила меня улыбнуться: ни дать ни взять театральная декорация.

Ничего похожего на кровать в комнате не было, поэтому я улегся на толстый ковер, которым был устлан пол. Спать мне не хотелось, но для того чтобы бодрствовать, не осталось сил, поэтому я просто впал в оцепенение: лежал, тупо уставившись на пляшущие язычки пламени.

Скажу честно, я даже не пытался вспомнить, кто я такой и что было перед тем, как я обнаружил себя в незнакомом месте наедине с этим пучеглазым красавчиком. Более того, я очень не хотел вспоминать. Я смутно подозревал, что после этого моя жизнь станет адом.

Так оно и вышло в конце концов.

Какое-то время я не мигая смотрел на огонь. Потом меня охватила печаль. Она была похожа на физическое неудобство, что-то вроде зарождающегося флюса, только ныла не десна, а та загадочная часть организма, каковую именуют душой. Через некоторое время «нарыв» прорвался: я все вспомнил. Жизнь замечательного меня промелькнула перед внутренним взором за одно мгновение, и я чуть не захлебнулся от изобилия ярких подробностей.

А потом этот фейерверк превратился в несколько файлов информации. Обработав данные, я тихо заскулил от тоски, поскольку с ужасом понял, что моя жизнь закончилась и изменить сей прискорбный факт невозможно.

Ощущения, понятное дело, свидетельствовали, что я все еще жив. Насколько мне известно, мертвых не мучает жажда, а я уже успел вылакать чуть ли не все содержимое оставленной мне миски и хотел еще. Но мои драгоценные ощущения в настоящий момент не имели никакого значения, поскольку все рухнуло к чертям собачьим, и у меня не осталось ничего, чем я мог дорожить, – кроме разве что врожденной способности делать вдохи и выдохи.

Всего несколько часов назад жизнь моя была прекрасна и удивительна³. Настолько, что я все время боялся проснуться и обнаружить, что на самом деле ничего не было. И ведь не зря боялся, оказывается.

Впрочем, я не «проснулся». Скорее уж наоборот, погрузился в какой-то невразумительный, потусторонний бред. Сейчас я достаточно четко помнил, каким образом оказался в этой полутемной комнате.

Да тут и помнить особо было нечего. Я сидел дома и ждал одну очаровательную леди, которая обещала мне долгую прогулку при самой что ни на есть полной луне. Разумеется,

³ Следует иметь в виду, что время описываемых здесь событий – насколько в данном случае вообще уместно говорить о «времени» – приблизительно совпадает с периодом, описанным в начале повести «Жертвы обстоятельств». Автор предпочитает ограничиться этим замечанием и не ввязываться в долгую метафизическую полемику о природе времени. Вместо этого он позволит себе коротенькую цитату: «Всегда есть другое время».

я позволил себе удовольствие составить приблизительный план развития событий. По правде говоря, план, который меня полностью устраивал, не производил впечатления реалистичного, но меня это не слишком беспокоило: в последнее время все шло так, как я хотел, и я обнаглел настолько, что решил, будто теперь так будет всегда.

Я не то клевал носом, не то просто мечтал, сидя в удобном кресле, когда случилось нечто неопишное: земля ушла у меня из-под ног, кресло куда-то подевалось из-под задницы, а обитаемый, видимый мир начал беспорядочно дергаться, словно его взбивали в невидимом шейкере. Потом я отключился, а когда кое-как оклемался, привычная реальность сменилась совсем другой картинкой. Так один кадр кинофильма сменяется другим: только что герой задумчиво бродил по саду, хлоп – и он уже бороздит просторы Вселенной на каком-нибудь идиотском звездолете.

Впрочем, я-то уж точно не бороздил никаких просторов. Я лежал на полу, рядом с этим чертовым камином, а моя рубашка дымилась, недвусмысленно собираясь вспыхнуть. Потом я увидел пучеглазого и попытался вступить с ним в диалог – одним словом, начал играть в новую игру, так и не ознакомившись с правилами. Меня не покидало смутное предчувствие, что нравила мне не понравятся.

– Идиотство! – жалобно сказал я вслух и позорно всхлипнул. По щеке медленно поползла мокрая дрянь.

Впрочем, для того чтобы страдать, требуется куча сил, которых у меня не было. Поэтому я просто лежал на ковре и смотрел на огонь. Пляска невидимых саламандр всегда меня успокаивала; этот безотказный прием сработал и сейчас.

Больше всего на свете я хотел заснуть, а потом проснуться дома и напрочь забыть этот кошмарный сон.

Первый пункт программы я худо-бедно выполнил. Через пару часов впал в жалкое подобие забытья, и мне снились все те же мигающие языки пламени в камине и все те же сумбурные воспоминания о доме, который я потерял. Со вторым пунктом ничего не вышло. По правде сказать, не слишком-то я и надеялся.

* * *

Меня разбудили пронзительные вопли. Орали, Впрочем, не в помещении, а где-то еще. Через несколько секунд я понял, что эта адская какофония доносится с улицы. Кое-как встал. Сперва – на четвереньки, но потом героически поднялся на ноги, которые как на грех оказались чертовски длинными. В первое мгновение мне показалось, что я еще никогда не смотрел на собственные ступни с такой невообразимой высоты.

Впрочем, это неприятное ощущение очень быстро прошло. Я благополучно вернулся в стройные ряды прямоходящих приматов и подошел к длинному узкому окну. Стекла в окне не было вовсе. То ли его разбили, то ли хозяин комнаты обожал свежий воздух.

Я выглянул во двор, удивляясь своему прекрасному самочувствию. Этой ночью мне было так хреново, что я впервые в жизни был готов добровольно сдаться на милость первого попавшегося лекаря, если бы он обнаружился где-то поблизости, а теперь меня распирало от избытка энергии. Настроение, правда, оставалось паршивым, но по крайней мере меня больше не тянуло скулить и жаловаться. Я был твердо намерен искать – и найти! – какой-то выход. Для начала, Впрочем, требовалось понять, в какое именно дерьмо я влип.

Зрелище, которое открылось моему взору, не внушало особого оптимизма. Вымощенный крупным булыжником двор, окруженный высоченной каменной стеной, был довольно просторным и донельзя запущенным: повсюду валялись какие-то предметы, смутно напоминающие примитивные орудия сельскохозяйственного труда. Никаким сельским хозяйством тут, Впрочем, и не пахло, растительности вообще не было, даже каких-нибудь чахлах пучков травы.

Почти прямо под окном стоял невысокий деревянный помост с отверстием в центре. На помосте топтались крупные, пестрые, удивительно толстые птицы с хвостами общипанных павлинов. Клювы тем не менее у них были длинные и острые, это я издали приметил.

Птицы, впрочем, не шумели, они спокойно клевали какую-то дрянь, что-то вроде черной каши, щедро размазанной по всему сооружению. Крики доносились из-под помоста. Сверху мне не было видно, что происходит под помостом, но я быстро сообразил, что там активно страдает настоящий живой человек. Сначала я не мог понять, почему он так орет, но потом разглядел, что из отверстия торчит совершенно голая задница. Она, несомненно, принадлежала несчастному мученику и была густо перемазана все той же черной кашей. Время от времени какая-нибудь птица клевала горемычную часть тела, после чего следовала новая серия воплей. Приходить бедняге на помощь явно никто не собирался, из чего я сделал вывод, что сия мистерия развивалась согласно утвержденному сценарию.

– Бред какой-то! – растерянно сказал я.

Некоторое время я наблюдал за происходящим: ждал развязки. Во дворе постепенно появлялись люди в нелепой, как мне казалось, одежде. Они начали неохотно наводить какое-то подобие порядка: складывали свои загадочные орудия труда в одну большую кучу, тихо и односложно переговаривались, то и дело взрываясь хохотом. Никогда прежде я не слышал столь дружного, дебильного и в то же время жизнерадостного ржания – возможно, впрочем, потому что никогда не служил в армии.

Никто не обращал внимания ни на крики, ни на задницу в центре помоста. И уж тем более никто не спешил на помощь великомученику. Очевидно, кто-то «самый главный» считал, что задница страдальца должна по-прежнему оставаться на месте.

По правде сказать, сие прискорбное зрелище немного подняло мне настроение. Не потому, что я такой уж великий садист, просто происходящее было настолько нелепым, что никак не могло быть частью моей жизни, не могло случиться на самом деле. Поэтому я немного расслабился. Если я сошел с ума, есть шанс, что меня рано или поздно вылечат. В конце концов, медицина развивается, умники в лабораториях то и дело изобретают новые лекарства, так что не все потеряно.

Тем не менее пронзительные вопли обладателя голой задницы здорово действовали мне на нервы, и без того порядком потрепанные. Я решил покинуть свое временное пристанище. Во-первых, я здорово надеялся, что в коридоре не так шумно, а во-вторых, решил разыскать своего пучеглазого приятеля и вообще разведать обстановку.

* * *

Обстановка была та еще. В коридоре оказалось так темно, что я вспомнил дурацкую шутку своего детства: «Как у негра в жопе». Это неpolitкорректное сравнение подходило как нельзя лучше.

Некоторое время я брел наугад, придерживаясь рукой за теплую шероховатую стену, потом увидел вдалеке за поворотом свет и решительно зашагал в ту сторону. Пройдя пару десятков метров, я остановился на пороге огромного зала, освещенного отчасти скупой порцией дневного света, проникавшего в помещение через узкие окна, а отчасти – бледным мерцанием немногочисленных изящных светильников, украшавших стены.

Инстинкт самосохранения не позволил мне сразу же сунуться в центр этого открытого пространства: мало ли что. Поэтому я прижался к стене рядом с дверью и осторожно заглянул в зал: а ну-ка, что там происходит?

Ничего особенного, собственно говоря, не происходило. В помещении было пусто. Через несколько минут мне надоела собственная осторожность и я переступил порог. Прошелся по залу, разглядывая немудреные детали интерьера, стараясь сохранять отрешенное – если

не настроение, то хотя бы выражение лица, как у туриста, слегка утомленного долгой экскурсией.

Откровенно говоря, ничего я толком не разглядел. Я был настолько выбит из колеи, что едва воспринимал действительность. Разве что ее общие очертания или особо выдающиеся подробности, вроде давешней голой задницы, облепленной птичьим кормом.

Моя прогулка по залу была прервана скрипом дверных петель. Я подскочил как ужаленный, но мои тревоги не шли ни в какое сравнение со стрессом, который пережил вошедший. Он замер на месте в нелепой, на редкость неудобной позе, словно бы мой взгляд парализовал его, как взор Горгоны. Одна нога стояла на полу, вторая повисла в воздухе, стопа вывернулась вовнутрь, одна рука прикрывала лицо, другая – объемистое брюхо, обтянутое ярко-красной курткой, явно сшитой не по размеру. Наконец человек пришел в движение, подскочил на месте, пронзительно взвизгнул: «Демон!» – и испарился, звонко пукнув напоследок – с перепугу, надо понимать.

А я удивленно хлопал глазами. Прошлой ночью мне решительно не удавалось объясниться с пучеглазым, зато вопль давешнего пузана был мне совершенно понятен: демон – он и есть демон. Разумеется, этот чудесный человек имел в виду меня, так мило с его стороны!

А потом до меня дошло еще кое-что. Толстяк в красной куртке не произносил слово «демон». Он сказал: «маггот»⁴ – но я сразу понял значение этого слова, даже не затрачивая время на синхронный перевод, как это бывает, когда слушаешь знакомую, но все-таки чужую речь.

«Вот это да, – изумленно подумал я, – кажется, я знаю местный язык. С чего бы это?»

Потом мне стало совсем нехорошо. Подумалось: а ведь вполне может статься, что я родился и вырос в этом неуютном месте, а потом на время утратил память, вернее, обзавелся совершенно шикарными, но фальшивыми воспоминаниями о том, чего со мной никогда не происходило... А теперь я начинаю выздоравливать, так что в скором времени непременно вспомню свое, вне всяких сомнений, безрадостное детство в замке Альтаон (я уже откуда-то знал, что нахожусь не в доме, а именно в замке, и замок этот носит гордое имя Альтаон) и юность, проведенную в этих же стенах. А потом меня окружают толпы счастливых родственников и друзей, которые ужасно обрадуются, что я наконец-то вернулся к реальности.

Я чуть не рехнулся от такой перспективы, даже дышать перестал, испугавшись, что еще одна порция воздуха окончательно свяжет меня с этим местом. Но потом взял себя в руки и решил не сдаваться. Ни одна реальность не способна долго оставаться таковой, если ты в нее не веришь. У меня была возможность выбирать, во что верить, и я сделал свой выбор. «Это неправда, Макс, – твердо сказал я себе. – Что бы тебе ни мерещилось, это не может быть правдой, поскольку твое сердце принадлежит другому небу. И какая, к черту, разница, куда занесло твою кожу с костями и несколько килограммов кишок».

Мне стало легче. Настолько, что я мужественно вдохнул новую порцию воздуха и принялся выяснять, что еще я знаю об этом месте – из какого бы источника ни взялось это загадочное знание.

Через несколько минут я с облегчением (и даже некоторым неуместным разочарованием) обнаружил, что не так уж много мне известно. Кроме того, что я находился в одном из залов замка Альтаон, я не знал почти ничего. Например, загадочная кормушка для птиц во дворе с голой задницей в центре по-прежнему оставалась для меня неразрешимой загадкой. Да и рожа моего давешнего пучеглазого знакомого тоже не вызывала даже смутных воспоминаний. Я понятия не имел, кто этот смешной, в сущности, дядя!

⁴ Демон (*кухё*)

Я подошел к окну, и земля снова ушла у меня из-под ног: в небе сияло целых три солнца⁵. Одно большое, другое поменьше и третье совсем маленькое, чуть больше привычной моему глазу луны. Это уже было слишком! Я судорожно вцепился в подоконник, но это не помогло: я грузно осел на пол.

В моей голове не осталось ни одной мысли, и это было величайшим из благ. А потом я почувствовал, что меня охватило какое-то странное ледяное безразличие к происходящему и к своей собственной судьбе. Меня больше не волновали такие насущные проблемы, как количество солнц в небе. Это не имело никакого значения. Вообще ничего не имело значения, в том числе взволнованный голос пучеглазого, достигший моих ушей. На сей раз я не нуждался в услугах переводчика, но никаких эмоций по этому поводу не испытывал.

Оно и к лучшему.

– Ты преодолел дверь, запертую моим заклинанием, всемогущий! – почтительно сказал он.

Я больше не удивлялся, что понимаю его речь. Ну, понимаю – и что теперь делать?!

– А дверь была заперта? Не заметил.

– Ты все-таки можешь изъясняться! – восхитился пучеглазый. – Нынешней ночью я подумал было, что язык кунхё непонятен демонам.

– Не знаю, понятен ли ваш язык демонам, но лично я этой ночью не понял ни единого слова. А теперь понимаю. Хотел бы я знать, почему?

– Ты провел ночь перед моим камином, ну конечно же! – Он с энтузиазмом хлопнул себя по лбу. – А в моем камине всегда горит правильный огонь.

– Что значит – «правильный огонь»?

– Правильный огонь достался нам в наследство от Ургов. Этот огонь – источник знания, мудрости и прочих благ для ума. Ты молча созерцал его, когда остался в одиночестве, и поэтому теперь тебе ведомы многие вещи, которым в противном случае пришлось бы долго учиться – даже тебе.

– Так все дело в огне? – уточнил я.

Вообще-то это было похоже на правду: я помнил, как заворжила меня пляска оранжевых искр в глубине камина. Они мельтешили перед моими глазами даже во сне. Это действительно было похоже на гипноз или еще какую-нибудь паранормальную дребедень в таком духе.

– Конечно, все дело в огне, – подтвердил пучеглазый. – Правильный огонь дает доступ к знаниям, а неправильный может сжечь память неосторожного. Поэтому разумный муж ни за что не станет созерцать огонь в незнакомом месте.

– А есть еще и «неправильный огонь»? – насторожился я.

– Увы, это так. Сейчас пришли плохие времена, и во многих очагах горит огонь, добытый неумелыми хурмангара⁶. Он почти так же опасен, как моя Метла Рандана⁷.

⁵ В мире Хомана действительно три дневных светила, лишь одно из которых – желтая Айма – является солнцем в привычном понимании этого слова, т. е. звездой. Второе «солнце» – это планета Юм, целиком состоящая из неизвестного светящегося металла, а бледно-голубое «солнышко» – это спутник Хоманы, маленькая планета Уава, которая обладает необъяснимым свойством отражать свет Аймы и Юма в дневное время. Два других спутника – Вон Рао и Авуа – появляются в небе ночью, в точности, как наша Луна.

⁶ Тайные науки мира Хомана подразделяют всех без исключения обитателей этой планеты (людей, животных, птиц, растения) на десять категорий, в соответствии с их происхождением, предназначением и врожденными свойствами. Не удержусь от искушения изложить обрывки кое-как усвоенной мною причудливой информации. Поскольку в то время я еще прихварывал антропоцентризмом и интересовался по большей части людьми, речь здесь пойдет о людях. Добавлю только, что все нижеизложенное в той или иной степени относится и к другим формам органической жизни. *Мараха* («Хозяева»). Как и хурмангара, существовали в мире Хомана с начала времен как некая данность. Общая численность людей, и животных, и растений Мараха очень невелика, но они довольно равномерно расселились по всей планете. Считается, что Мараха рождены для того, чтобы пользоваться всем, что есть в мире Хомана и одновременно присматривать за порядком в этом мире, как за порядком в своей душе, – отсюда и термин «хозяева». Насколько я понял, все без исключения Мараха от рождения обладают выдающимися способностями, особенно в области загадочной магии мира Хомана, и отличаются от обычных людей куда больше, чем мы можем себе вообразить, хотя иногда иллюзия сходства бывает почти полной. В то же время, каждый народ Мараха следует

У меня голова шла кругом от такой информации, особенно от некоторых словечек вроде «рандана» или «хурмангара»⁸, значение которых я не понимал. Странно, если учесть, что язык, на котором мы говорили, казался мне если не родным, то, во всяком случае, твердо усвоенным с детства.

– Может быть, этот ваш огонь действительно дает доступ к знаниям, но я по-прежнему почти ничего не понимаю, – сердито сказал я. – Есть много вещей, о которых я хотел бы узнать.

– Что именно? Я с радостью отвечу на твои вопросы.

Пучеглазый развел руки в жесте, который, очевидно, должен был символизировать гостеприимство: дескать, добро пожаловать! Но особой радости на его раскрасневшейся физиономии я не обнаружил. Только напряженное внимание, словно он ожидал нападения. Позже я

по своему собственному пути, и нередко избранный путь оказывается тупиком – по крайней мере, так говорят сами Мараха. *Анела* («из зверей рожденные») – немногочисленная группа народов (насколько я понял, в данном случае речь идет только о людях), объединенных одним-единственным сходством: так или иначе, они произошли от животных, обитавших в мире Хомана. В этой книге будет немного рассказано об уллах – мне говорили, будто их предками были юплы. Верится с трудом, хотя определенное внешнее сходство имеет место... *Рум-тудум* («чужие») – главный признак этой группы народов (и отдельных личностей): они никак не связаны с миром Хомана узами рождения. Чаще всего появление Рум-тудум – результат колдовства или следствие особого состояния Вселенной, при котором происходит своего рода «обмен между Мирами» (сей процесс не имеет ничего общего с романом Френсиса Карска «Робинзоны космоса»). Культура Рум-Тудум, какой бы она ни была, всегда очень своеобразна и не похожа на культуру других народов мира Хомана. Ярким примером Рум-Тудум являются альганцы и прочие обитатели Земли Нао, да и я сам побывал там именно в качестве «Рум-Тудума». *Асайя* («преображенные») – это народы, изначально жившие в мире Хомана, но преобразившиеся под влиянием Рум-тудум или при воздействии особого рода «эманаций», которые местные Мараха называют «дыханием Вселенной». Иногда такие чудеса происходят стихийно, иногда в результате вмешательства непоседливых божеств или хлопотливых Мараха. К категории Асайя, в частности, относятся описанные в этой книге страмослябы: говорят, Мараха Вурундшундба зачем-то скрестили дикое племя местных хурмангара с призраками каких-то безумных язычников восточнославянского происхождения. *Муммэо* («дети богов») – группа народов, рожденных богами. Каждый такой народ имеет своего конкретного создателя (или группу создателей). Положение их личного демиурга в сложной иерархии богов, а также цель, ради которой был сотворен тот или иной народ, полностью определяет интеллектуальный уровень, духовные стремления, исторический путь и мировоззрение «детей богов». К Муммэо принадлежат описанные в этой книге бунаба, а также мельком упомянутые гархнарги, сибельтуунги, ансафа и хо. *Коши* («пасынки богов») – Коши может стать любой народ или группа людей, или даже отдельный человек, если они вступят в тесные отношения с кем-то из обитающих в мире Хомана богов, который при этом не является их создателем. *Айоши* («обласканные») – их судьба подобна судьбе Коши, но в качестве опекуна здесь выступает не божество, а один из высокоразвитых народов (чаще всего Мараха). *Хамба* («полукровки») – эти народы (или отдельные личности) возникают в результате смешения двух или более разных народов. Насколько я понимаю, самые сообразительные ребята, с которыми мне довелось встретиться в Земле Нао, были Хамба, поскольку родились в результате смешения местной знати, все представители которой являются Рум-Тудум, и местных жителей хурмангара. *Мукаса* («не настоящие») – гомункулы или «терминаторы», как вам больше нравится. Результат развития технической (или скорее магической) мысли других обитателей Хомана. Сам я таких не видел, но мне рассказывали о неких «гагагнэргах», которых сделали Калги – печально известные Мараха, которые умудрились организовать свою жизнь настолько неправильно, что их настигло поголовное безумие, а потом они исчезли с лица земли.

⁷ *Рандан*. – В каждой области Земли Нао есть свой правитель – Рандан, своего рода наместник правителя Ванда. Рандан обладает почти неограниченной властью над вверенной ему территорией, и только особо важные дела обязан выносить на суд Ванда. Рандан избирается только из касты Руи (о высших кастах Земли Нао подробно рассказывается в комментариях к слову «шархи»).

⁸ *Хурмангара* («жители», «обитатели») – очень большая группа народов. Хурмангара существовали с начала времен, как некая данность, отсюда и термин «жители». Ни выдающимися способностями к чему-либо, ни особой одухотворенностью хурмангара не обладают, причем люди нередко уступают в интеллектуальном и духовном развитии животным и растениям хурмангара, которые, по крайней мере, обладают врожденным, естественным чувством гармонии с окружающим миром. Люди хурмангара ведут в основном физиологическое существование. Деление единого народа на более мелкие группы у хурмангара происходит довольно часто, но, как правило, не по причине сознательных миграций или массового следования за «вождями», а как результат случайного «разбредания» по обширным пустынным территориям вследствие неумения ориентироваться на местности. Живут хурмангара где придется, часто используют для жилья естественные природные образования (дупла, пещеры). Некоторые, самые способные, все-таки строят себе жилища, не блещущие архитектурными излишествами. Орудия труда и войны используют самые примитивные (если вообще используют). Познаний в науках или в магии у них отродясь не было. Вследствие наблюдений за природными явлениями у хурмангара иногда возникают суеверия или примитивные религии (например: дождь идет – большой человек с неба мочится). На пользу хурмангара нередко шел контакт (или даже смешение) с другими, более развитыми народами, которые обычно используют их как слуг, а иногда и просто бескорыстно просвещают. Впрочем, многим хурмангара не помогло даже покровительство добросердечных Мараха. Остается добавить, что из этого правила, как из любого другого, есть исключения. В качестве блестящего примера мне привели загадочных шаманов Аймым и просвещенных горцев Хутуфьялфа, поэтому можно заключить, что положение хурмангара не является безнадежным.

понял, что так оно и было: в моем обществе этот дядя всегда чувствовал себя так, словно сидел верхом на атомной боеголовке.

– Отлично, – вздохнул я. – Вопрос первый: кто вы такой? Вопрос второй: где я нахожусь? Вопрос третий, самый главный: что вообще, черт побери, происходит?! Рассказывайте!

– У тебя странная манера изъясняться, – осторожно заметил пучеглазый. – Ты говоришь со мной так, словно перед тобой не один собеседник, а по меньшей мере двое.

– Ладно, перехожу на «ты», нет ничего проще. А как насчет моих вопросов? На них существуют хоть какие-то ответы?

– Ответы всегда существуют, – философски заметил он. – Но они не всегда могут понравиться. Я боюсь, что мои ответы могут тебя прогневать.

– Если меня что-то и может прогневать, так это молчание.

Я почувствовал, что этот внушительный дядя относится ко мне с заметным опасением, и на всякий случай скорчил зверскую рожу. Это произвело впечатление: он согнулся в глубоком поклоне и торопливо заговорил.

– Я уже представился тебе вчера, но в тот момент ты не понимал мою речь...

– Да, действительно.

Глупо получилось: я спрашивал о том, что и так знал. Этого человека звали Конм Таонкрахт, он был Великим Ранданом Альгана и заодно владельцем этого веселенького местечка – замка Альтаон и хрен знает какого количества акров бесплодной земли и непроходимых лесов вокруг.

Со мной творились странные вещи: я откуда-то совершенно точно знал, что земли вокруг замка – именно бесплодные, зато понятия не имел, что означает слово «рандан», хотя смутно подозревал, что мой новый приятель – большой начальник. Создавалось впечатление, что, глядя на пламя в камине, я действительно получил доступ к необъятному источнику полезных знаний, но не искупался в этом источнике, а довольствовался тем, что на мою кожу попало несколько ледяных брызг: некоторые фрагменты нового полотна реальности были для меня совершенно ясны и очевидны, но их было слишком мало, чтобы сложить целостную картину.

– Твое имя Таонкрахт, и я нахожусь в твоём замке, да? – на всякий случай спросил я.

Он кивнул и снова уставился на меня немигающим тяжелым взглядом своих выпученных глаз.

Мне вдруг показалось, что Таонкрахт очень стар, хотя он не был похож на старика: его массивное тело казалось подвижным, а на властном и, откровенно говоря, отталкивающем лице было не так уж много морщин.

– Но я по-прежнему не понимаю, как сюда попал, – завершил я и выжидающе уставился на своего потенциального информатора.

– Я расскажу тебе, – пообещал он и снова надолго умолк. Потом неожиданно спросил: – А ты не страдаешь от голода?

– Не страдаю. Может быть, позже начну страдать, но не сейчас... Я опять хочу пить. Кофе у вас, конечно же, не варят?

Он посмотрел на меня с таким неподдельным удивлением, что я сразу понял: слово «кофе» для господина Таонкрахта – такая же абракадабра, как слово «рандан» – для меня.

– Ну да, значит, не варят, – печально кивнул я. – Этого я и боялся. Про чай и прочие радости жизни даже спрашивать не буду. Ладно, хоть воды дайте. Если можно, горячей.

Мой заказ произвел на Таонкрахта неизгладимое впечатление.

– Ты все время требуешь воды! – изумился он. – Вот уж не думал, что демоны питают такое пристрастие к воде.

Я окончательно уразумел, за кого меня принимают, и уже открыл было рот, чтобы возразить, но в последний момент передумал. Правду сказать всегда успею, сначала надо приню-

хаться. Возможно, в этом месте демоны пользуются какими-нибудь особыми привилегиями. Например, привилегией оставаться в живых.

Не то чтобы я размышлял о возможных опасностях, скорее у меня просто пробудились какие-то дремучие, но полезные инстинкты хищника, выросшего в мире таких же хищников, как он сам. Что ж, вовремя.

– Знать ничего не знаю, хочу воды, и все тут! – тоном избалованного наследника какого-нибудь восточного халифа заявил я.

– Могу ли я пригласить тебя в главный зал замка? – заискивающим тоном спросил Таонкрахт. – Там уже накрыт стол и... Конечно, я непременно прикажу принести горячую и холодную воду для тебя. Столько, сколько захочешь!

– Это радует, – вздохнул я. – Ладно, пошли.

Мы вышли в коридор. Возле двери топталось несколько ребят в чертовски нелепых разноцветных костюмах и смешных тряпичных туфлях. Их манера одеваться разительно отличалась от костюма самого Таонкрахта. Он-то был закутан в роскошный черно-белый плащ, под которым я заметил металлический блеск самых настоящих доспехов, а его сапоги из тонкой белой кожи казались настоящим произведением искусства.

Любопытствующие граждане уставились на меня с неподдельным страхом, но один из них вдруг глупо ухмыльнулся. Таонкрахт тут же залепил ему мощную оплеуху, бедняга жалобно вякнул и отлетел к стене. Такие же убийные оплеухи достались еще двоим, остальные разбежались, завывая от страха. Социальный статус этих ребят не вызывал у меня особых сомнений: судя по всему, мне посчастливилось познакомиться с местными смердами.

– Не гневайся на неразумных урэгов, Маггот! – смущенно попросил Таонкрахт.

Я уже знал, что слово «маггот» значит – «демон», но в данном случае оно прозвучало как имя собственное.

– Они готовы паять на что угодно, – добавил мой пучеглазый друг. – А уж после того, как дурачок Цуцэл раззвонил по всему замку, что видел тебя в большом зале...

– Так это были «урэги»? – переспросил я.

– Да. Самая бестолковая каста! – сокрушенно сообщил Таонкрахт.

– Ну и черт с ними, – вздохнул я, – не будем отвлекаться. Если я правильно понял, ты собирался меня кормить, поить и отвечать на мои вопросы. Давай этим и займемся.

Он кивнул и торопливо зашагал по коридору. Я шел следом, изо всех сил стараясь отогнать мрачные мысли и ностальгические воспоминания и сосредоточиться на главном: мне требовалось понять, каким образом можно покинуть это место и вернуться домой, чем скорее, тем лучше. Имелась у меня и программа-минимум – выжить. И уж ее-то я был просто обязан выполнить.

Экскурсия продолжалась довольно долго. Я старался запоминать дорогу. Получалось не очень-то: спортивное ориентирование на местности никогда не было моей сильной стороной.

Одна встреча совершенно выбила меня из колеи: мимо нас гордо прошеествовал невысокий стройный мужчина в более чем странном наряде. На нем было что-то вроде пестрого сине-красно-зеленого комбинезона – впрочем, дело не в одежде. Содержимое ширинки этого, вне всяких сомнений, достойного представителя рода человеческого почти достигало земли. Можно было подумать, что парень зачем-то спрятал в своих штанах огнетушитель. Я остановился как вкопанный и пялился ему вслед, пока этот чудесный человек не свернул в один из многочисленных коридоров.

– Что это было? – спросил я Таонкрахта после того, как ко мне вернулся дар речи.

– Это мой старший бубэр, – охотно пояснил тот. – Не гневайся, что он не оказал тебе знаков особого почтения: не знаю, как в других землях, а у нас, в Альгане, бубэры обладают особыми привилегиями.

– Бубэр, – вздохнул я, – ну-ну... А зачем они нужны, если не секрет?

– Чтобы люди хурмангара, которые обитают в моем замке, были счастливы и довольны, – ответил Таонкрахт.

– Ишь ты! – хмыкнул я.

Наконец мы пришли в огромный зал, который, надо сказать, потряс меня до глубины души. Если внешний вид помещений, которые мне уже довелось осмотреть, не слишком отличался от немудреных фантазий художника-постановщика недорогого фильма о средневековье, то этот зал был отчаянным воплем неопишущего, бесстыдного великолепия.

Особенно хорош был пол, выложенный разноцветной мозаикой из мелких самоцветов. Сперва мне показалось, что это просто некая несимметричная абстрактная композиция, но приглядевшись повнимательнее, я понял, что на полу изображено подобие географической карты, вернее, топографического плана местности – очень красивое, но, скорее всего, вполне условное изображение.

– Это Альган, – сообщил Таонкрахт, заметив, что я разглядываю пол. – Мои владения. Я – Великий Рандан Альгана.

Продолжения не последовало: очевидно, мой собеседник был совершенно уверен, что все, в том числе и демоны, обитающие в темных глубинах ада, прекрасно знают, что такое «рандан» и «Альган» и как это круто.

– А мой стол стоит на том самом месте карты, где должен быть мой замок Альтаон, – заметил Таонкрахт. Словно бы в ответ на его реплику раздался громкий хохот. Он звучал со всех сторон сразу, будто нас окружала от души веселящаяся толпа. Я удивленно осмотрелся, но в зале никого, кроме нас, не было.

– Это смеются стены, – пояснил Таонкрахт. – Когда я только поселился в Альгане, мне порой не хватало хорошего собеседника, который понимал бы все мои шутки. Здешний народ... Ну да ты сам их видел! Глупые, никчемные существа. Они едва справляются с нехитрой работой по дому. Куда уж им веселиться вместе со мной!.. И тогда я околдовал этот зал. Среди этих веселых стен мне не так одиноко.

Я сочувственно кивнул: с подобными проблемами я и сам не раз сталкивался. Особенно в школьные годы, которые, к счастью, благополучно миновали черт знает сколько лет назад.

Таонкрахт тем временем подвел меня к столу и усадил в огромное кресло, которое вполне могло сойти за королевский трон. Мебель показалась мне не слишком удобной: когда спинка кресла отделана резьбой и инкрустирована драгоценными булыжниками, на нее не очень-то обопрешься.

Пока я ерзал по этому величественному сооружению, он уселся напротив, схватил здоровенный керамический кувшин и торопливо наполнил две посуды – не то небольшие миски для салата, не то непомерно огромные пиалы – темной густой жидкостью.

– Это сибельтуунгское черное вино, – пояснил он. – Попробуй.

Я осторожно понюхал жидкость, и меня передернуло: судя по запаху, это так называемое вино было крепче коньяка. Желудок тут же честно предупредил меня, что не намерен удерживать в себе это пойло. Я решил не рисковать, ибо чувствовал себя так, словно только оклемаюсь после очень тяжелой болезни, бодрость и легкость, которые переполняли меня, казалось, не принадлежали мне, а были взяты взаймы под проценты максимальной осторожности. Поэтому я помотал головой.

– Демоны это не пьют, знаешь ли. Может быть, ты все-таки дашь мне воды?

– Прости, что я не сделал это сразу, – смущенно вздохнул Таонкрахт, – просто у нас, в Альгане, считается оскорбительным предлагать гостю воду, и я чувствую себя очень неловко...

– Но я же не гость! – усмехнулся я.

– Да, пожалуй, – нерешительно согласился он. Залпом осушил свою «пиалу», немного помедлил, потом забрал мою, отпил из нее несколько глотков и заорал так оглушительно, что у меня уши заложило: – Гыц, Ымба, Ялэу! Куда все запропастились?

Из-под стола вылезли два встрепанных мужчины средних лет. Через несколько секунд появился еще один. Судя по его припухшей и донельзя озадаченной физиономии, он только что проснулся. Все трое стояли на четвереньках. Надо понимать, ожидали приказаний.

– Принесите много воды, горячей и холодной, в самых дорогих сосудах – в тех, что подарил мне Ванд за вразумление сбрендивших Пэногальфов, да смотрите, ничего не разбейте! А не то в цакке состаритесь! – рычащей скороговоркой приказал им Таонкрахт. Троица поспешно направилась к выходу, не поднимаясь с карачек.

– А что, они не могут ходить? – любопытствовал я.

– В этом зале слуги не смеют подняться на ноги, если только их руки не заняты какой-нибудь ношей, полезной и приятной для сидящих за моим столом, – высокопарно пояснил Таонкрахт.

– Как интересно, – протянул я. – Но еще интереснее другое: как я здесь оказался? Рассказывай, ты обещал.

– Ты оказался здесь... – Таонкрахт запнулся, немного подумал, потом залпом допил остатки темного вина и решительно закончил: – Ты оказался здесь по моей воле, Маггот! Я призвал тебя силой своего магического искусства. Не сочти мое признание унижительным для себя: мне потребовались все мои познания и тридцать лет жизни, чтобы встретиться с тобой лицом к лицу. И если уж так вышло, не будешь ли ты столь великодушен, чтобы сообщить мне свое настоящее имя?

– Обойдешься! – буркнул я.

Конечно, можно было честно сказать ему, что меня зовут Макс, невелика тайна. Но я решил воздержаться от откровенности. Резонов было много: во-первых, я смутно помнил множество сказок, где герой получал власть над чудовищем, узнав его истинное имя. А ведь почти всякая сказка – это магическая история, искаженный до неузнаваемости отчет о чуде, которое где-то когда-то с кем-то случилось. Кроме того, я не был уверен, что уважающего себя демона могут звать просто Максом – срам, да и только! Ну и вообще, зачем говорить правду, когда можно соврать?

– Тогда я буду обращаться к тебе: «Маггот», – предложил Таонкрахт. И на всякий случай добавил: – Надеюсь, ты не сочтешь это оскорблением?

– А почему я должен счесть это оскорблением? – удивился я.

– Потому что так именуют всех демонов, в том числе и тех, что ниже тебя по званию и заслугам, – обстоятельно объяснил он.

– Ничего страшного, – вздохнул я. – Скажи лучше, на кой черт ты меня призвал? Небось хочешь вечной молодости, власти над миром и толпу красивых девок в качестве бонуса? Или еще о какой дивной хрени размышлял?

Таонкрахт снова потянулся к кувшину. Разговор наш был ему не слишком приятен, ну да не я ведь его завел!

– Меня не слишком тяготит возраст, – наконец сказал он. – Но мне не нравится, что я смертен...

– Это никому не нравится! – усмехнулся я. – Тем не менее смертность всего живого – это закон природы.

– Но ты же бессмертен? Демоны бессмертны, я знаю!

– Ты ошибаешься, – внушительно сказал я. – Просто демоны живут гораздо дольше, чем люди. Неизмеримо дольше. Но потом все равно умирают.

Я и сам не понимал, зачем ввязался в эту бредовую дискуссию. Впрочем, я всегда готов поспорить на отвлеченные темы с заинтересованным собеседником, разыгрывая из себя компетентного специалиста по всем вселенским проблемам.

– Вот и я хочу жить неизмеримо дольше! – тоном капризного ребенка заявил Таонкрахт. – Но если ты думаешь, что в обмен на эту услугу я собираюсь предложить тебе всего одну душу, ты ошибаешься. У меня несколько сотен слуг. Они – законченные болваны, но у них имеются души, я не сомневаюсь. И еще у меня есть жена и три сына, тоже законченные болваны, но их души – души самых родовитых альганцев. Если мы договоримся, ты получишь все! А в обмен на это я хочу не только продлить свою жизнь, но и увеличить свое могущество. Оно и без того велико, но мне хочется большего. – Он огляделся по сторонам, приблизил губы к моему уху и драматическим шепотом сообщил: – Я – Великий Рандан Альгана, но мир велик, и мне надоело повелевать столь малой его частью!

«Ну да, все как у людей, – устало подумал я. – И как, интересно, получается, что такие примитивные ребята достигают блестящих успехов в прикладной магии? Понять, что все суеда суеда и томление духа у него ума не хватает, зато наворожить с три короба, чтобы заполучить меня в свой камин, – всегда пожалуйста!»

Мне снова стало жаль себя, но я взял себя в руки и успокоился. Спокойствие вышло тяжелое, равнодушное, безрадостное, но это настроение было наилучшим из возможных вариантов.

Сейчас мне требовалось не сердцем трепетать, а выработать стратегию поведения. Пучеглазый Рандан ждал от меня совершенно немыслимых чудес, совершить которые я был не способен. В то же время он ни на йоту не сомневался в моем могуществе, и это давало мне некоторые преимущества. Оставалось понять, смогу ли я убедить его отправить меня обратно домой – например, под тем предлогом, что мне требуется взять там бланки приходных ордеров, необходимых для оптовой закупки такого количества высококачественных душ.

– Ты сделаешь это для меня, Маггот? – с надеждой спросил Таонкрахт. – Знаю, я прошу о многом, но твой пламенный взор свидетельствует, что тебе под силу и не такое.

«Мой пламенный взор свидетельствует о том, что я хочу набить тебе морду, – устало подумал я, – и еще о том, что у меня со страшной скоростью едет крыша – эх ты, провидец хренов!» Но вслух я этого говорить не стал: мой новый приятель Таонкрахт производил впечатление опытного драчуна, а у меня никогда не было таланта к рукопашному бою.

– Я обдумую твою просьбу, – сказал я Таонкрахту. И ехидно добавил: – Боюсь, ты что-то напутал, когда читал свое заклинание.

– Почему ты так говоришь? – встревожился он.

– Потому что я не испытываю никакого желания тебе помогать, – объяснил я. – А когда я не испытываю желания что-то сделать, я этого не делаю.

– Да, я мог ошибиться, – сокрушенно признал Таонкрахт. Он так разволновался, что отхлебнул добрый глоток своего пойла прямо из кувшина. – Я перебрал столько древних заклинаний в надежде найти среди них действенное... Скажи, я могу как-то вернуть себе твое расположение?

Его слуги тем временем вернулись, поставили на стол несколько сосудов с водой и, глупо ухмыляясь, полезли обратно под стол, в соответствии с требованиями дворцового этикета.

Я наполнил горячей водой здоровенную пиалу и сделал осторожный глоток. Если закрыть глаза и напрячь воображение, вполне можно внушить себе, что пьешь очень слабый несладкий чай – все лучше, чем ничего!

– Так что я могу сделать, чтобы ты проникся желанием выполнить мою просьбу? – настойчиво спрашивал Таонкрахт. – Неужели тебя не прельщают души моих слуг?

– Маловато будет! – ухмыльнулся я. – Какая-то пара сотен – нашел чем удивить.

– Я могу добыть больше! – Таонкрахт снова приложился к «сибельтуунгскому черному», звучно рыгнул и пообещал: – Сделаем! Мои соседи меня боятся. Если я потребую, чтобы они...

– А это кто такой? – перебил я его.

В зал вошло совершенно невероятное существо. Представьте себе человека, одетого в своеобразную паранджу до колен, сшитую из толстого войлока, этакий серый холм на худых ногах, обутых в матерчатые сапоги, с сумрачно-серьезным лицом, выглядывающим из овального отверстия в соответствующем месте.

– Здесь никого нет, – Таонкрахт огляделся по сторонам. – Тебе примерещилось, – решил он.

– Ничего себе – примерещилось! – возмутился я.

Меньше всего на свете мне сейчас хотелось, чтобы этот живой холмик оказался галлюцинацией. То, что мне волей-неволей приходилось принимать в качестве реальности, было способно свести с ума и без дополнительных наваждений. Я ткнул пальцем в сторону войлочного незнакомца и спросил:

– А это что за палатка на ножках?

Услышав меня, диковинный экспонат поспешно ретировался, а Таонкрахт непонимающе уставился на меня.

– Что ты имеешь в виду? Я никого не видел... А как он выглядел – тот, кого ты увидел?

– Я же говорю – палатка на ножках... Такой серый войлочный холм с дыркой, из которой выглядывала чья-то любопытная рожа.

– Да ведь это был Габара! – Таонкрахт смотрел на меня с суеверным ужасом. – И ты его увидел! Ты воистину всемогущее существо!

– Еще бы я его не увидел! Неужели ТАКОЕ можно не заметить?

– Да ведь он же невидимый, – упавшим голосом сказал Таонкрахт. – Все Габара в совершенстве владеют этим искусством.

– Так это был человек-невидимка? – развеселился я.

По всему выходило, что Таонкрахт действительно не видел войлочную «палатку». И не потому, что перебрал сибельтуунгского черного, а потому, что это каким-то образом согласовывалось с загадочными законами местной природы.

Я насел с расспросами на своего единственного информатора:

– А кто такой этот «Габара»? И почему он тут бродил?

– Соглядатай, – мрачно сообщил Таонкрахт и снова потянулся к кувшину.

– Чей соглядатай? Соседский, что ли? – усмехнулся я. – Сейчас расскажет твоему соседу, что ты раскатал губу на души его слуг?

– Ты что, какие соседи! Габара – это служитель касты Сох⁹. Они соглядатайствуют по приказу Ургов.

⁹ Каста Сох возникла в те времена, когда Урги решили уйти под землю. Они собрали небольшую группу наиболее способных людей, которых удалось отыскать среди местного населения, и обучили их некоторым тайным знаниям, для того, чтобы те могли поддерживать порядок на поверхности, а также выполнять многочисленные капризы Ургов. Внутри касты Сох существует строгая иерархия, и место каждого члена касты определяется исключительно в соответствии с его природными склонностями. *Кинхэшина* – наиболее близкие к Ургам из всех Сох, только они общаются с Ургами лично. Кинхэшина передают остальным Сох приказы и пожелания Ургов, а также несут своеобразное «дежурство», наблюдая и контролируя все, что происходит в Земле Нао, в том числе и действия остальных Сох. Все Кинхэшина в полной мере обладают тайным знанием и необычными способностями, несвойственными обычным людям. Никаких личных связей с внешним миром не имеют. *Зиг-Злик* – своего рода «специалисты по паранормальным явлениям». Изучают все «непонятное», в частности «демонов» Рум-тудум, то и дело объявляющихся в Земле Нао, используют их в своих целях, если это возможно, или борются с ними, если считают, что это необходимо. Тесно связаны с Кинхэшина, т. к. также интересуются почти исключительно «тайным знанием», пренебрегая прочими сторонами жизни. Являются их непосредственными помощниками, своего рода «лаборантами». Чаше, чем другие Сох, рано или поздно становятся Кинхэшина, поскольку это – закономерный результат их деятельности. Кстати, именно Зиг-Злик помогали альганцам освоиться в новом Мире после того, как те появились в Земле Нао. Зиг-Злик долго дружили с альганцами, поскольку те делились с ними своими знаниями, но постепенно, по мере того как альганцы деградировали, Зиг-Злик утратили к ним интерес. *Хаа'хха* – главные специалисты по контактам Сох с внешним миром. «Учи-

– Тех, которые оставили вам «правильный огонь»? – заинтересовался я. – А кто они такие? Местные правители?

– Да нет, если бы правители! Я сам правитель на своей земле. Они скорее сродни тебе или даже Ему, – Таонкрахт ткнул пальцем в направлении неба. Насколько я понял, он имел в виду бога, но не решился произнести это слово в моем присутствии. А я-то полагал, что человек, живущий под тремя солнцами, должен быть свободен от суеверий.

– Урги уже давно исчезли с лица земли, покинули этот мир, но они всегда рядом... Одним словом, Урги – это Урги, – Таонкрахт перешел на свистящий шепот. – Плохо, что они уже пронюхали о тебе. Хотя... Ха! Жизнь – это борьба! Не было еще такого, чтобы настоящий альганец не договорился с Сох. А если договорился с Сох, считай, что договорился и с Ургами. Забудь о нем.

– Океюшки, – вздохнул я, – поверю тебе на слово.

– Но как, однако, ты его углядел! – снова изумился Таонкрахт. Покачал головой и в очередной раз приложился к кувшину. По моим подсчетам, он уже выдул не меньше литра своего крепкого пойла, и ничего, только рожа еще больше раскраснелась. Вот это я понимаю – великий чародей.

– А давай сделаем так, – осторожно предложил я. – Ты прочитаешь какое-нибудь заклинание, чтобы я вернулся назад, а потом, когда ты договоришься с этими ребятами – Сохами, Ургами и остальным начальством, я вернусь. Возможно, к этому времени мое настроение переменится, и мы сможем договориться.

– Но я не могу тебя отпустить! – растерялся Таонкрахт. На его раскрасневшейся роже появилось выражение неподдельного ужаса, но он быстро взял себя в руки и решительно помотал головой для пущей убедительности.

– Как это – не можешь? – опешил я. Нельзя сказать, что я действительно надеялся так легко его уговорить, но разочарование оказалось совершенно сокрушительным, как удар под дых. – Скажи прямо, что не хочешь.

Я старался говорить сердито, но боюсь, мой голос дрогнул от отчаяния.

– Я не могу отпустить тебя, пока мы не закончим сделку, – объяснил чародей. – Если демон не выполнит то, ради чего его вызвали, освобождающее заклинание не подействует.

Надо думать, на моем лице появилось выражение, не вполне подходящее для иллюстрации притчи о всеобщей братской любви. По крайней мере, заглянув мне в глаза, Таонкрахт торопливо добавил:

– А если демон убьет чародея, который его призвал, он навсегда останется в этом Мире, поскольку некому будет его отпустить.

– Врешь небось, – устало сказал я. – Ладно, ври, пока можешь.

теля», «дипломаты», своего рода «высшие судьи» и т. п. для всех жителей Земли Нао Хаа'хха держат своеобразную «высшую школу» на одном из островов в заливе Шан, где отбирают будущих учеников для своей касты, а также – подходящих кандидатов для обучения «свободным профессиям». Они же и обучают отобранных учеников. Хаа'хха официально сообщают жителям Земли Нао новые законы, созданные в связи с пожеланиями Ургов. В случае необходимости активно вмешиваются в политические и даже внешнеполитические дела. *Габара* – согладатаи, крупные специалисты по сыску, маскировке и т. п., своего рода «тайная полиция». Следят за порядком в Земле Нао. В случае необходимости вызывают Хаа'хха для переговоров или Хинфа для расправы. *Хинфа* – убийцы. Обычно приходят по вызову Габара, согласованному с кем-нибудь из Хаа'хха, Зиг-Злик или даже Кинхэшина – в зависимости от сложности ситуации. Могут убивать не только оружием, но даже взглядом. Хаа'хха, Зиг-Злик и Хинфа равноправны между собой: каждый занимается своим делом, к которому имеет врожденный талант. Если со временем личные склонности меняются, меняется и профессия. Каждый из них может стать Зиг-Злик или даже Кинхэшина, если выяснится, что теперь они могут быть более полезны именно в таком качестве. *Хак-зай* – ученики. Обучение длится неопределенное время (от года до нескольких десятков лет), в зависимости от способностей ученика. Во время обучения проходят «стажировку» в подземных владениях касты Сох, где выполняют все подсобные работы, поэтому у Сох нет необходимости брать слуг со стороны.

– А может быть, ты просто даруешь мне бесконечно долгую жизнь и могущество, прямо сейчас? И сразу же отправишься туда, откуда пришел, – предложил этот прекрасный человек, звучно отхлебнув из своей посуды. – Триста душ тебе хватит?

– Мало, – твердо сказал я. – Могущество – это тебе не хрен собачий... Слушай, я устал. Я хочу остаться один. Мне нужно подумать.

– Я отведу тебя в лучшие покои этого замка, – согласился он.

– В лучшие не обязательно. Я хочу остаться в той комнате, где я провел ночь. Если уж там горит «правильный огонь».

Таонкрахт едва заметно скривился. То ли комната была нужна ему для иных целей, то ли он сожалел, что был со мной не в меру откровенен, когда рассказал про огонь, то ли планировал поместить меня в такое помещение, откуда мне не удалось бы выйти без его помощи. Черт знает, что творилось в его безумной голове!

– Там тебе будет неудобно, – наконец сказал он. – Там нет даже кровати.

– Ну, прикажи, чтобы ее поставили. Я так хочу.

Я еще и сам не знал, почему решил поселиться именно в той комнате. Просто доверял инстинкту, который требовал, чтобы мое драгоценное тело оставалось на обжитой территории и не совалось в незнакомые места.

– Хорошо, если ты так желаешь, – вздохнул Таонкрахт. – Я прикажу поставить там кровать.

Я мысленно поздравил себя с маленькой победой. Хотя на кой черт она мне сдалась? Неведомо.

Пока Таонкрахт орал на своих горемычных слуг, которым, по его расчетам, в ближайшее время предстояло лишиться души, я понял, что проголодался. Взял со стола кусок толстой мягкой лепешки и осторожно отщипнул краешек. Вопреки моим смутным опасениям лепешка оказалась вкусной. Впрочем, в стрессовых ситуациях мой аппетит дезертирует первым, поэтому я не наслаждался едой, а методично загружал в топку необходимое количество калорий. Когда желудок перестал ныть, я отложил лепешку в сторону и вопросительно посмотрел на Таонкрахта.

– Ну что, все готово?

– Не знаю, – он поднялся с места. – Пойдем проверим. Этих лодырей, моих слуг, надо поторапливать, а то они до ночи будут возиться.

– Слушай, а ты твердо уверен, что у них есть души? – ехидно спросил я, когда мы добрались до моей комнаты. – По крайней мере мозгов у них нет, это точно.

Я не зря язвил. Дюжина здоровенных ребят отчаянно пыталась протиснуть в дверь громоздкое сооружение, отдаленно напоминающее кровать. Теоретически говоря, сие было вполне возможно. Для этого следовало просто развернуть злосчастный предмет обстановки, а не пихать его поперек.

Таонкрахт зарычал, на бестолковые головы его несчастных слуг посыпались затрецины. Между делом он все-таки как-то объяснил им технологию вноса мебели, и через несколько минут процесс был благополучно завершен. Я удовлетворенно кивнул, вошел в комнату и устало опустился на кровать. Больше всего на свете мне хотелось спать. Неудивительно: в глубине души я по-детски надеялся, что мне удастся проснуться дома.

– Я пришлю к тебе спокойнотного, – пообещал Таонкрахт.

Он зачем-то последовал за мной и даже уселся рядом на край кровати. Кувшин с сибельтуунгским черным он предусмотрительно прихватил с собой и теперь звучно отхлебывал очередную порцию горячего.

– Не надо ко мне никого присылать, – попросил я. – Мне нужно побыть одному. Ты можешь уйти? Мы еще успеем наговориться, будь уверен.

– Хорошо, как скажешь, – Таонкрахт грузно поднялся с моего ложа и направился к выходу. Уже стоя на пороге, он упрямо сказал: – Но спокойного я все-таки пришлю. Если он тебе не понравится – убей его, я не стану возражать. Самому надоел.

С этими словами он удалился, а я вытянулся на кровати и тихонько застонал от тупой боли в груди. Я был совершенно уверен, что это ноет моя собственная душа, хотя до сегодняшнего дня она казалась мне самой здоровой частью организма. Пострадав так с четверть часа, я наконец сделал то, с чего следовало начинать, а я все откладывал – отчасти потому, что у меня не было никаких сил, а отчасти потому, что я отчаянно боялся результата.

Дело в том, что в последние годы моя (только что, надо думать, завершившаяся) жизнь, к которой я так хотел вернуться, была не просто прекрасной. Она была по-настоящему удивительной, с большой-пребольшой буквы «У». Не хочу вдаваться в подробности, которые больше не имеют значения – если уж какая-то могущественная сволочь, приставленная записывать мои деяния в Книге Судеб, безжалостно залила эти главы густой черной тушью. Скажу только, что моя прежняя жизнь была переполнена невероятными чудесами, и я сам умел совершать некоторые из этих чудес. Уж не знаю, как мне это удавалось, но я обучался новым фокусам с легкостью, как цирковая обезьяна. Нужно было проверить, остались ли при мне хоть некоторые полезные навыки.

И я проверил.

Случилось то, чего я боялся больше всего на свете. Боялся, поскольку в глубине души с самого начала знал, что именно так все и будет. Я обнаружил, что больше ничего не умею. Вообще ничегошеньки! Отныне я был совершенно безопасен для окружающих. И совершенно бесполезен. Легкомысленное могущество, доставшееся мне с удивительной легкостью, оставило меня, словно и не было ничего. «Великий и ужасный» сэр Макс закончился – я здорово подозревал, что навсегда.

«Бедный, бедный господин Таонкрахт, – с невольной усмешкой подумал я, – тоже мне вызвал демона! По всему выходит, что ты – не самый везучий парень в округе! А уж я – и подавно».

Мне было по-настоящему паршиво, но я все-таки задремал, почти сразу же, словно спешил сменить причудливую реальность этого Мира, озаренного светом трех солнц, на хорошо знакомое, безопасное пространство сновидений.

Впрочем, меня тут же разбудил чей-то писклявый голосок. Отчаянно фальшивя, он пел какую-то дремучую колыбельную, способную усыпить разве что роту солдат после недельного марш-броска – просто потому, что эти ребята могут спать даже стоя на голове в оркестровой яме оперного театра во время репетиции.

– Заткнись! – сонно потребовал я.

В ответ раздалось тихое бульканье и отчаянный кашель: с перепугу певец подавился собственной слюной. Я разлепил глаза и увидел перед собой существо неопределенного пола в ярко-красном балахоне, украшенном пестрыми лентами, блестками и прочей прекрасной фигней, словно его костюм соорудила пятилетняя девчонка для своей любимой куклы. Я вспомнил обещание Таонкрахта прислать ко мне какого-то таинственного «спокойного» и понял, что это он и есть.

– Убирайся отсюда, – буркнул я. – Убивать тебя, так и быть, не стану, но чтобы через секунду здесь было тихо.

Существо попятилось назад, простодушно хихикая. Я сонно отметил, что все обитатели этого места, кроме разве что самого Таонкрахта, почему-то все время ржут не по делу, и снова провалился в милосердную темноту сна без сновидений.

Глава 2

Хинфа и другие радости жизни

Когда я проснулся, было уже темно. До меня снова доносились какие-то странные звуки, но они, по счастью, не походили на давешнее фальшивое мяуканье. Скорее уж на вечернюю мантру какого-нибудь буддийского монаха: тихий, почти монотонный гул, не лишенный, впрочем, некоторой приятности. Это умиротворяло, я почувствовал себя если не счастливым, то по крайней мере совершенно спокойным. В данных обстоятельствах это было щедрым подарком судьбы. Поэтому я снова закрыл приоткрывшиеся было глаза, чтобы не дать удивительному настроению покинуть меня через эти распахнутые форточки.

Через несколько минут я окончательно понял, что спать мне больше не хочется, и решил взглянуть на источник звука, оказавшего на меня столь благотворное воздействие.

Красноватого света пламени в камине было достаточно, чтобы разглядеть человека, стоявшего в изголовье моей постели. Он оказался точной копией того войлочного «холмика», которого мой приятель Таонкрахт считал невидимкой. «Еще один соглядатай? – удивился я. – Или тот же самый? С какой, интересно, стати он решил помедитировать в моем присутствии? Проверяет, увижу ли я его на этот раз – так, что ли?»

– Чего тебе надо, чудо природы? – добродушно спросил я.

Гул тут же прекратился, а «холмик» рухнул на пол как подкошенный. Несколько секунд я растерянно хлопал глазами. Потом покинул свое ложе и склонился над незнакомцем: мне пришло в голову, что он тоже считает меня «демоном», а поэтому вполне мог хлопнуться в обморок от страха, обнаружив, что я проснулся и теперь ему предстоит остаться наедине с таким чудищем. Я довольно долго искал его пульс, но так ничего и не обнаружил. Зато заметил, что в одной руке бедняга сжимает какой-то странный предмет: темный, довольно толстый, причудливым образом загнутый прут из неведомого материала. Счастливый обладатель вещицы вцепился в нее мертвой хваткой. Я потрогал было диковину, но тут же отдернул руку: ощущение было не из приятных. Какая-то странная, неритмичная вибрация, слабая, но определенно раздражающая.

Отказавшись от дальнейших исследований в этой области, я принялся похлопывать его по щекам, потом осторожно потряс за плечи. Все было бесполезно. Через несколько минут до меня начало доходить, что дело куда хуже, чем я мог вообразить. Никакой это был не обморок, в моих объятиях остывал самый настоящий свеженький покойничек. Я ощутил холодок, ползущий по позвоночнику, а потом – не слишком интенсивную, но противную тошноту, как всегда, когда мне приходится встречаться со смертью.

– Ты что, умер? – беспомощно спросил я у неподвижного тела.

Ответа не последовало. А я почувствовал такую слабость, что был вынужден снова опуститься на кровать.

«Надо бы позвать Таонкрахта и сказать, что у нас тут труп, – вяло подумал я. – Но как его позвать-то? Телефонов у них вроде нет...» После этого глубокомысленного вывода я заснул. До сих пор не могу поверить, что оказался способен заснуть рядом с остывающим трупом таинственного незнакомца, но именно это я и сделал. Думаю, я просто никак не мог осознать, что все это происходит со мной на самом деле.

На рассвете меня разбудили истошные вопли, знакомые мне по вчерашнему утру. Я даже не стал выглядывать в окно: и так было ясно, что длинноносые общипанные павлины снова клюют свою черную кашу, размазанную по голой заднице какого-то бедняги. Я решил, что это не мои проблемы. Что касается проблем, их у меня и без того хватало.

Начать с того, что на ковре лежал давешний мертвец. Сие было досадно: я-то сперва решил, что эта бредовая история мне просто приснилась. Однако нет. Действительность настойчиво совала мне под нос давешние кошмары и требовала считать их явью. Измененная, прости господи, реальность.

Имелись и проблемы другого рода. Мой организм решил, что чудеса чудесами, но ему необходимо побывать в уборной. Вчера я находился в таком глубоком шоке, что мне так и не понадобилось посетить это замечательное место. А теперь у меня не было времени на поиски – хоть в штаны валяй! Я судорожно огляделся по сторонам и внезапно обнаружил огромный ночной горшок, который торжественно стоял чуть ли не в самом центре комнаты, как раз напротив окна.

Я равнодушно удивился драгоценной инкрустации на внутренней поверхности сосуда – впрочем, она впечатлила меня не настолько, чтобы я отказал себе в удовольствии осквернить этот шедевр ювелирного искусства.

Стоило избавиться от самой насущной из проблем, как меня тут же плотным кольцом обступили все остальные: начиная от мертвого тела и заканчивая нормальным человеческим желанием почистить зубы и принять душ. Я решил, что в любом случае нужно позвать на помощь кого-нибудь из слуг, и выглянул в коридор. Под дверью топталось несколько ребят в пестрых обносках неопределенного фасона. Увидев меня, они поспешно отступили, застенчиво ухмыляясь до ушей.

– Так, – вздохнул я, – во-первых, отсюда нужно убрать горшок, а во-вторых – мертвеца. Не знаю, откуда он взялся, но он тут лежит уже довольно давно. Я его не убивал, если вам это интересно.

Один из слуг набрался смелости, подошел к порогу и заглянул в комнату. Он тут же отскочил на несколько метров, словно обнаружил в комнате голодного дракона.

– Хинфа! – пронзительно заорал он. – Там Хинфа! Мертвый Хинфа!

– И что? – растерянно спросил я. Но рядом уже никого не было.

Мне показалось, что ребята не просто убежали, а исчезли, раз – и нет. Оставалось надеяться, что у них хватит ума прислать сюда какого-нибудь специалиста по неприятностям. А еще лучше – позвать самого Таонкрахта, который, по крайней мере, не имел привычки испуганно верещать по любому поводу.

Я вернулся в комнату, сел на кровать и принялся ждать развития событий – а что мне еще оставалось? События не спешили развиваться. За окном по-прежнему вопила несчастная жертва репрессий, мертвец неподвижно лежал на ковре, а я изо всех сил старался сохранить остатки самообладания: у меня были все основания полагать, что оно мне еще понадобится.

* * *

Таонкрахт прибыл через полчаса, заспанный и хмурый, как зимнее небо над Лондоном. Житейский опыт подсказывал мне, что его мучает тяжелое похмелье, но мужик держался молодцом. По крайней мере не хватался за голову и не спрашивал у кого-то невидимого в районе потолка, за что ему ниспослано такое наказание. Мрачно осмотрел мертвое тело – я отметил, что он старается не приближаться к покойнику на расстояние вытянутой руки, – и изумленно уставился на меня.

– Ты одолел Хинфу, Маггот! Что ж, значит, ты куда могущественнее, чем здешняя нечисть. Мне повезло! Йох! Унлах!¹⁰

¹⁰ В переводе с языка кунхё это восклицание означает: «Хорошо! Да будет так!» Но дословный перевод не способен адекватно передать эмоциональное содержание фразы, поэтому здесь и далее автор намерен воспроизводить это характерное восклицание в его первоизданном виде.

– А уж мне-то как повезло! – ехидно откликнулся я. – Кто такой этот Хинфа? И почему он, собственно говоря, умер? Думай что хочешь, но у меня и в мыслях не было его убивать. Он пел мне такую хорошую песню... Кого я действительно собирался убить, так это твоего спокойного, но пройдоха вовремя смылся.

– Хинфа пел тебе песню? – изумленно переспросил Таонкрахт. Потом понимающе кивнул: – Наверное, он хотел убить тебя взглядом. Я слышал, что самые могущественные Хинфа убивают, не прибегая к оружию. Выходит, это правда. У него нет при себе ничего, кроме священного жезла.

– Ты имеешь в виду этот прутик? – оживился я. – Неприятная игрушка. Я его потрогал. Ничего особенного, но мне не понравилось.

– Ты прикасался к жезлу Гремблех¹¹? – уважительно переспросил Таонкрахт. – А знаешь ли, что в это мгновение против тебя должна была обратиться вся сила Сох?

– Прямо-таки вся? – усмехнулся я. – Ну, значит, не так уж ее у них много! Меня, правда, слегка встряхнуло – но это все. А с чего ты вообще взял, что он хотел меня убить? Никогда не видел, чтобы убийцы вели себя таким образом. Он просто стоял рядом со мной и пел. Вернее, не то чтобы по-настоящему пел, а издавал монотонные звуки, весьма, надо сказать, приятные для слуха.

– Хинфа появляются только затем, чтобы убивать, – внушительно сказал Таонкрахт. – Нет никаких иных причин, которые могли бы заставить Хинфа войти в человеческое жилище. Думаю, он умер потому, что никто не может убить такого могущественного демона, как ты, и его сила обернулась против своего обладателя.

Сделав сей глубокомысленный вывод, Таонкрахт внезапно помрачнел и объявил:

– Теперь мне придется крупно посориться с Сох! Не было еще такого, чтобы их убийца появлялся в замке альганца без разрешения хозяина. А я – не простой альганец, не какой-нибудь задрипанный шархи¹² без кола и двора! Я – Великий Рандан Альгана!

¹¹ Гремблех – волшебный жезл, с помощью которого все члены касты Сох могут мгновенно связаться друг с другом.

¹² Знать Земли Нао делится на следующие касты: Руи (высшая каста, на общем собрании которой выбираются местный правитель – Ванд). В зависимости от общественного и имущественного статуса Руи, в свою очередь, подразделяются на Мон Руи – «первые среди равных», элита, сливки касты, состоящие на службе у Ванда, из Мон Руи выбирают Рандана; Хру'бар – богатые собственники, не состоящие на службе у Ванда и не принимающие активного участия в государственных делах; Э Руи Хаг – младшие сыновья и дочери Руи, не обладающие собственностью и слишком молодые (или недостаточно способные) для того, чтобы занимать высокую государственную должность. Они часто состоят на службе в войске Ванда или просто куролесят, шатаясь по всей Земле Нао и затеывая ссоры с владельцами замков, а иногда становятся храбрыми путешественниками, открывателями новых земель, или просто уезжают жить в другие земли (в частности, среди халндойнской знати много потомков Э Руи Хагов из Земли Нао. Хиурра – несколько менее знатные, чем Руи. В основном это выражается в том, что ни один Хиурра, каким бы великим человеком он ни был, не может стать Вандом. В зависимости от общественного и имущественного статуса Хиурра подразделяются на Ман Хиурт (то же, что и Мон Руи в касте Руи, из числа Хиурра выбирают Эстёров); Рон Хёппа (богатые собственники) и Эхиурхаги (безземельные младшие сыновья). Шархи – еще менее знатные. Насколько я понял, среди Шархи никогда не было приличных колдунов (прежде в Земле Нао умение колдовать являлось одним из основных признаков знатности рода, но сейчас это искусство – привилегия единиц). В зависимости от общественного и имущественного статуса Хиурра подразделяются на Мюн Шархр (шархи, приближенные к Ванду, из Мюн Шархр выбирают Пронтов); Шархба (владельцы скромных замков, больше напоминающих зажиточные хутора); Шнарк (младшие сыновья) и Шхиа (младшие сыновья младших сыновей, то есть перекасти-поле как минимум во втором поколении). Кранди – «знатность» Кранди выражается только в том, что они не являются людьми хурмангара. Они подразделяются на Сондэ (те, кто состоит на службе у знатных людей, чаще всего в качестве гвардейцев, оруженосцев, или телохранителей) и К'ликинди – это просто свободные люди, которые обычно выбирают для себя одну из немногочисленных «профессий по призванию», а иногда объединяются в небольшие мобильные «армии», которые промышляют то разбоем, то торговлей – в зависимости от ситуации. Что касается прочих «свободных профессий» – мне известно не так уж много. Среди них есть такие странные, как Мэсэн – ловец и продавец дермодов; Бубэр – своеобразная «служба сексуальной помощи», которая помогает знати поддерживать в замках атмосферу общего довольства жизнью; Аа – книгоучи, летописцы и философы; Вуцы – ремесленники (оружейники, столяры, плотники и т. п.); и даже Каремпа – официальные бездельники, в чьи обязанности входит шататься по свету, разносить новости, одним словом – создавать иллюзию «бурлящей жизни» в этой, довольно безлюдной и неудобной стране, за это Каремпа получают небольшое, но стабильное жалование. Кроме того, в Земле Нао мне довелось лично познакомиться с несколькими трактирщиками, одним погонщиком бухубатов и услышать историю о торговце рабами – полагаю, все это тоже «профессии по призванию».

Он очень быстро заводился: лицо покраснелось, глазищи бодро полезли из орбит. Еще немного, и дядя, пожалуй, начал бы крушить мебель. Думаю, его сдерживало только мое присутствие.

– Прежде чем ты отправишься ссориться с этими, как их... Сох, скажи, могу ли я помыться? – вежливо осведомился я. – Мне это совершенно необходимо. И еще жрать хочется. Да, и самое главное. Объясни мне раз и навсегда, где у вас туалет?

– А тебе это тоже необходимо? – изумился Таонкрахт. – Воистину загадочна и непостижима твоя природа!

– Необходимо, – признал я. И понял, что придется придумать какое-то простое, разумное объяснение этого, с позволения сказать, феномена, дабы обитатели замка раз и навсегда уяснили, что моя демоническая природа не освобождает их от некоторых обязательств.

– Обычно я выгляжу, как жидкий огонь, и действительно не нуждаюсь ни в еде, ни в питье, ни в уборных, – сказал я. – Но поскольку ты что-то перепутал, когда читал свое дурацкое заклинание, я появился в твоём доме в человеческом теле. Что тут непонятного?

– Прости меня, Маггот, – кротко отозвался Таонкрахт.

Я так и не понял, за что он просил прощения: за ошибку в своих треклятых заклинаниях или за то, что мне пришлось столкнуться с бытовыми неудобствами.

– В твоей спальне всегда будет стоять великое множество самых лучших, самых драгоценных ночных горшков, – пообещал он. – И я прослежу, чтобы кравчие не забывали их опустошать.

Я приснул: до сих пор мне всегда казалось, что кравчий – это тот, кто наливает вино, а не выносит горшки. Впрочем, в Море, который озарен светом трех солнц, могли твориться еще и не такие недоразумения.

– Ладно, – все еще улыбаясь, сказал я, – с горшками вроде разобрались. Я уже понял, что на постройку канализации вашего могущества пока не хватает. А как насчет ванной? Если я не помоюсь, я начну впадать в ярость, примерно через полчаса, а то и раньше.

– Тебе постоянно нужно остужать свой жар, – понимающе кивнул Таонкрахт. – А я-то еще удивлялся, что ты все время требуешь воды...

– Остужать свой жар, вот именно, – обрадовался я. Мне, можно сказать, повезло: рядом с Таонкрахтом не приходилось напрягать воображение, выдумывая какие-то головокружительные подробности физиологии демонов, он и сам отлично справлялся.

– У меня есть хорошая большая ванна, – сообщил мой гостеприимный тюремщик. – Я сам иногда испытываю потребность освежить в ней тело. Думаю, она тебе понравится. Я прикажу слугам наполнить ее холодной водой...

– Ни в коем случае! – запротестовал я. – Только теплой! И сначала они должны хорошенько ее вымыть.

– Вымыть – что? Воду? – изумился он.

– Да нет, ванну.

У меня уже голова кругом шла от нашего идиотского диалога.

– Хорошо, все будет, как ты хочешь, – поспешно согласился он. – Но на это уйдет около получаса. Ты сможешь подождать, не впадая в ярость?

– Я попробую, – пообещал я. – Полчаса как-нибудь продержусь. И скажи своим слугам, что они должны готовить для меня ванну каждый день, утром и вечером... Да, и еще: у вас принято чистить зубы?

– А как же, – с готовностью отозвался он. Достал с одной из полок склянку толстого стекла, наполненную прозрачной красноватой жидкостью, и протянул ее мне. – Возьми немного, прополощи рот. Это очень хорошее средство. Только не глотай: если уж у тебя человеческое тело, живот может прихватить от такого пойла!

Я недоверчиво покосился на склянку, но потом вспомнил, как быстро исцелила меня давешняя чудесная мазь от ожогов, и решил, что местной фармацевтике, пожалуй, вполне можно доверять. Красноватая жидкость пахла медом и мятой одновременно, ее вкус тоже оказался приятным и освежающим.

Я прополоскал рот, огляделся, понял, что выплюнуть полоскание некуда, и вопросительно посмотрел на Таонкрахта. Он понял мою проблему и указал на окно. Я пожал плечами: уж если хозяин дома разрешает заплевывать свой двор, ему же хуже – подошел к окну и наконец-то избавился от жидкости. К моему изумлению, она была уже не розовой, а темно-зеленой, а соприкоснувшись с пыльными камешками, которыми был вымощен двор, зашипела, как разъяренная гадюка, и испарилась, оставив на камнях едва заметные следы ожогов.

– Ничего себе! – присвистнул я.

– Это значит, что тебе досталось человеческое тело с больными зубами, Маггот! – заметил Таонкрахт. – Как это может быть?.. Впрочем, теперь твои зубы будут очень долго оставаться здоровыми. Гораздо дольше, чем тебе понадобится сохранять этот облик, я уверен.

– Вот это, я понимаю, чудо! – одобрил я. Это была первая хорошая новость с тех пор, как я очнулся в камине Таонкрахта, и я преисполнился благодарности. – А ты молодец! Сам изобрел это зелье?

– Ну, кое-что осталось от Ургов, – неохотно признался он. И гордо добавил: – Но я тоже над ним поработал. Зелье Ургов было очень невкусным, и его надо было носить во рту несколько часов подряд.

– Да, несколько часов – это неприятно. Так что ты действительно молодец, – улыбнулся я.

Сообщение о том, что у меня не осталось ни одного больного зуба, здорово подняло мое настроение. Вообще-то у меня железное здоровье, но злодейские зубы и их верные друзья стоматологи не раз умудрялись испоганить мою раскрепостившую жизнь.

– Может быть, ты хочешь поесть, пока мои слуги будут греть для тебя воду? – предложил Таонкрахт. – Я сам как раз собирался позавтракать. Потом мне будет не до того: думаю, посланцы Сох заявятся сюда, чтобы забрать своего мертвого, а я собираюсь излить на них свой гнев.

– Да, излить гнев – дело стоящее! – подтвердил я. – Ладно уж, пошли завтракать, уговорил.

По дороге в главный зал – как я понимаю, Таонкрахт скорее дал бы себя убить, чем согласился принимать пищу в ином помещении – у меня снова случился тяжелый приступ депрессии. Я осознал, что провел здесь уже больше суток. За это время я успел лишь выспаться, вылечить зубы и убедиться, что мой гостеприимный хозяин не собирается отправлять меня домой, по крайней мере не раньше, чем получит от меня могущество и бессмертие.

Но я уже стал закаленным бойцом с собственным настроением. Стиснул облагодетельствованные местной медициной челюсти и сказал себе: «Цыц!» А потом сочувственно добавил: «Теперь это и есть твоя жизнь, дружок».

* * *

За завтраком Таонкрахт осушил несколько кубков какого-то очередного пойла – на сей раз оно было розового цвета и пахло, как хорошие дорогие духи. После этого он окончательно раздумялся и разразился гневной тирадой в адрес загадочных Сох, которых он называл не иначе как «ополоумевшими, зарвавшимися колдунами».

Я отщипнул по кусочку от каждого из многочисленных блюд и равнодушно отметил, что со жратвой под этим небом все в полном порядке. Правда, легче от этого мне не стало.

Наконец на пороге возник очередной слуга. В отличие от своих коллег выглядел он вполне прилично, да и морду имел не просто разумную – хитрющую, как у дюжины старых

лисиц. Он сообщил, что хозяина дома ждут важные посетители, и с поклоном скрылся в коридоре. Таонкрахт тут же завернулся в свой роскошный черно-белый плащ, витиевато извинился за то, что лишает меня своего общества – пережить это огорчение, разумеется, было почти невозможно! – и отправился на переговоры.

А я пошел инспектировать его ванную комнату, каковая оказалась очень даже ничего – при условии, что ведра с водой таскает кто-то другой. Если бы у Таонкрахта не было такого количества слуг, на которых можно взвалить эту работу, я бы вряд ли остался ярым блюстителем личной гигиены.

Мне принесли чистую одежду и даже довольно удобное белье из тонкой прохладной ткани, похожей на небеленый шелк. Поначалу я сомневался: надевать все это или нет? Смешно сказать, боялся, что, напялив на себя местные тряпки, я окончательно растворюсь в этой чужой реальности.

В конце концов я махнул на все рукой и надел белье: по крайней мере, в отличие от моего, оно было чистым. Собрался с мужеством и натянул широкие сиреневые штаны. В другое время их покрой показался бы мне чересчур экстравагантным, но сейчас мне было плевать. Надел белоснежную рубашку из тончайшего полотна, а сверху – еще одну длинную, не то рубаху, не то куртку, тоже ослепительно-белую, из плотной ткани, похожей на бархат. Из прежних вещей при мне осталась только обувь. Ее я намеревался хранить как зеницу ока: перед тем как стряслось это безобразие, я собирался на долгую прогулку и надел самые удобные ботинки, какие нашлись в доме. Старые, проверенные дружки.

Переодевшись, я некоторое время прислушивался к своим ощущениям. Вроде бы все было в полном порядке. Я помнил, что меня зовут Макс. Не забыл и великое множество замечательных вещей, которые успели со мной случиться, прежде чем я попал в замок Таонкрахта.

Воспоминания пробудили мою горемычную подружку тоску. Та встрепенулась, залютовала, принялась грызть меня со свежими силами, словно я был спелым яблоком. Я вяло отбивался. В конце концов решил, что мне следует как-то отвлечься от трагического внутреннего монолога. Например, прогуляться по замку.

Я долго бродил наугад по сумрачным коридорам. Местные смерды, завидев меня, смущенно скалились до ушей и шустро разбегались, как тараканы по щелям. Несколько раз я пытался завести с ними интеллектуальную беседу, примерялся к роли студента антропологии, оказавшегося в дикой, экзотической стране. Но мое обаяние не действовало на коренное население Альгана: услышав звуки моего голоса, ребята впадали в ступор, даже ухмылки исчезали.

Наконец я обнаружил выход во двор. Из дверного проема мне в глаза брызнул ослепительный солнечный свет. Я немного поморгал, привыкая к этой перемене, и вышел из помещения.

Воздух, свежий и неопишимо ароматный, заполнил мои легкие. Только теперь я понял, в каком чаду живут, оказывается, обитатели замка. Светлое небо над головой показалось мне восхитительным: его голубизна имела сочный бирюзовый оттенок, и я невольно одобрил художественный вкус местного демиурга. Одно из маленьких солнышек, самое белобрысое, стояло в зените, а два других – янтарно-желтое и тускло-оранжевое – то ли уползали на покой, то ли наоборот – старательно карабкались вверх. Кто их разберет, где тут у них какая сторона света и каков порядок шествия небесных светил?

Теперь, когда количество солнц больше не повергало меня в тошнотворный ужас, я был вынужден признать, что Мир, в котором я оказался, обладает совершенно особенным очарованием. А толку-то! Я хотел только одного: проснуться дома, в собственной постели, и никогда не вспоминать это бирюзовое небо, упоительно свежий воздух и чертова колдуна Таонкрахта, который устроил мне эту поучительную экскурсию.

Местная природа не скупилась на чудеса. Я убедился в этом, как только сделал несколько шагов по крупным неровным камням. Навстречу мне из-за угла выкатилось человеческое

существо совершенно неземного вида. Высокое и непомерно широкоплечее, с мощной грудной клеткой и феноменально длинными руками, оно передвигалось на таких коротких ногах, что я восхитился могуществом Создателя, умудрившегося снабдить его нижние конечности коленями: разделить пополам отрезок, длина которого стремится к нулю, – совершенно особое искусство!

Вся эта роскошь была одета в длинную зеленую рубаху, и я почти сразу углядел, что, кроме рубахи, на нем ничего не было. Огромные ступни коротеньких ножек каким-то чудом втиснулись в растоптанные кожаные туфли, которые вполне могли бы стать подходящей обувью для молодого слоненка. Его физиономия была столь же ужасна, как и прочие подробности, но на ней лежал отпечаток неопишемого дебильного добродушия и почти мистического спокойствия. Создавалось впечатление, что ужасающее существо пребывало в полной гармонии с окружающим миром.

– О, Маггот! – осклабился он. – Кудой пышло, Маггот? Пы-пы пышло? Пы-пы – тудом! – Он указал своей чудовищной ручищей в направлении высокой стены, окружающей двор.

Сначала я ничего не понял и просто наслаждался неземными звуками его мощного баса. Потом до меня дошло, что этот лепет – искаженная, но вполне поддающаяся дешифровке версия местного языка. Кажется, существо решило, что мне необходимо «пи-пи», и предусмотрительно указало мне место, где это следует делать.

– Спасибо, пока не требуется, – вежливо сказал я. – А кто ты?

– Я Тыбака, я здесь самый гламный, – охотно объяснило сие небесное создание.

– А Таонкрахт как же? – удивился я.

Скажу честно: в первое мгновение я ему почти поверил. Мало ли как у них тут все устроено. Вполне могло случиться, что пучеглазый чернокнижник Таонкрахт – всего лишь заместитель этого голозадного красавчика, который, в свою очередь, является главным местным святым или даже царем, которого избирают на год, чтобы потом торжественно принести в жертву каким-нибудь кровожадным покровителям урожая.

– Иде Таонкрахт? – переполошилось существо. – Кудом пышло? Меня здесь нету! – С этими словами оно поспешно засемило своими коротенькими ножками и скрылось за тем же углом, откуда только что вынырнуло. Я озадаченно смотрел ему вслед.

– О, да ты решил прогуляться, – одобрительно сказал Таонкрахт из-за моей спины.

– Тут только что бегало такое чудное создание в зеленой рубахе на коротеньких ножках, – сообщил я. – Говорило, что оно «здесь» самое «гламное». Что это было?

– А, это Тыбака, мой скотник, – Таонкрахт расплылся в улыбке. – Самое глупое существо, которое когда-либо рождалось на этой земле, щедрой на дураков. Настолько глупое, что это меня забавляет, а не злит. И ты на него не гневайся. Он – ёлба¹³, да еще и муммайх¹⁴ всех ёлб Альгана. Думаю, этим все сказано!

¹³ Та часть населения Земли Нао, которая является людьми хурмангара, делится на так называемые «низшие касты»: *Хигги* – своеобразная элита, редкое исключение из правила, интеллектуальные хурмангара. Они являются свободными людьми, нанимаются на работу добровольно, куда сами пожелают, и получают высокую плату за свой труд. В касту Хигги попадают не только (и не столько) по рождению, а за «высокие интеллектуальные заслуги» – для того, чтобы стать Хигги, надо пройти своего рода «тест», собеседование со специалистами из касты Сох. Хигги обычно становятся начальниками всех прочих слуг в замках, ведут бухгалтерию и даже присматривают за своими безумными хозяевами, иногда пробуют себя в одной из «свободных профессий», а иногда предпочитают вести уединенную жизнь, и никто не может им в этом препятствовать. *Мокко* – эта каста делится на еще две: *Ханара* (надежные) и *Лалаба* (весельчаки). И Ханара, и Лалаба – не такие интеллектуалы, как Хигги, но тоже весьма разумные личности, обычно из них получаются самые доверенные слуги, а некоторые знатные господа даже делают Ханара своими личными оруженосцами, хотя официально считается, что это – привилегия «дворян» из касты Кранди. *Мокко* – относительно свободные люди и могут сами выбирать себе занятие по душе, но в отличие от Хигги не имеют права переходить на службу к другому хозяину. *П'зо*. Все мелкие низшие касты, которые входят в касту П'зо, находятся в непосредственной, можно сказать «крепостной» зависимости от своих хозяев. Каста П'зо делится на две категории: *К'са* и *М'ба*. В категорию К'са входят три касты: *Хоты* (солдаты, охраняющие замок своего господина), *Жиззумы* («хозяйственные люди», из которых обычно получаются неплохие повара, кладовщики и т. п., если они живут при замках, и сносные фермеры, если им выделяют участок земли) и *Урэги* («балбесы» – эти обычно пьют не меньше, чем их хозяева,

«Да уж! – ядовито подумал я. – Воистину все сказано, сказанной не бывает».

Но расспрашивать Таонкрахта я не стал, поскольку понял, что на самом деле меня совершенно не интересуют ни ёлбы, ни муммайхи. Обладание такими сведениями вряд ли могло помочь мне вернуться домой, а прочие чудеса были мне сейчас без надобности.

– А ты уже излил свой гнев? – поинтересовался я. – Или у тебя обеденный перерыв?

– Да, с Сох я разобрался, – похвастал Таонкрахт. – Ко мне являлись сразу пятеро Зиг-зликков – веришь ли?! Ну да, ты же, наверное, не знаешь, что это у них не принято. Зиг-злики – очень большие люди в касте Сох, выше их только Кинхэшина, которые так долго крутились возле Ургов, что сами на людей не похожи... Чтобы подчеркнуть свое величие, Зиг-злики обычно повсюду ходят в одиночестве. А вот ко мне сегодня пришли сразу пятеро. Они сказали, что таким образом проявляют свое уважение, хотя я думаю, они просто испугались, что ты захочешь на них напасть. Поэтому и вели себя столь подобострастно. Они даже попросили прощения за то, что послали ко мне Габару. А ведь Сох имеют полное право посылать своих соглядатаев, куда сочтут нужным...

– А они попросили прощения за то, что по твоему дому шляются наемные убийцы?

– А как же! И при этом клянутся, что не посылали Хинфу в мой дом.

– Что, он сам пришел?

– Нет, не сам. Габара очень испугался.

– Кто испугался?

– Габара. Ну, невидимый соглядатай, которого ты вчера вывел на чистую воду. Это же невозможно! Вот он и испугался. И самовольно вызвал сюда Хинфу. На его месте я бы, пожалуй, и сам так сделал.

– И что ему за это будет? – любопытствовал я.

– Да ничего ему не будет. В цакку, по крайней мере, не посадят: у них это не принято...

А зря! – неожиданно заржал Таонкрахт. – Пошли, выпьем, Маггот!

– Пошли, – согласился я. – Какое-никакое, а развлечение.

Если честно, я был настолько глуп, что в глубине души все еще надеялся убедить Таонкрахта отправить меня домой. «Главное, – думал я, – напоить его до нужной кондиции...»

Я так еще и не понял, с кем имею дело.

– Зиг-злики хотели на тебя посмотреть, – говорил Таонкрахт, пока мы брели в его гостиную. – Так просили! Они очень любопытны и живут ради того, чтобы созерцать всевозможные чудеса... Но я решил, что обойдутся. Надо было с самого начала вести себя подобающим образом, тогда я еще поглядел бы...

но при этом вполне способны выполнять некоторые поручения). Члены всех вышеперечисленных каст обладают правом иметь собственный дом и хозяйство, но не могут уйти от своего господина на другое место жительства и обязаны явиться на службу в его замок, если он того пожелает. В категорию М'ба тоже входят три касты: *Бу* (тугодумы, которых с большим трудом удается обучить элементарным вещам), *Ёлба* (совершенно невменяемые существа, от которых нет никакой пользы в хозяйстве) и *Кы* (эти – самые настоящие рабы, взятые в плен на войне, пойманные в лесу дикие хурмангара, а также несчастные странники, попавшие в лапы торговцев живым товаром). Члены всех вышеперечисленных каст не обладают даже минимальной свободой: хозяева могут их покупать, продавать и вообще делать с ними все, что заблагорассудится. Напоследок приведу небольшой отрывок из труда анонимного автора из касты Аа, который попытался исследовать взаимоотношения между низшими кастами: «Кы завидуют Жизгумам, а им – никто не завидует. Ёлбы завидуют Урэгам, а им – никто, даже Кы. Ёлба часто боятся Ханар. Бу завидуют Лалабам, а им – никто. Урэги завидуют Ханарам, а им самим завидуют Ёлбы (и некоторые глупые Лалаба тоже завидуют Урэгам, но об это никто не догадывается). Жизгумы завидуют разве что только Бубэрам, а им самим завидуют Кы. Ханары Жизгумов не любят. Лалабы завидуют и Хигги, и Ханарам, и даже Урэгам. Бубэров они боятся. Все эти люди чтят Хигги. Ханары завидуют оруженосцам, телохранителям, женам и даже плащам своих хозяев, но никому об этом не говорят, а только щетинят бороды и выпирают животы. Они не боятся Бубэров и мало чтут «этих тощих Хигги». Хигги завидуют касте Сох, они не задерживают своего взора на Кы, не обижают Ёлба, не сторонятся Бу, Урэгов боятся, Жизгумов ругают, смеются и непристойно шутят над ними. Они любили бы Лалаба, если бы те не пытались стать Ханарами. Ханар же Хигги стараются не задевать. И еще Хигги очень уважают касту Аа».

¹⁴ Муммайх – глава касты. Муммайхи есть в любой касте, начиная с Руи и заканчивая самой презренной кастой рабов Кы. Власть Муммайха внутри касты очень велика, хотя мне так и не удалось уяснить, на кой черт он нужен.

– Правильно, – одобрил я. – Нечего всяким проходимцам на меня смотреть, да еще и бесплатно.

– А сколько ты хочешь от них получить? – живо заинтересовался Таонкрахт. – Я могу устроить! Они на все пойдут, чтобы взглянуть на тебя.

– Я хочу получить все сокровища мира, никак не меньше, – усмехнулся я. – Что ж на пустяки размениваться!

– Сох очень могущественны, но они не владеют всеми сокровищами мира, – серьезно сказал Таонкрахт. – Даже все сокровища Альгана им не принадлежат. Думаю, у Сох вообще довольно мало сокровищ. Они больше любят знания и власть, чем вещи.

– Тогда представление отменяется, – заключил я.

Когда мы переступили порог гостиной, мне стало не до шуток. Меня ожидало новое испытание. Выдержать его оказалось куда труднее, чем смириться с троицей солнышек на здешнем небе. За накрытым столом восседал человек с двумя головами.

Дядя выглядел в точности как Джо-Джим из «Пасынков Вселенной» Хайнлайна. Одно плохо: он был не в книжке, а на самом деле. Судя по всему, это чудовище твердо намеревалось стать неотъемлемой частью моей единственной и неповторимой жизни, одним из моих воспоминаний и – я был в этом совершенно уверен – постоянным персонажем грядущих ночных кошмаров.

К моему величайшему изумлению Таонкрахт не стал принимать меры, чтобы избавиться от жуткого наваждения. Напротив, он чрезвычайно обрадовался этому чудищу.

– Гальт, Бэтэнбальд! – завопил он, потрясая руками над головой. – Йох! Унлах! Давно не виделись!

– Потому я и решил заехать, – кивнула одна из голов.

– Не так уж давно, – проворчала вторая. – Недели еще не прошло.

Слово «неделя» добило меня окончательно. С какой бы это стати двухголовому чудовищу измерять время милыми моему сердцу неделями?! Моя бедная голова наотрез отказалась обдумывать эту неразрешимую проблему и попыталась всучить мне пессимистическую, но спасительную гипотезу: «Все-таки у тебя галлюцинации, дорогуша!»

Надо отдать мне должное, кажется, я неплохо держался. Во всяком случае, не убежал, не заорал дурным голосом, не стал закатывать истерику. Просто стоял и не мигая смотрел на двухголового. Если честно, я терпеливо ждал, когда он исчезнет, как и положено всякому уважающему себя наваждению.

Но он никуда не исчез, к моему величайшему разочарованию. Вместо этого головы затеяли между собой спор. Одна утверждала, что они целую вечность не видели своего лучшего друга Конма Таонкрахта, другая долдонила, что сие радостное событие имело место в их жизни чуть ли не позавчера.

– Кто это? – наконец спросил я Таонкрахта, ткнув перстом в нашего дорогого гостя. Думаю, этот хамский жест как нельзя лучше согласовывался с моим демоническим имиджем.

– Это Гальт и Бэтэнбальд Ромрахты, наши соседи, владельцы замка Ромок и мои старинные друзья, – охотно объяснил он. – Не гневайся, что я не стал скрывать тебя от их глаз, Маггот! Эти ребята – проверенные люди. Мы прошли вместе через такое, что даже ты наверняка изумишься, если узнаешь нашу историю.

– Может быть, изумлюсь, – равнодушно согласился я. – Но почему они... он... почему эти братья так выглядят?

– Что ты имеешь в виду? – искренне удивился Таонкрахт. – Они одеты как подобает знатному альганцу.

– Возможно, они одеты самым наилучшим образом. Но насколько мне известно, у человека должна быть одна голова, – осторожно заметил я.

– Вовсе не обязательно, – пожал плечами Таонкрахт. – То есть в других Мирах так оно и есть, наверное, но у нас, в Альгане – кому как повезет. Гальт и Бэтэнбальд – не единственные. У них и дети двухголовые. Дочки, между прочим, красавицы... Две головы на одном теле – это еще что! Бывает и больше. Вот старший Эндонхэмт, к примеру, вообще трехголовый – и ничего. Живут, можно сказать, душа в душу.

– Душа, говоришь? – язвительно переспросил я. – Да еще и в душу? Забавно. А кстати, у Гальта и Бэтэнбальда одна душа на двоих или все-таки две?

Я старался взять деловой тон торговца недвижимостью, который имеет полное право узнать, сколько спален в доме, выставленном на продажу.

– Две, разумеется, – совершенно серьезно ответил Таонкрахт. – Они ведь не родились такими. Когда-то у каждого из них было собственное тело. Но ты не думай, что Гальт и Бэтэнбальд тоже собираются заключить с тобой сделку. Ты – мой, Маггот! Я тебя призвал, и никто больше не посмеет беспокоить тебя своими просьбами. Разве что, если сам пожелаешь, после того как покончишь с моим делом.

– Там видно будет, – неопределенно буркнул я.

– Сегодня хороший день! – подытожил Таонкрахт. – Ты одолел Хинфу, а ведь до сих пор они считались неуязвимыми; Сох принесли мне извинения, как должно; ты сам не гневаешься на меня за то, что эти непутевые колдуны причинили тебе беспокойство. К тому же ко мне в гости пожаловали лучшие друзья. А посему будем веселиться!

Он извлек из-под стола троицу ухмыляющихся слуг и принялся командовать:

– Пугыц, Ымба, Утюк, быстро несите сюда сибельтуунгские и халндойнские вина из малого погреба. Да, и кувшин сиреневого пусть нацедят непременно. Но если я узнаю, что кто-то слизнул хоть каплю... Одной цаккой дело не обойдется, своими руками придушу!

Лакеи, испуганно ухмыляясь, удалились. Я зачарованно следил за тем, как виляют их упитанные зады, пока они проворно пересекают зал, не поднимаясь с четверенек. Боковым зрением я наблюдал за двухговым монстром, который тихонько препирался сам с собой глухими, немного гнусавыми голосами.

«А что, вот возьму и напьюсь, – обреченно подумал я. – Находиться в таком обществе на трезвую голову – еще чего не хватало! Да и вообще...»

Скорость, с которой я капитулировал, пугала меня самого. До сих пор я предполагал, что вполне способен бороться с обстоятельствами до последней капли крови, и искренне гордился этой чертой своего характера. Жизнь показала, что моя гипотетическая стойкость гроша ломаного не стоит. Просто до сих пор мне доводилось бороться исключительно с благоприятными обстоятельствами.

– Что ж, веселиться – так веселиться, – мрачно сказал я.

В зал вернулись улыбчивые слуги. На сей раз они передвигались на задних конечностях, поскольку передние были заняты многочисленными кувшинами. Они разместили свой груз среди прочей посуды, шустро юркнули под стол и затихли.

– Я приказал подать для тебя лучшее вино, – проникновенно сказал Таонкрахт, подвигая ко мне здоровенную чашу. – У меня в погребе хранится бочонок с сибельтуунгским сиреневым. Когда я впервые попробовал это вино, я понял, ради чего мы пришли сюда, преодолев темноту бесконечности.

– Куда это вы пришли, «преодолев темноту бесконечности»? – равнодушно спросил я, опасливо пригнувшись к содержимому посуды. Я старался найти в нежном аромате прозрачной бледно-сиреновой жидкости хоть что-то отталкивающее, но он был выше всяких похвал. Наверное, так могли бы пахнуть гиацинты, если бы они были съедобными.

– Как это – куда? Сюда и пришли. – Таонкрахт залпом осушил свою посудину и ткнул пальцем в направлении пола, для пущей наглядности. – В Альган мы пришли, Маггот!

– Так вы не уроженцы этих мест? А откуда вы сюда пришли? – поинтересовался я, пробуя хваленое сибельтуунгское вино. Оно оказалось столь восхитительным, что я чуть было не подавился – от удивления.

– Оттуда! – Одна из голов чудовищного Ромрахта вмешалась в нашу беседу, его рука с пафосом указала на потолок.

– Заткнись! – другая голова тут же зашипела на своего братца. – Сам не знаешь, о чем болтаешь, балбес!

– Мы пришли из другого Мира, – драматическим шепотом сообщил Таонкрахт. – Думаю, для таких, как ты, это сущий пустяк. Но ведомо ли тебе, чтобы дети человеческие могли преодолеть тьму, что разделяет Миры? Думаю, я был первым! – гордо добавил он.

Я совершенно ошалел от его признания. Ничего себе ребята развлекаются! А я-то еще удивлялся, что у этого дяди хватило могущества похитить мое драгоценное тело оттуда, где ему было чертовски хорошо, и неаккуратно поместить его в свой камин.

– Я был великим чародеем! – объявил Таонкрахт, шумно осушив свой кубок. – Возможно, величайшим из всех! Это не нравилось святошам, которые называли себя моими собратьями по вере и завидовали моему сану. И однажды они ополчились против меня. Они хотели сжечь мои книги, мои снадобья, да и меня самого заодно. Но они не знали самого главного: в одной из древних рукописей я нашел заклинание, открывающее кратчайший путь в иные земли. Мне пришлось твердить его три дня кряду, не двигаясь с места и не умолкая ни на мгновение, но в конце концов мне удалось открыть Дверь во Тьму! Оказалось, что уйти туда, где нет этих невежественных скотов, проще, чем их убить: слишком уж много их было. И я ушел. Тогда я еще не знал, куда иду. Вполне могло случиться, что Дверь ведет прямехонько в преисподнюю. Но мне повезло, она вела в Землю Обетованную! Потом я еще несколько раз открывал Дверь для своих товарищей, а после здесь стали появляться незнакомцы, родившиеся на свет через много лет после моего ухода. Видишь ли, пергамент с заклинаниями остался на земле и прошел через великое множество рук. Думаю, в конце концов его все-таки уничтожили, по крайней мере здесь уже давно никто не появлялся... А поначалу чужаки приходили один за другим, чуть ли не каждый год. Некоторым удавалось совершить чудо самостоятельно, но чаще всего я был вынужден приходить им на помощь. Вот Гальту и Бэтэнбальду, например, не повезло: они заблудились во тьме, бестолковые, а когда я нашел их там, мне удалось увлечь к свету только одно тело. С тех пор они так и живут...

– Да уж, ты мог бы постараться получше, Конм! – буркнула одна из голов.

– Не гневи провидение, Бэтэнбальд! Если бы не Конм, нас бы уже давно не было среди живых, – вмешалась вторая голова.

Я залпом допил сибельтуунгское вино и потянулся за новой порцией: мне чертовски понравилось тепло, разлившееся по телу, и веселое спокойствие, которое оно принесло.

«Дурак, это пройдет не позже, чем к завтрашнему утру, и тебе станет еще хуже!» – честно предупредил маленький мудрец, обитающий в одном из закоулков моей души. «Без тебя знаю. Плевать! До завтра еще дожить надо», – хором огрызнулись все прочие составляющие моей замысловатой личности. Я подумал, что это ужасно похоже на непрерывную свару голов Гальта-Бэтэнбальда и улыбнулся. Улыбка получилась не вымученная, а совершенно искренняя, к моему величайшему изумлению.

– Вот так-то, Маггот! – подытожил Таонкрахт. – Я искал способ скрыться от инквизиции, а нашел нечто гораздо большее: эту чудесную землю...

На сей раз я действительно подавился и позорно закашлялся, выплевывая крошки какой-то неопознанной вкуснятины растительного происхождения, которую только что утянул в рот.

– От кого ты хотел скрыться? Повтори!

– От инквизиции, – послушно повторил Таонкрахт. – А чему ты удивляешься? Так называли себя святоши, которым были ненавистны обладатели чудесных знаний.

– Да, я так и понял.

У меня голова кругом шла – не то от сибельтуунгского сиреневого, не то от удивительных открытий. Оказывается, Таонкрахт был моим, с позволения сказать, «земляком», мы с ним издали свой первый крик под одним небом, кто бы мог подумать! Правда, по моим расчетам, он должен был родиться лет на семьсот раньше меня.

Во мне вяло зашевелилось любопытство. Захотелось расспросить Таонкрахта поподробнее, но мысли путались, и я никак не мог сформулировать хороший вопрос, так что вместо этого я снова приложился к своей посудине. Таонкрахт расторопно подлил мне еще немного, а потом предложил:

– Попробуй халндойнское оранжевое, Маггот. Думаю, тебе понравится.

– Понравится, наверное, – согласился я. – Давай свое оранжевое.

Некоторое время я сосредоточенно накачивался вином: мне очень понравился веселенький сумбур в голове, и я искренне надеялся, что после нескольких новых порций он сменится полным анабиозом. Ха, я был готов заплатить любую цену за восхитительную возможность какое-то время вообще ничего не соображать.

* * *

– Ой, а чего вы тут сидите? – жизнерадостно спросил звонкий женский голос.

В зал вошла крупная высокая женщина с роскошной рыжей шевелюрой. Ее толстошее лицо показалось мне образцом добродушия и жизнерадостности. Умом, впрочем, эта милая дама явно не отличалась: ее маленький ротик был приоткрыт, как у аквариумной рыбки, а круглые глаза казались блестящими голубыми бусинами.

– Пьете вино? – приветливо спросила она. – Вот и молодцы! Но ведь вино нужно пить вечером. А днем нужно обедать. Разве уже вечер?

– Вечер, вечер, – хмуро кивнул Таонкрахт. – Можно сказать, уже ночь, так что ступай спать, дорогая.

– Ой, правда что ли, ночь? А почему еще светло? – простодушно удивилась она.

– Потому что вот такая хреновая ночь, – встрял я.

– Вот как! – искренне огорчилась женщина. – Ой, тогда я лучше и вправду пойду спать...

– Вот и ступай, – нетерпеливо сказал Таонкрахт.

– А это и есть твой демон? – с опасливым любопытством спросила она, указывая на меня.

– Ага, – ухмыльнулся я. – Я самый, кто же еще.

– А на вид совсем мальчик, как какой-нибудь юный шархи! – умилилась рыжая. – Ой, Конм, а давай его женим! У Наоргалей как раз дочка подросла, а не понравится она, другую найдем... Глядишь, поживет, как человек, и остепенится. А то такой славный мальчик, и почему-то демон!

Я расхохотался, уронив голову на руки. «Такой славный мальчик, и почему-то демон», – да уж, лучше и не скажешь!

– Не гневайся на мою жену, Маггот, – попросил Таонкрахт. – Она дура дурой, но добрая женщина.

– Да я и не гневаюсь.

– Ступай спать, Росрогния, пока беду не накликала, – велел жене Таонкрахт.

– Да иду уже, иду.

Напоследок она отобрала у супруга посудину с вином, одним глотком выдула ее содержимое, небрежно зашвырнула опустевший сосуд в дальний угол зала, громко заржала – такой хриплый раскатистый хохот удастся не всякому пьяному боцману! – и неторопливо пошла к выходу, плавно покачивая бедрами.

– Росрогния – уллерская княжна, – пояснил мне Таонкрахт, – во всяком случае, ее дед был уллерским военачальником или что-то в этом роде... У них там свои обычаи.

Гальт и Бэтэнбальд дружно захохотали, словно услышали хорошую шутку. Впрочем, вполне возможно, так оно и было: я-то не знал, какие там обычаи у земляков этой рыжеволосой толстушки.

Смех смехом, а я последовательно осуществлял свой генеральный план: напивался. Кажется, еще ни одно дело в своей жизни я не доводил до конца с такой яростной одержимостью. В какой-то момент я обнаружил, что уже поглощаю розовую жидкость с резким запахом парфюма, ту самую, с которой начал сегодня свое утро мой приятель Таонкрахт.

– Это вино хоть и местное, с болотных виноградников, но тоже ничего, – прокомментировал гостеприимный хозяин.

– Только башка после него с утра трещит, как после удара моргенштерном, – неожиданно посетовал двухголовый.

Его жалоба вызвала у меня приступ гомерического хохота, и я долго уточнял, с трудом поворачивая непослушный язык: «А какая именно башка, правая или левая?» Гальт-Бэтэнбальд, по счастью, не обиделся. Впрочем, думаю, он просто не разобрал, что я там бормочу.

Потом творилось нечто невообразимое. Я уже почти не осознавал происходящее, только некоторые фрагменты реальности почему-то привлекали мое внимание. Помню, что Таонкрахт с мрачной одержимостью отплясывал какой-то немыслимый танец, размахивая невесть откуда взявшейся метлой. Пляска сопровождалась громом доспехов и заунывной песней, мотив которой казался мне смутно знакомым. Но исполнитель так отчаянно фальшивил, что определить наверняка было совершенно невозможно. Время от времени Таонкрахт притоптывал ногой, стучал по полу древком метлы и громко восклицал: «Йох! Унлах!» – что можно приблизительно перевести как «Так точно! Аминь!» или «Хорошо! Да будет так!» Впрочем, перевод мне тогда не требовался, а само звучание этих слов здорово поднимало настроение.

Гальт и Бэтэнбальд хрипло переругивались: один из них очень хотел сплясать со своим другом Конмом, а второй бурчал, что его и без пляски ноги не держат. Поскольку тело у них было одно на двоих, разрешить конфликт не представлялось возможным.

Что касается меня, я закончил этот замечательный вечер, рыдая на плече у своего «лучшего друга» Таонкрахта. Я горячо убеждал Великого Рандана, что ему попался самый задрипаный демон во Вселенной, и умолял его отпустить меня домой. За эту небольшую услугу я клятвенно обещал прислать к нему целую бригаду профессионалов, которые в два счета снабдят его бессмертием и могуществом по сходной цене. Смертельно пьяный Таонкрахт в свою очередь заверял меня, что я – самый крутой демон всех времен и народов. А если даже и не самый, то он уже согласен как-нибудь обойтись без могущества и даже без бессмертия, лишь бы я остался жить в его замке. Ему, оказывается, было чертовски одиноко все эти годы, а моя компания – именно то, что ему требуется.

– А как же Гальт и Бэтэнбальд? – печально вопрошал я.

– Они болваны, – не менее печально отвечал Таонкрахт.

– Я тоже болван, – признавался я, на что мой друг великодушно говорил: «Это ничего».

Потом мы почему-то вспомнили инквизицию и начали строить планы страшной мести.

– Мы им еще покажем, этим козлам! – с энтузиазмом обещал я Таонкрахту. – Это надо же додуматься – колдунов жечь! Их... то есть нас... то есть вас – и так мало!

Из коридора доносился нестройный хор местных смердов. Ребята проявляли солидарность с господином: если уж он нажрался в дым, значит, им сам бог велел следовать по его стопам.

В конце концов я отключился прямо в кресле, положив голову на стол. Последнее, что я слышал, был фантастический храп двухголового: Гальт и Бэтэнбальд воистину виртуозно чередовали вдохи и выдохи.

* * *

Утро все-таки наступило, к моему величайшему сожалению.

Я с самого начала знал, что за все придется расплачиваться, но не подозревал, что цена будет настолько высока. У меня болело все, начиная от головы и заканчивая мизинцем левой ноги, на которую, очевидно, кто-то наступил. О душе и желудке я уже не говорю: этим составляющим моего организма пришлось особенно туго.

Единственное, на что меня хватило, – потребовать, чтобы меня отнесли в постель. На самом-то деле мне хотелось только одного: повеситься, но я прекрасно понимал, что это слишком сложная и утомительная процедура.

По счастью, слуги Таонкрахта больше меня не боялись. Решили, очевидно, что похмельный демон не может быть по-настоящему опасен. Несколько дюжих ребят подхватили меня на руки и быстренько доставили в спальню.

К моему несказанному ужасу, Таонкрахт поплелся следом за мной. Кажется, он решил, что теперь мы с ним – такие великие друзья, что разлучаться нам не следует ни на секунду! Он еще и бубнил что-то душеспасительное: дескать, у него есть хорошее средство от такой беды, как похмелье. Впрочем, я все-таки снова уснул, несмотря ни на что.

Разбудил меня все тот же злодей Таонкрахт. Он совал мне под нос миску, наполненную черной вязкой дрянью, похожей не то на смолу, не то на расплавленный асфальт.

– Выпей, – настойчиво говорил этот гад. – Выпей, Маггот, и все будет хорошо.

– Не будет, – буркнул я, – потому что я не стану это пить!

– Как знаешь, – вздохнул он, – тогда я выпью это сам.

– На здоровье! – промычал я, натягивая на голову одеяло. – Чтоб тебя разорвало!

Перед тем как отрубиться, я услышал громкое бульканье, за ним последовало удовлетворенное кряхтение. Судя по всему, черная дрянь начала действовать, но я предпочел ухватиться за уникальную возможность навсегда покинуть мир живых. Впрочем, оказалось, что не так это просто.

Мое следующее пробуждение было столь же безрадостным, как все предыдущие. В моем изголовье по-прежнему сидел Таонкрахт, и это было ужасно: его рожа надоела мне пуще головной боли. Мне даже казалось, что сие зрелище является одной из основных причин моего скверного самочувствия.

– Ты в порядке, Маггот? – озабоченно спросил он. – Вот уж не думал, что тебе может быть плохо, как обыкновенному человеку.

– Сам виноват! – буркнул я. – Колдовал как попало, всучил мне это дурацкое человеческое тело. Хорошо хоть не двухголовое, как своему приятелю, как их там, не помню... В следующий раз будь осторожнее с ворожбой.

По мере того как я говорил, я сам начал верить в обоснованность своих претензий. «Я был таким хорошим демоном, а этот болван заключил меня в хилую телесную оболочку! – совершенно искренне думал я. – Ну, попадешься ты мне в лучшие времена, колдун-недоучка!»

– Ты гневаешься? – Таонкрахт изо всех сил старался сохранять спокойствие, но у него не слишком убедительно получалось.

– Гневаюсь, – честно сказал я. – А ты как думал? Прежде у меня никогда не болела голова.

Тут я немного приврал, но не слишком: ТАК она у меня действительно никогда не болела!

– Я могу чем-нибудь помочь? – спросил Таонкрахт. – Может быть, ты все-таки попробуешь мое средство?

– Все, больше никаких экспериментов с неизвестными химическими соединениями! Хватит! – решительно отказался я. – Скажи своим придуркам, пусть принесут мне воды.

И мне нужно остаться в одиночестве. Позарез нужно! Иначе я просто сдохну, и никто никогда не купит у тебя триста идиотских душ по сходной цене.

Мое пожелание имело неожиданные последствия. Я-то просто хотел послать своего радушного хозяина куда подальше. Но он решил, что мне нужно нечто большее.

– Хочешь сказать, тебе необходимо оказаться в месте, где вообще никого нет? – заинтересовался Таонкрахт. – Но зачем?

В моей раскалывающейся голове огненными буквами вспыхнула мысль: «Это твой шанс, парень!» Я сам не понимал, какой такой «шанс» имеется в виду. Я вообще ничего не понимал, но обеими руками вцепился в эту идею. От нее исходил сладкий запах свободы.

Только сейчас до меня дошло, что я с самого начала мог бы просто сбежать от этого горе-чернокнижника, борца с инквизицией и прочими религиозными суевериями, Великого Рандана, будь он неладен. Все равно он не собирался отправлять меня домой. «Сбегу! – восхищенно подумал я. – Точно сбегу! Никаких Таонкрахтов и их двухголовых приятелей, никаких воплей во дворе по утрам, и вообще – никого!» Это казалось мне царской роскошью.

И я распахнул свой болтливый рот. Меньше всего на свете меня беспокоил тот факт, что через пару дней Таонкрахт поймает меня на вранье. Все равно рано или поздно он поймет, что с самого начала ошибался на мой счет, так что лучше всего просто сбежать куда глаза глядят.

– Я должен попытаться исправить твою ошибку, – сказал я. – Есть способ вернуть мне мое настоящее огненное тело и мое могущество. Но я не могу ничего делать в твоём доме. Здесь полно людей, начиная с тебя и заканчивая этим красавчиком, твоим скотником, а чудеса неохотно происходят в людных местах... Кстати о красавчиках, почему мне никто не несет воду? Я пить хочу.

– Сейчас, сейчас. – Таонкрахт поспешно распахнул дверь в коридор и что-то заорал своим неменяемым вассалам.

Вопли возымели действие: он вернулся со здоровенным кувшином, наполненным водой. Я сделал глоток и чуть от счастья не умер.

– Я знаю, что нужно делать, – вдруг сказал Таонкрахт. – Есть одно хорошее место. Гробница моих предков.

– Так, так, так, – оживился я, – гробница предков, говоришь? А откуда у тебя взялись предки, друг мой? Ты же вчера сам говорил...

– Я говорил тебе правду. Разумеется, мои предки похоронены в другой земле, – невозмутимо согласился он. – В той земле, о которой я никогда не стану печалиться... Но мне пришлось построить здесь фамильную гробницу. Считается, что у всех людей есть родители. Не объяснять же местной черни, откуда я тут взялся.

– Разумно, – невольно улыбнулся я. А потом вспомнил еще кое-что, углядел неувязку, которая ускользнула вчера от моих пьяных глаз. Кажется, я действительно возвращался к жизни.

– Между прочим, я хорошо знаю тот Мир, о котором ты вчера рассказывал, – сказал я Таонкрахту. – У тамошних обитателей просто какая-то мания продавать свои души за сущие пустяки!

– Да, это правда, – согласился Таонкрахт. И задумчиво добавил: – Полагаю, для них это единственный способ убедиться в существовании души, в котором они по скудоумию и невежеству своему сомневаются. А если душу кто-то покупает, значит, она все-таки есть.

Я озадаченно покачал головой: вот уж не думал, что он такой мудрый! Но сейчас меня интересовали другие вещи.

– Я все хотел спросить, а почему у вас такие странные имена? Ты – Конм Таонкрахт, а твоего двухголового друга зовут... Черт, как же его зовут?!

– Гальт и Бэтэнбальд Ромрахт, – подсказал он.

– Ага. Но в том Мире, о котором ты мне вчера рассказывал, людей так не называют.

– Разумеется, не называют, – согласился он. – Как-то иначе, а вот как – не помню. Я забыл свое имя, пока блуждал во тьме. И не только я, все забыли... Урги дали нам новые имена, когда мы поселились на этой земле. Во всяком случае, Сох, которые заявили, чтобы назвать наши новые имена, утверждали, что это подарок от самих Ургов. Не знаю, может, ввали... Да какая разница, как называться?

Я кивнул, допил воду, попробовал подняться и снова рухнул на кровать.

– Наверное, демоны не могут подолгу жить в человеческих телах, – испуганно предположил Таонкрахт. – Что-то ты совсем плохо выглядишь, Маггот!

– Вот именно! – подтвердил я. – А где он, этот твой склеп? Далеко отсюда?

– Нет, что ты. Неподалеку от замка. Но там никто не ходит: эти дурни всего на свете боятся, – утешил меня он. – К тому же считается, что в склепе живут призраки. Я сам пустил такой слух, а они всему верят.

«Плохо, что этот чертов склеп близко, – подумал я. – Не очень-то и сбежишь! Хотя... Почему бы и нет? Даже если там стоит какая-то дурацкая стража... Плевать, я на них немного порычу, а еще лучше – скажу, что я и есть призрак. Небось поверят. И вообще, сначала надо попробовать».

* * *

На ноги я поднялся только к вечеру. Все-таки пойло, которое я умудрился проглотить накануне, оказалось слишком уж термоядерным, да и количество измерялось совершенно фантастическими цифрами.

Таонкрахт не отходил от меня ни на шаг. Его назойливое присутствие достало меня до такой степени, что я с трудом удерживался от желания запустить ему в голову чем-нибудь тяжелым: все-таки мой инстинкт самосохранения – это нечто! Мой приятель порядком нервничал: с одной стороны, не решался меня торопить, с другой – вбил себе в голову, что я должен немедленно отправиться в склеп. Его очень впечатлило предположение, что демоны не живут подолгу в человеческих телах. Все-таки со мной были связаны очень большие надежды.

Когда я понял, что готов отправляться – хоть в склеп, хоть на край света, последнее из солнышек уже скрылось за горизонтом, расчертив стремительно темнеющее небо яркими белоснежными полосами.

– Пошли, – скомандовал я.

Воздух был головокружительно сладок, в небе светили целых две луны, а когда мы вышли за ворота, где-то вдалеке истошно заорало существо, которое вполне могло оказаться птицей. Я решил, что это добрый знак – просто потому, что мне позарез был нужен хоть какой-то добрый знак.

– Как скоро ты сможешь вернуться? – спросил Таонкрахт, останавливаясь у небольшого приземистого сооружения, которое, судя по всему, и было его хваленым фамильным склепом. – Утром?

– Не знаю, – безмятежно отозвался я. – Как получится. Да, только не вздумай сам за мной приходить. Я даже не знаю, что может случиться, если кто-то мне помешает!

Он скушал мою наглую ложь и не поперхнулся. С другой стороны – а что ему еще оставалось?

Глава 3

Урги

Примерно полчаса я вовсю наслаждался жизнью: сегодня я не раз с ужасом думал, что теперь до конца дней своих обречен видеть перед собой бордовое лицо своего приятеля Таонкрахта и его блеклые глазищи, выпученные, как у глубоководной рыбы, вытащенной на берег.

Жизнь без Таонкрахта казалась мне почти прекрасной, по крайней мере поначалу. Потом я все испортил: зачем-то в очередной раз попробовал совершить хоть какое-нибудь завалившее чудо – какие только глупости не приходят в похмельную голову.

Разумеется, у меня опять ничего не получилось. Вообще-то я с самого начала предполагал, что фокус не выйдет, но убедившись в этом на практике, утратил жалкие остатки самообладания. В результате, вместо того чтобы действовать, принялся обдумывать свое прискорбное положение. Лучше бы и не начинал! Ничего путного я не придумал, зато с ужасом осознал, что потерял абсолютно все – кроме, разве что, жизни. Впрочем, даже в этом я не был уверен до конца. Такое место, как замок Альтаон, вполне могло оказаться обыкновенной посмертной галлюцинацией. А что, я бы не удивился. Один двухголовый Гальт-Бэтэнбальд чего стоил.

Еще несколько часов я потратил на своеобразный психологический тренинг, в ходе которого убедился, что настоящая тоска доставляет ощутимую физическую боль – не самое приятное открытие! Боль концентрировалась в области желудка и ритмично пульсировала в такт моим отчаянным мыслям.

В конце концов я привык и к этой боли, и к своему отчаянию. Я вообще очень быстро ко всему привыкаю. Ленивые мысли о том, что мне следует покинуть склеп, уйти куда глаза глядят и попробовать как-то жить дальше, больше не вызвали у меня никакого энтузиазма. Мне не хотелось жить дальше, вот в чем беда. Впрочем, умирать тоже не слишком хотелось. Мысли о смерти доставляли мне мучительное неудобство, такое же противное, как давешнее похмелье. А безмолвное, неподвижное пребывание в темноте было почти похоже на смерть – именно то, что требовалось! Я подтянул колени к подбородку, обнял себя и затих. Сначала ушли путанные мысли, потом куда-то подевались мои растрепанные чувства, но что-то от меня все-таки осталось. Оно равнодушно пялилось в темноту и отсчитывало песчинки секунд, неспешно осыпающиеся на земляной пол склепа.

Сие сомнительное удовольствие было прервано появлением нового действующего лица, которое с ходу наградило меня комплиментом.

– Макс – хороший мальчик, – отчетливо сказала взъерошенная птица.

– Без тебя знаю! – огрызнулся я. Только потом подумал, что надо бы удивиться.

Я внимательно посмотрел на это чудо природы. Больше всего на свете птица была похожа на большую ворону, недавно предпринявшую жалкую попытку замаскироваться под попугая.

– Ну и откуда ты взялась? – поинтересовался я. – Великий Рандан Таонкрахт давеча рубаху на себе рвал, мамой клялся, что меня никто не потревожит в его семейном склепе, даже неприканные тени его безвременно почивших родственничков, благо у него отродясь не было этих самых родственничков... И это была лучшая новость за последние несколько дней! Видишь ли, птица, время от времени мы, демоны, испытываем необходимость побыть в одиночестве.

– Ты – не демон, ты – хороший мальчик, – возразила птица.

– Ну, хоть кто-то здесь это понимает! – фыркнул я. – Кто ты, гений?

– Я не гений, я птица, – сообщил мой новый пернатый друг. – Люди называют нас Бэ¹⁵ – всех, без разбора. Но когда здесь жили Урги, они знали каждого из нас по имени. У них хватало ума ладить с нами.

– Урги? – с любопытством переспросил я. – А кто они, эти Урги? Таонкрахт мне что-то о них говорил, но в последнее время я совершенно не был способен воспринимать информацию. Да и лектор из него неважный. Хотя колдун он грозный, если принять во внимание, что он со мной сделал.

– Твой Таонкрахт – дурак и ничего не смыслит в настоящей магии. А с тобой ему просто крупно повезло.

– А мне-то как с ним повезло! – фыркнул я. – И никакой он не мой. Я же не виноват, что этому идиоту срочно приспичило пообщаться с нечистой силой.

Я понял, что в моем распоряжении наконец-то появился собеседник, которому можно как следует пожаловаться на судьбу. Ребята, с которыми мне довелось общаться в последнее время, совершенно не подходили для этой цели. А птица оказалась мне разумной и доброжелательной. Поэтому я жалобно сказал:

– Представляешь, я сидел дома и ждал свою девушку, мы с ней собирались немного погулять по городу. Все было так здорово задумано... И вдруг грохот, дым, темнота, мне становится жарко, я ору диким голосом и позорно теряю сознание, а потом обнаруживаю себя в камине у Таонкрахта, будь он неладен, этот мистик-любитель. И достопочтенный Таонкрахт почему-то принимает меня за демона – чушь какая-то!

Я внезапно понял, что почти готов расплакаться, и прервал свою пламенную речь, чтобы не опозориться окончательно. А то – что обо мне подумают разумные представители местной фауны?

– Да, похоже, Таонкрахт навлек на тебя большую беду, – согласилась птица. И оптимистически добавила: – Не переживай, он все равно скоро умрет.

– Можно подумать, мне от этого легче! – буркнул я. – Но откуда ты знаешь, что он скоро умрет?

– Так должно быть, – неопределенно объяснила птица. – Да он и сам это знает. Он потому тебя и вызвал. Думает, ты подаришь ему бессмертие.

– Да, я в курсе! – фыркнул я. – Подарю, как же! А потом догоню и еще раз подарю. Тоже мне, нашел к кому обратиться. Я бы и сам не отказался от такого подарочка. Беда в том, что бессмертие вообще никому не светит, в том числе и мне самому. Так уж все устроено. Вот если бы меня взяли на должность старшего менеджера проекта, когда создавали Вселенную, все было бы устроено иначе. Но поскольку этого не случилось, теперь уже поздно что-либо менять.

– Ты смешной мальчик, – снисходительно заметила птица. – Ты говоришь непонятные слова, от которых мне становится весело.

– Да уж, что умеем, то умеем, всю жизнь только этим и занимаюсь, – невольно улыбнулся я. – Жаль только, что бедняга Таонкрахт не понял, о чем меня на самом деле следует просить... А кстати, откуда ты здесь взялась, птица? Ты что, живешь в этом склепе? Или специально пришла меня проведать? И откуда ты знаешь, что меня зовут Макс? Я об этом пока

¹⁵ Птица Бэ – разумная, говорящая, всеядная птица. Позже я узнал, что люди неохотно приручают этих птиц, поскольку они обладают независимым нравом, к тому же обычная птица Бэ производит невероятно много шума: мало того, что пронзительно кричит, постоянно говорит людям гадости, но и крылья ее издают громкий треск во время полета, а коготки на лапах громко цокают во время ходьбы. Ест она тоже с шумом: чавкает, вскрикивает, стучит клювом. Так что люди предпринимают немало усилий, чтобы отогнать птиц Бэ подальше от своих жилищ. Насколько я понял, мой пернатый приятель был одной из нескольких птиц Бэ, прирученных Ургами, поэтому отличался от своих товарищей примерно в той же степени, как выпускник частного колледжа от пэтэушников.

никому не говорил. Решил, что имя – такая штука, которую лучше держать при себе, если есть возможность.

– Я просто знаю, – ответила птица. – И конечно, я здесь не живу. Где это видано – жить в склепе?! А ты сам-то зачем сюда забрался? Искал путь к Ургам?

– Да какой там путь! Какие, к черту, Урги?! Просто мне показалось, что это – единственный способ остаться в одиночестве. Таонкрахт от меня ни на шаг не отходит. А когда я говорю, что хочу спать, ко мне присылают какого-то идиота, который скрипучим голосом поет мне колыбельную. Почему-то считается, что это ужасно круто. И еще по ночам меня навещают какие-то таинственные убийцы, чтобы скучно не было. А по утрам меня будят истошные вопли во дворе. И, между прочим, на месте господина Великого Рандана я бы сначала изобрел канализацию и водопровод, а уже потом принялся вызывать демонов... Как он сам-то выдерживает? В общем, когда я понял, что больше не могу переносить общество Таонкрахта и этих неподмытых жизнерадостных болванов, его слуг, я придумал какое-то бредовое мистическое дело, ради которого мне непременно следует уединиться. Таонкрахт проникся и предложил мне посидеть в склепе – а где же еще следует вершить всякие темные дела?! Честно говоря, я планировал собраться с мыслями, выспаться как следует, а там – чем черт не шутит! – может быть, и удрать отсюда.

Я удрученно покачал головой, поскольку подумал, что у меня наконец-то появился по-настоящему разумный собеседник, впервые с тех пор, как я с ужасом обнаружил себя в камине этого горе-чародея Таонкрахта. Да и тот – птица.

– Тебе не следует сердиться на этих людей – что тебе до них? – сказала мудрая птица. – Тебе вообще не следует о них думать. Тебя хотят видеть Урги. Поэтому я здесь.

– Урги?! – удивился я. – Ну-ну.

– Они скоро придут сюда за тобой. А меня послали сказать, чтобы ты не сопротивлялся. Урги обычно производят неблагоприятное впечатление при первом знакомстве. Но они не хотят с тобой сражаться. Только посмотреть на тебя и немного побеседовать. Может быть, вы найдете общий язык... Урги уже давно совсем не похожи на людей, но с ними тебе будет легче договориться, чем с Таонкрахтом. Обычно они все понимают.

– Редкий талант! – усмехнулся я. – Ладно, я не буду сопротивляться. Все равно здесь у меня ничего не получается, я уже пробовал колдовать. Бесполезно! У меня не больше шансов совершить хоть какое-нибудь завалющее чудо, чем у самого никудышного слушателя каких-нибудь платных курсов экстрасенсов.

– Что ты имеешь в виду? – заинтересовалась птица. – Я не понимаю некоторые слова. Хочешь сказать, что ты раньше умел совершать чудеса? А теперь больше не умеешь?

Я удрученно кивнул.

– Ничего, не огорчайся. Так бывает, – утешило меня это великодушное создание. – Может быть, это не навсегда.

Удивительно, но разговор с птицей меня здорово успокоил, и я с изумлением понял, что вполне могу снова заснуть – единственное, что требуется жертве жестокого похмелья, проверено опытом! Я так обрадовался этому открытию, что тут же свернулся калачиком на земляном полу склепа, не утруждая себя напрасными сожалениями по поводу отсутствия одеяла и подушки.

* * *

Я действительно тут же уснул – вот это, я понимаю, чудо! – и мне снились изумительные сны о доме, опасно похожие на реальность. Нежась в теплом омуте сновидений, я смутно припомнил, что у меня были большие проблемы, а потом с удовольствием решил, что все уже утряслось.

Но этому неземному блаженству пришел конец. Я проснулся, дрожа от холода, и тут же вскочил, дико озираясь по сторонам. Первые несколько секунд я вообще не понимал, что происходит, поскольку никак не мог выкарабкаться из сладкого тумана сновидений. А потом вспомнил, как на самом деле обстоят дела, и тихонько охнул от обрушившегося на меня отчаяния. Думаю, именно так чувствует себя человек, очнувшийся после наркоза, когда понимает, что пару часов назад ему благополучно ампутировали обе ноги.

В каком-то смысле мне все-таки было легче: по крайней мере, мое тело пока оставалось в целости и сохранности. У меня «ампутировали» только прошлое, мою единственную и неповторимую жизнь, которая как раз начала казаться мне по-настоящему прекрасной и удивительной. Удивительной, впрочем, она вполне могла считаться и сейчас, но вот эпитет «прекрасная» теперь был совершенно неуместен.

– Очень эмоционален, верно? Склонен преувеличивать свои переживания и давать волю чувствам. Как избалованная женщина из касты Хигги.

Я чуть не грохнулся в обморок, услышав бесцветный глуховатый голос, раздававшийся откуда-то из темноты. Потом до меня дошло, что голос не просто звучит, но еще и дает мне не слишком лестную характеристику. Он тем временем невозмутимо продолжил:

– Впрочем, в некоторых случаях это даже полезно.

– Что полезно? Кому полезно? – возмущенно взвыл я. – Кого это еще сюда принесло?!

– Разве его не предупредили о нас? – озабоченно спросил голос.

– Почему же, предупредили. Я послал сюда Бурухи, а на него можно положиться, – ответил другой голос. Они были так похожи, словно таинственный незнакомец говорил сам с собой.

– Ну тогда ладно. Мы – Урги, – последняя фраза явно предназначалась мне.

– Выразить не могу, как меня это радует, – горько усмехнулся я. – А вы что, невидимки?

– Обычно нет. Просто мы не хотим тебя пугать.

– Щадите мое душевное здоровье? – вздохнул я. – Можете не стараться: от него все равно уже ничего не осталось! А где птичка? Тут была такая замечательная птица.

– А, ты имеешь в виду Бурухи. Он улетел. Если ты уже проснулся, нам незачем оставаться в этом склепе, – заметил Ург. – Мы пришли, чтобы пригласить тебя к себе.

«К себе» – это куда?

– Вниз, – лаконично объяснил Ург. Немного помолчал и добавил: – Мы уже давно живем под землей. Можешь поверить, у нас тебе будет гораздо комфортнее, чем здесь. Нам – тем более. Нам тяжело подолгу пребывать так близко к поверхности. Спустимся поглубже, там и поговорим. Ты согласен отправиться с нами?

– А что, разве мое мнение принимается в расчет? – Я был приятно удивлен. – И если я не захочу идти с вами, вы не станете меня принуждать?

– Зачем? – в голосе Урга звучало недоумение. – Ни один человек не нужен нам настолько, чтобы тащить его к себе силой. Если ты не хочешь идти с нами, не надо. Оставайся здесь, или возвращайся в Альтаон, или ступай на все четыре стороны. Ты волен делать, что хочешь.

– Да уж, нечего сказать, выбор у меня шикарный! – усмехнулся я. – Полная неизвестность или мой сердечный друг Таонкрахт... Понятно, что я выберу неизвестность, да еще и спасибо вам скажу.

– Это ни к чему. Мы не нуждаемся в словах, выражающих благодарность. Мы и сами можем произнести сколько угодно таких слов, – флегматично возразил мой все еще невидимый собеседник. – Если ты принимаешь приглашение, следуй за нами.

– Как я могу следовать за вами, если я вас не вижу?

– Тебе не обязательно нас видеть. Вполне достаточно, если ты будешь видеть путь.

Я хотел было сказать, что никакого пути я тоже не вижу, но вдруг заметил у себя под ногами тоненький прямой лучик света. Эта яркая путеводная ниточка ненавязчиво при-

глашала меня следовать за ней в темноту. Я пожал плечами и решительно зашагал в эту самую темноту. Тому, кто потерял все, легко быть мужественным. Почти так же легко, как мертвому.

* * *

Прогулка оказалась долгой, мои спутники – молчаливыми, зато пейзаж призывал дать волю воображению: я по-прежнему не видел ничего, кроме трещинки золотистого света, аккуратно разрезавшей темноту на две одинаковые половинки.

Сначала я зачем-то считал шаги, потом сбился и принялся обдумывать свое положение. Дело кончилось тем, что я позволил себе малюсенькую надежду – недопустимая роскошь! «А вдруг сейчас эти крутые подземные жители скажут, что мое присутствие поганит их прекрасный и совершенный Мир, и прикажут мне убираться? Да еще и пинка под зад дадут, чтобы максимально ускорить этот замечательный процесс. Мистического такого пинка, от которого я очухаюсь у себя дома...»

От таких мыслей мои губы, уже уставшие кривиться в скорбной гримасе, невольно расплылись в мечтательную улыбку. Я то и дело напоминал себе, что обольщаться не стоит, но это не очень-то помогало.

– Мы почти пришли. – Глухой голос одного из моих спутников положил конец сладким грезам о скором возвращении домой. – Я должен предупредить тебя, что многие люди считают наш облик устрашающим. Постарайся не пугаться: это ни к чему и может помешать беседе.

– Ладно, постараюсь не пугаться, – согласился я. – Меня вообще довольно трудно теперь испугать. Я, знаете ли, несколько дней провел в обществе Великого Рандана Таонкрахта – тоже не сахар!

– Не говори ерунду. Таонкрахт не слишком красив, даже по человеческим меркам, но в его облике нет ничего, что может породить страх, – возразил Ург.

– Зато в облике его бубэра имеется кое-что, вполне способное породить страх, – ехидно сказал я. – Вы его не видели? Весьма рекомендую. Величественное, черт побери, зрелище!

– Что устрашающего и уж тем более величественного можно углядеть в облике бубэра? Не понимаю! – удивленно отозвался он.

Мое остроумие не имело тут успеха, зато я так увлекся воспоминаниями о бубэре, что не заметил, в какой момент исчез мой путеводный лучик. Обнаружив, что оказался в полной темноте, я остановился.

Темнота озарилась холодным бледным светом; мгновение спустя я понял, что свет исходит от огромных – метра по три, не меньше! – но вполне антропоморфных тел. Их было много, как минимум несколько десятков. Сияющие великаны смотрели на меня, а я вовсю пялился на них: зрелище того стоило. Меня совершенно потрясли их лица: широкие, скуластые, с курносими носами и огромными круглыми глазами. Урги, как мне показалось, были похожи друг на друга, как родные братья. Женщин среди них не было. Впрочем, возможно, среди них не было и мужчин. Но все они явно принадлежали к одному полу; вопрос – к какому? Просторные балахоны скрывали от моих любопытных глаз все анатомические подробности.

– Смотрите-ка, а гость нас не боится, – одобрительно заметил кто-то из Ургов.

– Я же говорил, что после нескольких дней в обществе Таонкрахта и его дворни меня уже ничем не испугаешь, – усмехнулся я. – А вы не верили.

– Ты любишь шутить, – отметил один из них. – Это редкий дар.

– Разве? – удивился я. – Мне-то всегда казалось, что этим «редким даром» обладает каждый второй. Другое дело, что не у всех хорошо получается.

– Возможно, там, откуда ты пришел, все обстоит именно так. Но не в мире Хомана. Любовь к шуткам здесь большая редкость.

– Да? Плохая новость! – хмыкнул я. – То-то я чувствую себя так неуютно в вашем Мире – как, вы сказали, он называется? «Хомана»? Красивое слово.

– Как все слова Истинной речи, – согласился Ург. – Если хочешь, можешь сесть. Позади тебя находится кресло. Насколько я понимаю, в отличие от нас, ты не привык вести долгую беседу стоя.

Я обернулся и увидел пушистое облачко. Осторожно его потрогал. К моему удивлению, облачко оказалось вполне материальным: очень мягкая пружинящая поверхность, не похожая ни на один из известных мне материалов. Я все взвесил и оптимистически решил, что сидеть на нем, пожалуй, все-таки можно. Аккуратно поместил туда свою задницу и вежливо сказал:

– Спасибо. А о чем, собственно говоря, мы будем беседовать?

– Нам известно, зачем Таонкрахт призвал тебя сюда... – начал один из Ургов.

– Представьте себе, мне тоже это известно! – фыркнул я. – Он хочет, чтобы я даровал ему могущество, бессмертие и еще дюжину сувениров в таком роде – всего-то! В обмен он готов предоставить мне свою душу и души всех своих слуг в придачу. Выгодная сделка, нечего сказать!

– Ты собираешься выполнить его просьбу?

К моему величайшему изумлению, Ург спросил меня об этом совершенно серьезно. Сияющие лица его товарищей стали напряженными и внимательными, куда только подевалась их отрешенность.

– Ребята, не сходите с ума! – попросил я. – Собираюсь, не собираюсь... Как, интересно, я сделаю этого кретина могущественным и бессмертным, если даже себе, любимому, не могу организовать такой скромный подарочек на Рождество? Пока я не попал сюда, я еще мог исполнить пару-тройку простеньких чудес – ничего из ряда вон выходящего, но для начинающего, вроде меня, неплохо... А здесь у меня вообще ничего не получается, я уже проверял. Впрочем, даже если бы я привел сюда своих могущественных учителей, никто из них не смог бы удовлетворить потребности господина Великого Рандана. Что касается бессмертия, это вообще бред: даже звезды рано или поздно гаснут, а уж они – куда более совершенные конструкции, чем люди. А свою долю могущества каждый получает от рождения. Можно научиться его использовать, можно не научиться. Второй вариант, к сожалению, более распространен... Но одолжить могущество у чужого дяди в обмен на какую-то дурацкую «душу» – так просто не бывает!

– Ты – странное существо, – заметил один из Ургов. – Ты говоришь, как великий мудрец, но чувства, которые ты испытываешь, не свидетельствуют о мудрости, скорее наоборот. Мы видим тебя насквозь: ты волнуешься, тоскуешь и на что-то надеешься, а мудрый человек никогда не станет растрачивать себя на подобные чувства.

– Просто мы с вами очень разные твари, ребята, – примирительно сказал я. – Какой из меня, к черту, мудрец? Там, где я родился, о маленьких детях иногда говорят: «Он уже все понимает, только на горшок еще не просится». У меня тот же случай: я уже знаю кучу замечательных вещей и могу довольно бойко о них рассуждать. Но вот применять эти полезные знания на практике пока не очень-то получается.

– Странные вещи ты говоришь. Неужели ты до сих пор не просишься на горшок? Это очень плохо!

Увы, Урги приняли мою метафору за чистую монету и теперь искренне мне сочувствовали. Пускаться в объяснения мне было лень, и я решил оставить все как есть. Пусть себе пребывают в уверенности, что я способен напрудить в штаны. По большому счету, это ничего не меняет.

– Ладно, не будем отвлекаться. – Мои собеседники великодушно решили закрыть щекотливую тему. – Итак, ты не собираешься помогать Таонкрахту, мы тебя правильно поняли?

– Правильно, – вздохнул я. – Во-первых, я ничем не могу ему помочь. Во-вторых, не хочу. Он мне не нравится, знаете ли. В его обществе мне захотелось напиться, впервые за черт знает сколько лет!.. Впрочем, вы не обязаны верить мне на слово. На мой вкус, самый простой способ уберечь ваш прекрасный и удивительный Мир от моих безобразий – это отправить меня туда, откуда я пришел. Я бы и сам уже давно сделал ноги, но у меня почему-то ничего не получается.

– Так ты не хочешь здесь оставаться? – удивился один из Ургов. Его товарищи изумленно переглянулись и зашептались.

«Не хочу» – это еще слабо сказано! Мне здесь очень плохо, ребята. Разве вы не заметили? Мне всю жизнь твердили, что я совершенно не умею скрывать свои чувства! Да я и сам думаю, что так оно и есть.

– Ты не хочешь остаться и не можешь уйти? Кто бы мог подумать, что такое возможно! Но нам показалось, что тебе уже доводилось открывать Двери между Мирами¹⁶...

– Доводилось. Только я никогда прежде не делал это самостоятельно. Мне помогали. Мои учителя, мудрые всемогущие умники, до сих пор всегда оказывались рядом, когда это требовалось, а вот сейчас за моей спиной никого нет, и это в корне меняет дело. Я же вам сказал: с тех пор как я обнаружил себя в камине Таонкрахта, у меня ничего не получается. Какие уж там Двери между Мирами, я вообще ни на что не гожусь! Сигарету из Щели между Мирами добыть не могу. Может быть, потому что я попал сюда не по собственной воле, а в результате чужих экспериментов? Так бывает?

– Все бывает, – неопределенно согласились Урги.

– Ты говоришь неправду. Или не всю правду, – внезапно вмешался один из них. – «Ни на что не годишься» – как же! Хинфа не смог тебя убить. Мы знаем, что Сох посылали к тебе одного из лучших Хинфа, и дело кончилось тем, что он умер, а ты так и не проснулся.

– Я-то как раз проснулся, – вздохнул я. – Да, у него ничего не вышло. Но я ничего не делал, чтобы ему помешать. Может быть, он просто был не в форме?

– Не говори ерунду. Все Хинфа – великие маги, – серьезно возразил Ург. – Просто твоя сила столь велика, что он не смог с тобой справиться.

– А почему, в таком случае, у меня ни черта не получается?

– Тебе виднее, – невозмутимо ответил он. – Это твоя жизнь. Откуда нам знать?

– Ладно, не знаете – и не надо. Но, честно говоря, я здорово рассчитывал, что вы захотите мне помочь, – признался я. – Вы можете отправить меня домой?

Я еще не успел сформулировать свой вопрос, а ответ уже был мне известен: этого они не могут. Они вообще были не слишком могущественными, эти удивительные существа. Станные, необычные, иные – да, но совсем не могущественные.

Сам не знаю, как мне удалось так быстро с ними разобраться. Вообще-то со мною такое бывает: я – человек чужого настроения. Я вполне могу впасть в депрессию, если окажусь в помещении, где страдает пара-тройка глубоко несчастных людей. А могу испытать головокружительный «приход», случайно усевшись в автобусе рядом с наркоманом. Хуже всего, пожалуй, чужое похмелье: мне не единожды приходилось расплачиваться за дурацкую привычку своих ближних мешать джин с пивом, а потом спать в той же комнате, что и я. Но вот так, как сейчас: оказаться наедине с совершенно чужими мне существами и почти сразу, без тени сомнения, понять, чего они стоят, – такого со мной еще никогда не было.

Тем не менее, боль разочарования не свалила меня с ног. Вместо отчаяния я ощутил только холод и пустоту, да и они были где-то далеко, словно пришли не из моего собственного сердца, а приснились моему далекому двойнику, который иногда видит меня во сне, а потому их можно было не замечать. Наверное, в моем организме наконец-то благополучно перего-

¹⁶ Макс действительно умел путешествовать между Мирами, когда жил в Ехо (см. сборники повестей «Чужак», «Волонтеры вечности» и все последующие).

рели какие-то полупроводники, ответственные за отчаяние. Ничего удивительного, в последнее время им пришлось работать с удесятеренной нагрузкой.

– Мы не можем отправить тебя домой, – после недолгого замешательства признался один из Ургов. – Мы действительно позвали тебя сюда, чтобы убедить покинуть мир Хомана или хотя бы Альган. Дело, конечно, не в том, что ты кому-то мешаешь. Во Вселенной не так уж много существ, чье присутствие может нарушить равновесие Мира, и ты – не одно из них. Но твое участие в судьбе Таонкрахта может помешать правильному развитию событий.

– В смысле вашим планам? – уточнил я.

Не без ехидства, надо сказать, уточнил. Но Урги хранили невозмутимость.

– Нет, не нашим планам, а правильному развитию событий. Мы опасались, что ты захочешь помочь Таонкрахту, а он – один из тех, кто должен умереть.

– Почему? – с любопытством спросил я. – Он мне тоже не понравился, но если все, кто мне не нравится, начнут умирать, Вселенная станет довольно пустынным местом.

«Нравится», «не нравится»... Ты удивительное существо, пришелец! Несколько минут назад ты говорил, как мудрец, а теперь бормочешь, подобно несмышленику хурмангара. Рандан Конм Таонкрахт – один из альганцев. А всем альганцам скоро придется умереть, поскольку они прокляты. Они пришли сюда из иного Мира, и поначалу нам показалось, что они – хорошие гости. Мы приняли их и даже даровали им имена взамен утраченных. Мы позволили Сох открыть им некоторые старинные секреты, чтобы продлить их век: тела пришельцев были слабыми и недолговечными, но в их сердцах горел настоящий огонь, который нам захотелось сохранить. Поначалу все шло хорошо: альганцы были любопытны и изобретательны, они принесли на эту землю свежий ветер перемен. Но потом, спустя годы, их настигло проклятие. Никто не знает, откуда оно пришло, но мы предполагаем, что с их настоящей родины. Не знаю уж, какого грозного колдуна они ухитрились прогневать... С тех пор альганцы начали утрачивать свою удачу, огонь в их сердцах угасал, а разум становился ленивым и равнодушным. Ты ведь сам видел Таонкрахта! Сейчас он пьет, орет на своих слуг, а перед сном мечтает о том, как он станет Вандом – как будто власть над сотней таких же несчастных, как он сам, вернет ему утраченную жизнерадостность... Все бы ничего, но проклятие альганцев отягощает землю, по которой они ступают. А мы здесь для того, чтобы присматривать за этой землей.

– Если все альганцы, похожи на Таонкрахта и его двухголового приятеля, я вполне могу понять того, кто их проклинал, – невольно улыбнулся я. – Ладно, это их проблемы. А мне-то как быть? Я уже понял, что вы не в силах мне помочь, но может быть, вы знаете того, кто может?

– Что может? Открыть для тебя Дверь между Мирами? – заинтересовался самый говорливый из Ургов, тот, который прочитал мне познавательную лекцию об альганцах. – Не думаю, что кто-то станет совершать такое великое чудо только для того, чтобы помочь одному чужеземцу вернуться домой... Но ты можешь попробовать. На твоём месте я бы непременно отправился во владения Вурундшундба. Они с начала времен сторожат Дверь между Мирами и открывают ее, когда захотят. И самое главное: они очень любят порядок! Если ты сумеешь убедить их, что способен нарушить правильный ход вещей в мире Хомана, Вурундшундба непременно захотят от тебя избавиться. Правда, они могут решить, что убить тебя проще, чем выпроводить. Так что сначала тебе придется доказать им обратное.

– Ничего себе! – присвистнул я. – А может быть, мне обратиться к кому-нибудь другому? Урги немного посовещались, потом один из них с сомнением покачал головой:

– Есть еще Нусам Шапитук¹⁷, но он не станет тебя слушать. Да ты до него и не доберешься. Разве что поймает нужный ветер.

¹⁷ *Нусам Шапитук* – главное божество мира Хомана, но не demiург, а хранитель этого Мира. Собственно говоря, слово «Нусам» дословно означает: «владыка по праву рождения». Роль Нусам чем-то сродни должности смотрителя или обязанностей отца большого семейства. Нусам следит за тем, чтобы все шло как должно. Шапитук, Нусам Бахиэ Амохайоа (этим словосочетанием на Истинной Речи Масанха называются планета Хомана и ее спутники Авуа, Уава и Вон Рао), в частности,

– «Нужный ветер»? – опешил я. – Что это за штука такая?

– Ты можешь задать нам еще тысячу подобных вопросов и даже получить тысячу вразумительных ответов, – мягко сказал Ург. – Но ответ, полученный на словах, не является настоящим ответом: от него нет никакой пользы. Ты не узнаешь, что такое «нужный ветер», пока не поймашь его. Или пока он сам не поймает тебя – так тоже бывает.

– Я ничего не понимаю! – устало вздохнул я.

– Что ж, по крайней мере, сейчас ты знаешь, что не понимаешь ничего, – заметил Ург. – А если я дам тебе какие-то разъяснения, ты все равно ничего не поймешь, но, чего доброго, решишь, будто все понял. Ничего не может быть опаснее неосознанного невежества!

– Да, наверное, – вяло согласился я. – Впрочем, мне уже по фигу, если честно. Что-то я устал. Можно, я немного посплю? А потом еще поговорим...

– О чем? – удивился один из Ургов. – Мы уже все обсудили, гость. Если ты хочешь отдохнуть, мы проводим тебя на поверхность. Тебе нельзя у нас оставаться и уж тем более – спать.

– А как насчет законов гостеприимства? – опешил я.

– Не знаю, о чем ты говоришь. Мы живем по своим законам, – холодно ответил он.

– Ладно, – вздохнул я, – черт с ним, с вашим гостеприимством! Но мы еще не все обсуждали. Я же не знаю, как найти этих... вырушуба, так, что ли?

– Вурундшундба, – поправил меня Ург. – Если ты рассчитываешь получить что-то вроде карты, на которой стрелочками отмечен предстоящий тебе путь, то ее у нас нет. И не только у нас, имей в виду: на Мурбангоне вообще нет никаких карт. Это строжайше запрещено. Наша земля не любит, когда люди пытаются нарисовать ее искаженный портрет. Когда отважные, но недалевидные мореходы Хабода¹⁸ с Мадайка попытались изобразить схему своих стран-

является летописцем. Создаваемая им Истинная Летопись мира Хомана подробно описывает каждое из событий, произошедших на Хомана с начала существования мира. Как в свое время написали о нем летописцы народа шапитук с Мадайка (этот, возможно, не самый могущественный, но наиболее просвещенный и умиротворенный из народов Мараха получил свое название от самого Шапитука, который взял их под свое особое покровительство, поэтому на что и ссылаться, если не на их письма): «Никому не известно, кто такой Шапитук, посвященным известно зачем он. Время не властно над ним, и порой он мало чем отличается от людей, а порой не схож с человеком вовсе. Шапитук говорит, что рожден для того, чтобы видеть, понимать и помнить. Дела людей, богов и тех Сил, у которых нет имени в языках человеческих, ведомы Шапитуку, но кому ведомы его дела?»

¹⁸ Только спустя долгое время, при совершенно невероятном стечении обстоятельств, мне удалось получить информацию о мореходах Хабода. Она показалась мне настолько интересной, что я не удержался от искушения привести здесь некоторые цитаты. Хабода – Мараха, живут с начала времен на островах архипелага Мохан, принадлежащих материке Мадайк. Их численность – 432 человека. Мараха Хабода – прирожденные путешественники, моряки, торговцы, а при случае не брезгают и пиратством. Следуя по этому пути, люди Хабода постепенно сформировали характер, в той или иной степени свойственный всем представителям этого народа. Они умны, хитры, обаятельны и безжалостны. Слова «честность», «порядочность», «искренность» – пустой звук для Мараха Хабода. При этом им совершенно несвойственна алчность: да, они путешествуют, торгуют и обманывают, но не ради конечного результата, а ради самого процесса, ради образа жизни, единственно возможного для этого народа. Гермес, описанный в мифах Древней Греции, вполне мог бы быть одним из людей Хабода, заплутавшим во Вселенной. Для цивилизации Мараха Хабода характерно чрезвычайно развитое кораблестроение, возведенное в ранг искусства. Хабода строят самые большие корабли в мире Хомана, прочее население которого отдает предпочтение маленьким, рассчитанным на несколько человек, суденышкам. Люди Хабода – непревзойденные знатоки географии, законов природы и человеческой психологии. Все они великолепные воины и мастера на все руки. Остальные области человеческой деятельности освоены ими по мере насущной необходимости, потому архитектура Хабода не представляет собой ничего выдающегося, а литература, философия и прикладные искусства практически отсутствуют. Впрочем, это не лишает людей Хабода возможности наслаждаться чужими шедеврами, которым они отдают должное и стараются приобрести их любой ценой. Армии как таковой у Мараха Хабода нет: непревзойденные воины и моряки, в море они неуязвимы даже поодиночке, а на суше их владения оберегает тайная магия мудрейших членов совета Пумпахох, кроме того Мараха Хабода не слишком дорожат своим имуществом, добытым с таким трудом. Если даже владения их будут разорены и разграблены (чего пока не случилось), они пожмут плечами и с удовольствием начнут все сначала. Мараха Хабода являются носителями более чем странных и довольно зловещих идей относительно своего существования после смерти. Они верят, что после смерти попадут в некий Мир, где единственной ценностью, своего рода щитом, прикрывающим слабые стороны собственной сущности, а также магическими амулетами, приоткрывающими вход в иные Миры, являются души других людей. Поэтому при жизни Мараха Хабода предпринимают колоссальные усилия и непомерные затраты, чтобы запастись чужими душами впрок. Процедура эта может совершаться только с согласия владельца приобретаемой души, которого надо уговорить пойти на такую сделку с помощью хитрости, угроз или большой платы. Когда согласие получено, покупающий душу человек Хабода производит некоторые маги-

ствий по нашей земле, их постигло безумие, и они до конца своей жизни скитались по болотам Ягисто, тщетно пытаясь вспомнить свои длинные имена.

– А как же пол в главном зале Таонкраховых владений? Он хвастался, что там изображена карта Альгана.

– Эта, с позволения сказать, «карта» настолько не соответствует действительности, что мы позволили Таонкрахту увековечить ее на своем полу. Так что не советую тебе применять воспоминания об этом красивом узоре на практике... Ничего, если ты по-настоящему захочешь найти Вурундшундба, как-нибудь найдешь. Здешние дороги равнодушны к искренним желаниям путников, тебе повезло.

– Да уж, повезло... – буркнул я. – Ладно, если мне нельзя у вас переночевать, проводите меня к выходу, пожалуйста. Надеюсь, я не обязан возвращаться в склеп Таонкрахта? Я бы хотел оказаться на поверхности как можно дальше от его владений. Хотя это вы для меня сделаете? Насколько я понял, это в ваших же интересах.

– Даже если бы ты умолял нас вернуть тебя в Альтаон, мы не стали бы это делать, – подтвердил один из Ургов. – Пойдем, я провожу тебя наверх.

Я покинул уютное облачко, великаны Урги молча расступились, давая нам пройти. Я затылком чувствовал их тяжелые равнодушные взгляды. Они смотрели мне вслед, как смотрят усталые крестьяне на незнакомца, бредущего на закате через их село: без враждебности, но и без дружеского участия, даже без особого любопытства – дескать, прошел стороной, и слава богу.

Мой проводник шел впереди – огромный, сияющий и великолепный, как галлюцинация религиозного фанатика. Теперь, когда я не видел его карикатурную физиономию, парень вполне мог сойти за бескрылого ангела. Впрочем, с чего я взял, что лица ангелов непременно должны соответствовать моим представлениям о красивом?

– Я знаю, что ты устал, но нам предстоит долгий путь, – сказал Ург. – Здесь, под землей, нет Быстрых Троп. Поэтому постарайся собраться с силами. Тебе нельзя спать в наших подземельях. Это не мой каприз, а необходимость. Если ты уснешь здесь, то утратишь память о себе и не приобретешь ничего взамен. Не думаю, что тебе хочется стать чистой страницей.

– Не хочется! – подтвердил я.

Его слова так меня напугали, что сонливость как рукой сняло. Я вспомнил, как мучительно возвращалась ко мне память в тот вечер, когда идиотские заклинания Таонкрахта привели меня в этот Мир.

– Не надо так волноваться. Тебе ничего не грозит, если только ты не уснешь в наших владениях. А я пригляжу, чтобы этого не случилось, – успокоил меня Ург.

* * *

Некоторое время мы шли молча. Наконец я решил, что совместные блуждания по подземелью дают мне шанс получить хоть какие-то ответы на бесконечное число вопросов, которые у меня скопились. Все лучше, чем считать шаги, тем более что я опять сбился со счета.

– А можно узнать, кто вы? Со слов Таонкрахта я понял, что вы, Урги, – что-то вроде богов. Это правда? – нерешительно спросил я.

ческие процедуры, после чего он совершенно уверен в том, что стал обладателем чужой души. Продавший же душу человек обычно не замечает никаких перемен в своем состоянии. Мараха Хабода носят приобретенные ими души в маленьких сумочках на поясе. Считается, что с течением времени такие сумочки становятся невидимыми и обретают большую магическую силу. До сих пор неизвестно, насколько верования Мараха Хабода близки к истине: ни подтверждений, ни опровержений этой теории не было получено.

– Головы альганцев забиты суевериями, – снисходительно отозвался мой проводник. – Впрочем, это простительно: отсутствие истинного знания всегда порождает суеверия, а знание альганцам недоступно. Мы – не боги, мы – Мараха¹⁹.

– А что это такое? – оживился я.

– В переводе с Истинной речи «Мараха» означает: «хозяева», – любезно объяснил Ург. – Так оно и есть: люди Мараха рождены, чтобы оберегать землю, на которой живут, разумно использовать ее дары и поддерживать равновесие Мира. Впрочем, звери и растения Мараха созданы с той же целью.

– Звери и растения? – Его ответ окончательно сбил меня с толку.

– Разумеется. А что тебя удивляет?

– Все! – честно сказал я.

– Так и должно быть, поскольку участь Мараха удивительна: можно сказать, что мир Хомана держится на наших плечах.

– Ничего себе! – уважительно хмыкнул я. В этот момент я слегка засомневался в собственной оценке возможностей Ургов. Мало ли что мне там показалось при первом знакомстве. – Значит, в каком-то смысле Таонкрахт не ошибся?

– Он ошибся. Боги – это боги, люди Мараха – это люди Мараха. Мы ходим разными путями, и у нас разные судьбы. В отличие от Мараха боги вольны делать все, что им заблагорассудится, поэтому их присутствие нередко доставляет нам немало хлопот... Счастье, что хоть ты не оказался одним из них.

– Куда уж мне! – невольно рассмеялся я. – Я – просто парень из другого Мира. Возможно, не без причуд, но не более того.

– Нам не раз доводилось встречать богов, которые выдавали себя за обыкновенных людей, – возразил Ург. – Некоторые из них делали это столь искусно, что им удавалось провести даже самого Шапитука... Варабайба, например, до сих пор умеет остаться неузнанным, если ему вдруг взбредет в голову немного побыть простым человеком, – и это при том, что все прекрасно осведомлены о его причудах.

Я не стал спрашивать, кто такой этот Варабайба и на кой черт ему оставаться неузнанным, если уж он – бог... И куда подевалось мое любопытство?! Голова наотрез отказывалась усваивать информацию, которую щедро изливал на меня мой проводник. Чем больше он мне рассказывал, тем меньше я понимал. Поэтому я решил сосредоточиться на главном.

– А кто такие эти, как их... шубы? Ну, те могущественные ребята, которые могут отправить меня домой?

– Если ты действительно вознамерился найти Мараха Вурундшундба, тебе следует хотя бы запомнить слово Истинной речи, которое они используют, чтобы именовать себя, – строго сказал Ург.

– А что, они тоже Мараха?

– Да, разумеется.

– И вы, и они?

– Ну да. И они, и мы, и еще несколько десятков народов, из тех, что населяют Хоману. Мир следует поддерживать во многих местах сразу.

– А что ты говорил насчет животных и растений Мараха? Какие они? Разумные?

– Все Мараха разумны, но это – не главное наше отличие от прочих. – Мой лектор пожал огромными сияющими плечами, как мне показалось, с некоторой досадой.

– А какое главное?

– Не спеши, – посоветовал Ург. – Слова ничего тебе не объяснят. После того как ты встретишь на своем пути многих Мараха, ты сам поймешь, чем мы отличаемся от иных существ.

¹⁹ Мараха – см. комментарии к слову «хурмангара», где подробно рассказывается обо всех категориях населения Хоманы.

– Пожалуй, ты прав, – неохотно согласился я. – Что ж, проживем – увидим... Слушай, я уже понял, что карту, на которой отмечено, где нахожусь я и где живут эти, – я замялся и старательно, по слогам выговорил: – Мараха Ву-рунд-шунд-ба, взять неоткуда... Но может быть, ты все-таки можешь дать мне хоть какой-то совет: как их искать? Вот, предположим, я окажусь на поверхности земли. И что дальше? В какую сторону мне идти? На север, на юг? Куда?

– Я не знаю, что такое «север» или «юг». Но я догадываюсь, что ты имеешь в виду: ты хочешь, чтобы я указал тебе направление. Ты очень примитивно рассуждаешь, прищелец. Такая наивность подобает человеку хурмангара, который никогда в жизни не забредал дальше окраины ближайшего болота, а не страннику, заблудившемуся в чужом Мире. Не имеет значения, в каком направлении ты пойдешь. Важно только твое желание добраться до цели. Если ты скажешь себе, что хочешь добраться до Мараха Вурундшундба, и будешь тверд в своем намерении, рано или поздно твои ноги сами встанут на верный путь. Если же тебя одолеют сомнения и колебания – что ж, тогда ты обречен до конца жизни скитаться по лесам Мурбангона... Впрочем, не думаю, что тебе это грозит. У тебя глупая голова неопытного человека, но твое мудрое сердце принадлежит совсем иному существу, с которым ты сам, возможно, еще незнаком. Доверься сердцу и ни о чем не беспокойся, так будет лучше для всех.

– Хорошо, я попробую, – растерянно согласился я.

– Видишь – там, вдалеке пятнышко света? – внезапно спросил Ург.

Я вгляделся в темноту и кивнул. Впрочем, «пятнышко» – это было громко сказано. Бледная светящаяся точка, крошечная, как самая далекая из звезд, не более того...

– Там – выход, – коротко объяснил Ург. – Теперь ты не заблудишься. Я не могу идти дальше.

– Почему? Тебе нельзя выходить на поверхность?

– Нельзя. Знаешь, я ведь уже очень стар, – неожиданно признался Ург. – В свое время мы ушли под землю, чтобы убежать от старости и смерти. Можно сказать, нам это удалось. Мы до сих пор живы и все еще почти молоды, но только до тех пор, пока остаемся под землей. Это – правило, которое нельзя нарушать.

– Бессмертие – отличная штука, – вздохнул я. – Вот только во всех книжках, которые мне довелось прочитать, пишется, что за него приходится очень дорого платить... Теперь я вижу, что это правда. А жаль.

– Не так уж дорого мы заплатили, – возразил Ург. Впрочем, мне показалось, что он убеждает не меня, а себя.

– Ладно, если ты не можешь идти дальше, я, наверное, должен попрощаться, – нерешительно сказал я.

Честно говоря, эта идея не вызвала у меня особого восторга. Мой новый приятель Ург не был самым компанейским парнем всех времен и народов, но к его обществу я уже вполне привык. А предстоящее одиночество меня здорово пугало – просто потому, что, когда учишься играть в незнакомую игру, очень хочется, чтобы за твоей спиной стоял кто-нибудь, в совершенстве владеющий ее правилами. Особенно если подозреваешь, что ставкой в этой игре вполне может оказаться твоя собственная жизнь.

Впрочем, никакого могущественного мудреца за спиной мне не светило, и с этим надо было смириться.

– Подожди, – вдруг попросил Ург. – Если ты все-таки не тот, за кого себя выдаешь... Я очень прошу тебя: постарайся не навредить этой земле. Возможно, первое знакомство с этим Миром доставило тебе не слишком приятные впечатления, но ты еще успеешь убедиться, что он великолепен.

– Ладно, – пообещал я. – Если вдруг окажется, что я не тот, за кого сам себя принимаю... Постараюсь!

– Хорошо, – серьезно кивнул он. Немного помедлил, потом извлек из-под своего балахона что-то вроде тонкого одеяла. – Это – мой подарок, – объяснил он. – Укроет тебя от холода и от недобрых глаз. Не в моих правилах делать подарки, но что-то заставляет меня отступить от правил. Твоя удача, наверное, весьма велика. Теперь иди.

Я молча взял одеяло и пошел вперед, туда, где мерцала маленькая точка бледного света. Через полчаса подземный коридор вывел меня в просторную пещеру, и я с изумлением обнаружил, что «точка» оказалась одной из двух маленьких разноцветных лун, которые появляются на ночном небе после того, как его по очереди покидают все три солнца. Сейчас, кроме этого ярко-желтого кружочка на темном ночном небе, не было ничего: ни звезд, ни второй луны.

Я огляделся по сторонам, пытаюсь понять, подходит ли эта пещера для безопасного ночлега. По правде сказать, она для него совершенно не подходила: вход был гостеприимно широким, а земляной пол – жестким и безнадежно сырым.

Я вышел наружу и снова огляделся. Почва под ногами подозрительно хлюпала и чавкала: похоже, меня занесло в болото. Вокруг был лес, не слишком густой, но вполне мрачный. Высокие деревья с длинными гладкими стволами и редкими кронами были похожи на злых баскетболистов. Кажется, они внимательно присматривались ко мне, и я не был уверен, что мое обаяние на них действует.

Я все взвесил и вернулся в пещеру. Какая-никакая, а все-таки крыша над головой. Укутался в подарок Урга – одеяло оказалось даже более тонким, чем я думал, но все-таки лучше, чем ничего – и закрыл глаза. Удивительное дело: я сразу же согрелся. А через несколько минут уснул так безмятежно, словно лежал в своей постели, а не в глубине неприветливого леса, в каком-то дурацком чужом Мире, будь он неладен.

Сначала мне снилась всякая невнятная чушь, но перед самым пробуждением я услышал голос, негромкий, бархатистый и завораживающий:

«Первый ветер дует из стороны Клесс, – нараспев говорил голос, – и он напорист, словно выпущен из груди пышного улла; он дует шесть дней. Другой ветер – это Овётганна и как бы Хугайда, и далеко его родина, незыблемая и неведомая. Он дует две луны, затихая лишь на время. Третий ветер приходит редко, из тех мест, где его вызывают к жизни бушующие Хэба²⁰, среди дюн, скал и озер».

Мне померещилось, что я вижу обладателя этого дивного голоса – он оказался облачком золотистого тумана, сияющим и подвижным. Я протянул руки, чтобы окунуть их в это облачко – почему-то мне показалось, что прикосновение к нему подарит мне наслаждение, о котором я и мечтать не смел, – и проснулся. В пещере было довольно светло, но никаких золотистых облаков тут, к сожалению, не обнаружилось.

«Овётганна и как бы Хугайда», – снова услышал я и поразился тому, как изменился дивный голос из моего сновидения: теперь он стал хриплым и очень тихим. А потом я понял, что сам произнес эти чарующие слова, смысл которых был мне совершенно непонятен.

«Овётганна», – теперь уже осознанно повторил я, испытывая острое физическое удовольствие от соприкосновения губ с этим словом, словно оно было сочной виноградиной, перекачиваемой в пересохшем рту. – И что это за хрень такая – «Овётганна»?

²⁰ *Хэба* – позже я узнал, что такой народ действительно существует. Молчаливые и воинственные, они живут среди пустынных скал, в Долине Катящихся Камней, где-то на Угане. О Хэба известно немного, т. к. их контакты с окружающим миром сводятся исключительно к непрерывным, кровопролитным и совершенно бессмысленным (с точки зрения остальных людей) войнам. Говорят, Хэба никогда не предъявляли к побежденным территориальных, политических или каких-либо других требований, а закончив битву, всегда уходили обратно, в свою долину, словно воевали исключительно ради самого процесса битвы.

* * *

– У меня хорошие новости. Тебя теперь зовут Ронхул. Это имя – подарок Ургов. Они не успели сообщить его тебе и попросили меня передать.

Я вздрогнул: на сей раз голос определенно принадлежал не мне. Оглянувшись, я увидел своего старого знакомого – обшарпанного попугая, который навестил меня в склепе.

– Рад тебя видеть, Бурухи, – улыбнулся я. – А с чего это Урги решили, что мне требуется новое имя?

– Потому что твое старое имя здесь не годится, – лаконично объяснила птица. – Да и потом ты же сам говорил, что не хочешь, чтобы его кто-то узнал. А какое-то имя тебе все равно понадобится. У каждого человека должно быть имя.

– Резонно. Но почему именно Ронхул? Мне не очень-то нравится.

– Потому что это – твое имя, – безапелляционно заявила птица. – Уж Урги-то разбираются, кого как зовут.

– Ладно, Ронхул так Ронхул – хорошо хоть не «Грязная Задница»! – фыркнул я. – Слушай, птица, если уж ты здесь, может быть, ты дашь мне совет: как раздобыть что-нибудь пожрать?

– С этим у тебя будут проблемы, – честно сказала птица. – Только не вздумай съесть меня: мясо птиц Бэ совершенно не годится в пищу!

– Я не буду тебя есть, даже если выяснится, что ты – самый крутой деликатес на сто миль в округе, – пообещал я. – Не улетай прямо сейчас, ладно?

– Ладно, – согласилась птица. – Если хочешь найти еду, тебе не следует оставаться на месте, Ронхул. В этой пещере ее точно нет.

Глава 4

Мэсэн

Через несколько минут после того, как мы покинули пещеру, Бурухи обратил мое внимание на высокое дерево с толстым угольно-черным стволом, ровным, как мраморная колонна. Верхушка дерева венчалась ярко-алой кроной, среди листьев виднелись крупные оранжевые плоды.

– Это утуутма – или просто тутма²¹, как говорят местные жители. У нее очень вкусные плоды. Попробуй, не пожалеешь!

– И как, интересно, я их достану? – жалобно спросил я. – Думаешь, я тоже умею летать?

– Хочешь сказать, ты не залезешь на это дерево? Экий ты беспомощный, – удивилась птица. – Ладно уж, я тебе помогу.

– Что бы я без тебя делал! – прочувствованно сказал я.

– Без меня ты бы пропал, – совершенно серьезно ответил мой временный ангел-хранитель.

Через несколько секунд птица положила в мои протянутые руки гладкий оранжевый шар. Он оказался еще больше, чем я думал: едва поместился в пригоршне. Тонкая кожица лопнула, обнажая сочную мякоть угольно-черного цвета. Несмотря на смутивший меня черный цвет, вкус плода тутмы оказался совершенно неопишуемым: немного похоже на очень спелую хурму, но гораздо круче.

Я не дурак пожрать, но с трудом одолел сие чудо природы. Потом благодушно улыбнулся: теперь, на сытый желудок, я был вполне способен оценить неопишуемую свежесть воздуха и удивительную красоту окружавшего меня леса – не слишком густого, а посему залитого разноцветным светом трех неярких, но теплых солнышек. Почва под моими ногами была не просто темной, а черной, как тушь, а небо над головой – ярко-бирюзовым. Теперь, когда я кое-как справился с истерическим желанием отменить навязанную мне реальность и никогда о ней не вспоминать, я не мог не признать, что попал в восхитительное место.

– Если разобраться, мне еще крупно повезло, – задумчиво сказал я птице. – Меня вполне могло бы занести в какое-нибудь пекло – с моим-то сомнительным везением! А этот ваш Мир – вполне приличное местечко... Как он называется, кстати? Урги мне сказали, но я забыл.

– Хомана, – важно сообщил Бурухи. – Это не просто «приличное местечко», а совершеннейший из населенных Миров, уж ты мне поверь!

– Ну, если учесть, что в этом мире есть такие замечательные существа, как ты... Будем считать, что он и правда «совершеннейший».

Я решил, что к Бурухи следует усиленно подлизываться. Во-первых, эта удивительная птица знала множество полезных и интересных вещей – этаким специальным летающий путеводитель для новичков. Во-вторых, жизнь показала, что я не способен добывать себе пищу в этом лесу. Если очень припечет, я смогу залезть на какую-нибудь ветвистую яблоню, но высоченные гладкие стволы местных деревьев лишали меня уверенности в завтрашнем дне. И самое главное: присутствие этого доброжелательного существа возвращало мне душевное равновесие.

– Спасибо, – вежливо сказал Бурухи. – Урги тоже иногда меня хвалят. А от людей обычно не дожدهшься.

– Кстати, о твоих приятелях Ургах, – вздохнул я. – Они сказали, что мне следует отправиться туда, где живут эти, как их там... – я наморщил лоб и старательно, по слогам выгово-

²¹ Утуутма – название этого дерева на Истинной речи Масанха.

рил: – Ву-рунд-шунд-ба! Но они не указали мне направление. Ты тоже не знаешь, в какую сторону я должен идти?

– Не знаю, – призналась птица. – Я умею летать, поэтому меня никогда не интересовали пути, проложенные по земле. Но это не беда: если ты действительно хочешь найти Вурунд-шундба, ты непременно их найдешь! Что-нибудь случится: или ты сам найдешь нужную тропу, или, по крайней мере, встретишь того, кто знает дорогу.

– Урги тоже так говорили, – хмуро сказал я. – Если честно, я бы предпочел более традиционный способ вести поиски. Ладно, скажи хоть, в какую сторону следует идти, чтобы не вернуться в Альтаон?

– Сейчас ты от него удаляешься, – сообщил Бурухи. – Так что можешь смело идти вперед.

И я смело пошел вперед – а что мне еще оставалось? Бурухи удобно устроился на моем плече, заявив, что нет дураков крыльями махать, когда можно прокатиться на таком покладистом человеке. Я не возражал, разумеется. Меня преследовало ощущение, что я стал похож на пирата – в экзотическом костюме из сундуков Таонкрахта, да еще и с таким пернатым другом на плече.

* * *

Через несколько часов мои ноги начали умолять меня дать им небольшую передышку. Я не возражал – что ж я, зверь какой? Уселся на густую желто-зеленую траву, вытянул свои многострадальные конечности – иногда выясняется, что человеку нужно совсем мало, чтобы стать счастливым.

– Тебе повезло, – неожиданно сказала птица. – Сюда едет Мэсэн. Я только что видел его сверху. Ты тоже скоро увидишь: он за теми деревьями и через несколько минут будет здесь.

– А кто это – Мэсэн?

– Как тебе сказать. Он – лесной житель, вольный человек. Таких людей в наших местах раз-два – и обчелся. Если сможешь с ним поладить, поедешь дальше с комфортом. У Мэсэна есть телега!

– Усратья можно, как круто! – от души рассмеялся я.

Бурухи несколько секунд глядел на меня круглыми блестящими глазами, а потом отвернулся. Мне показалось, что он на меня дует.

– Эй, я не хотел тебя обидеть, – примирительно сказал я. – Я все время ржу по пустякам, не обращай внимания.

– А ты меня не обидел, – невозмутимо откликнулся Бурухи. – Смейся сколько хочешь, не в этом дело. Просто мне уже давно пора лететь обратно. Я все думал, что надо бы сказать тебе, что дальше ты должен идти один.

– Ой, а вот это действительно паршиво!

От моего хорошего настроения камня на камне не осталось. Без особой надежды я спросил:

– А тебе обязательно улетать?

– Обязательно. Я – не какой-нибудь бродяга. Мое гнездо не может пустовать вечно! Я знал, что ты огорчишься, поэтому все откладывал прощание. Тебе сейчас будет очень трудно: ты – неопытный путешественник. Так что попробуй поладить с Мэсэном. Он хороший спутник. Сильный и сведущий. Возможно, он даже покажет тебе Быструю Тропу²² – именно то, что тебе нужно.

²² Тайные науки Хоманы утверждают, что «земля любит играть со временем и пространством на радость знающим». Одним словом, в мире Хоманы существует некоторое количество дорог (432, если верить их книгам), которые как сеть опутывают планету и возмещают местным жителям отсутствие скоростного наземного транспорта. Путнику, который следует по такой

– А что это такое – Быстрая Тропа? – спросил я. – Ург, который провожал меня, тоже что-то такое говорил. Дескать, под землей нет Быстрых Троп...

– Конечно, нет, – подтвердил Бурухи. – Где это видано, чтобы под землей были Быстрые Тропы?!

– Но что это такое?

– Есть разные дороги. Обыкновенные, вроде той, по которой ты сейчас шел. С ними все просто: всегда заранее знаешь, сколько времени отнимет у тебя путешествие в то или иное место, и все зависит только от крепости твоих ног. Есть дороги, по которым можно идти всю жизнь и никуда не прийти – моли свою судьбу, чтобы она уберегла тебя от такой участи! И есть Быстрые Тропы. Если ты пойдешь по такой тропе, тебе будет казаться, что ты идешь по самой обыкновенной дороге. Но через несколько дней ты можешь оказаться там, куда мне не долететь, и даже всадник на хорошем коне будет добираться до следующего года. Когда идешь по Быстрой Тропе, самое далекое путешествие становится коротким.

– Ничего себе! – я озадаченно покачал головой. – Полезная штука!

– Да – для тех, кто ходит по земле, – равнодушно согласилась птица. – До свидания, Ронхул. Не грусти, я не улечу, пока не уверюсь, что с тобой все в порядке. Посмотрю, поладишь ли ты с Мэсэном, – с верхушки вон того дерева. Все-таки он охотник, а птичье мясо считается деликатесом у некоторых неразумных людей.

– Хочешь сказать, что таких птиц, как ты, едят? – ужаснулся я. – Как это может быть? Ты же умнее, чем люди!

– Скорее уж люди глупее, чем я. В том-то и проблема, – печально сказал Бурухи. – Поди объясни дураку.

Потом мой пернатый приятель проворно замахал крыльями и скрылся в пестрой мешанине алой, черной и темно-зеленой листвы. А через несколько секунд из-за деревьев наконец-то показался обещанный Мэсэн.

Он действительно ехал на телеге. В телегу было запряжено удивительное животное: огромное толстое существо жизнерадостно розового цвета. Впрочем, мать-природа потрудились расчертить эту тушу черными тигровыми полосами. Про себя я сразу окрестил его «свинозайцем»²³: розовое тело зверя было вполне поросычьим, крошечные тусклые бусинки глаз довершали сходство, но кроме этого сие чудесное создание было украшено ушами Микки-Мауса и наделено двумя огромными передними зубами, которым мог бы позавидовать любой грызун. Думаю, каждый зуб был размером с мою ладонь, а то и больше.

Меня так потряс представитель местной фауны, что я не сразу обратил внимание на его владельца. Я вспомнил о Мэсэне только после того, как он сам подал голос.

– Ты кто? – весело спросил он. – Разбойник небось? Что-то твоя рожа мне незнакома...

– Никакой я не разбойник, – возмутился я. – Еще чего не хватало!

– Да вот и я гляжу – не похож ты что-то на разбойника, – неожиданно согласился он. Издал какой-то невероятный звук – местный вариант «тпр-р-ру». «Свинозаяц» послушно остановился, его хозяин ловко выпрыгнул из телеги и уставился на меня.

Я ответил ему полной взаимностью: во все глаза пялился на своего нового знакомого. Высокий, немного сутулый, крепкий и жилистый, одетый в широкие кожаные штаны, стоп-

дороге, кажется, что он идет с обычной скоростью. В каком-то смысле, так оно и есть, тем не менее Быстрые Тропы позволяют за несколько дней преодолеть расстояние, на покрытие которого требуется несколько месяцев пути. Говорят, что существуют и Медленные Тропы, по которым можно за год не добраться до ближайшего населенного пункта – к счастью, мне не довелось проверить сие утверждение на практике.

²³ Позже я узнал, что это был *кунтиале*. Бунаба называют его абубыл, думаю, у этого животного еще немало имен, поскольку они в изобилии водятся на всей территории Хоманы. Этот травоядный зверек очень глуп, но легко поддается дрессировке, так что его качества зависят исключительно от мастерства и намерений дрессировщика. Говорят, его очень легко разводить и содержать – не знаю, сам не пробовал. Кроме всех прочих достоинств, кунтиале в изобилии дает молоко, вкусное и питательное.

танные сапоги с короткими рыжими голенищами и лохматый меховой жилет прямо на голое тело – вот уж у кого был самый что ни на есть разбойничий вид! – с хитрющей загорелой рожей, обрамленной копной спутанных кудрявых волос, и внимательными узкими зеленоватыми глазами – он мне скорее понравился, чем нет.

– Так кто ты все-таки? – наконец спросил Мэсэн. – Ты ведь не один из альганцев. Ты на них не похож, хотя одет, как сам Таонкрахт. А может, ты – его незаконный сын? – Он тихонько захихикал, тут же осекся и испытующе уставился на меня – а ну как я обиделся?

– Меня зовут Ронхул, если это тебе интересно, – я пожал плечами. – Я не альганец и уж тем более не сын Таонкрахта.

– Вот и хорошо, – обрадовался Мэсэн. – Не люблю я их племя! А где ты разжился Таонкраховым шмотьем? В этих местах никто, кроме него, не одевается в белое и уж тем более в сиреневое. Рандан Таонкрахт издал закон, в котором говорится, что это его цвета, а всем прочим запрещено их носить – под страхом вечной цакки... И почему ты бродишь по лесу, да еще и в одиночестве? Ищешь клад? Я могу помочь. Я в этих лесах все знаю.

– Я действительно кое-что ищу, но не клад. Я ищу дорогу к людям Вурундшундба. Слышал о таких? Может быть, ты мне поможешь, если уж ты все знаешь? – Я понятия не имел, как мне вести себя с этим странным человеком, и поэтому решил использовать свое единственное смертельное оружие: убойную искренность в больших дозах.

– Ничего себе! – присвистнул мой новый знакомый. – А на кой они тебе сдались, эти ведьмаки? Ты хоть знаешь, кто они такие?!

– Понятия не имею, – искренне сказал я. – Но Урги сказали мне, что...

– Ты видел Ургов? И говорил с ними? – недоверчиво спросил он. – Как это может быть? Не завирайся!

– Делать мне больше нечего. Ну, говорил я с ними, не далее как этой ночью – и что с того?

– А какие они? – В его голосе звучало опасливое любопытство, которое оказалось сильнее недоверия.

– Большие, в два человеческих роста, если не больше. Курносые, круглоглазые, светятся в темноте. Они живут под землей и не могут оттуда выйти, поскольку на поверхности их настигнет старость, от которой они когда-то убежали. И вообще странные типы: не то люди, не то привидения – невесть что, – сообщил я, не слишком надеясь, что Мэсэн мне поверит.

Но он поверил.

– Высокие, говоришь? Светятся? Слушай, а ведь мне один послушник Сох то же самое твердил. Мальчик заблудился в лесу, когда его послали испытывать удачу, а я нашел его на болоте, накормил и проводил до опушки леса, так что, можно сказать, его удача действительно велика... А как ты к ним попал? – нетерпеливо спросил он.

– Они сами за мной пришли.

– Куда это они за тобой пришли?

– В гробницу Таонкрахта, – честно сказал я.

– Так ты – призрак его предка? – опешил он.

– Нет, – улыбнулся я, – не призрак. Всего-навсего демон, которого он вызвал. При этом Таонкрахт чего-то напутал в заклинаниях, так что теперь я пытаюсь найти того, кто поможет мне сделать отсюда ноги. Урги сказали, что Вурундшундба знают, что делать с такими, как я.

– Так ты и есть тот самый демон, о котором судачат птицы Бэ по всему Альгану? Я-то думал, что это враки: Таонкрахт вечно что-то выдумывает, чтобы его боялись еще больше.

– Похоже на него, – улыбнулся я. – Тем не менее ты-то его вроде не боишься.

– Я никого не боюсь, – просто сказал Мэсэн. – Я умею хорошо делать две вещи: драться и прятаться. Поэтому мне никто не страшен. Я даже вас, демонов, не боюсь! Ты, например, совсем не страшный.

– Да, к сожалению, – усмехнулся я. – Но может быть, ты все-таки покажешь мне дорогу? Одна птица сказала, что ты знаешь какой-то «быстрый путь»...

– Быструю Тропу, – поправил он. И ворчливо добавил: – Эти птицы вечно метут, что попало!

– Так ты можешь показать мне эту самую тропу или нет? – нетерпеливо спросил я.

– Поехали со мной, – решил он. – Я накормлю тебя ужином, у меня много еды. А за это ты расскажешь мне, каково оно – быть демоном? И про Таонкрахта расскажешь: давненько я о нем ничего новенького не слышал! А потом мы поищем твою Тропу. Я не знаю, где она находится, но я знаю, как искать. Может, и найдем... Ничего, со мной не пропадешь, Ронхул!

Мне очень хотелось ему верить. Не пропасть – это именно то, что мне требовалось.

Я поднял голову – туда, где в гуще листвы затаился мой пернатый друг по имени Бурухи. Следовало сказать ему спасибо и попрощаться: кажется, с Мэсэн мы вполне поладили, так что мой опекун мог спокойно отправляться домой. Но, памятуя о том, что местные жители любят лакомиться птичьим мясом, я не стал орать вслух какое-нибудь дурацкое «до свидания». Я очень надеялся, что мудрая птица без всяких слов почувствует, как я ей благодарен.

* * *

– Скажи, пожалуйста, а «Мэсэн» – это имя или звание? – вежливо осведомился я, устраниваясь в телеге. «Свинозаяц» тут же зашагал вперед. Для существа такой комплекции он оказался вполне проворным, но, думаю, пешком у нас получилось бы быстрее...

– Мэсэн – это я! – гордо ответил мой новый знакомый. – Зачем мне еще какое-то имя или звание?

– Я хотел спросить: а что это значит? Кто ты? Чем ты занимаешься? Ты не похож ни на Таонкрахта, ни на его слуг.

– Спасибо на добром слове, – ухмыльнулся Мэсэн. – Еще чего не хватало! Я – не альганец, но я – вольный человек. Я живу в своем собственном доме в лесу и делаю, что хочу, а не то, что мне прикажут. Я поставляю дерьмоедов во все окрестные замки! – последнюю фразу он произнес так гордо, словно сообщал мне по секрету, что является советником какого-нибудь местного президента, как минимум.

Я не удержался от смеха.

– Что ты им поставляешь?

– Не «что», а «кого»! Я же сказал – дерьмоедов! Без меня все эти важные господа давно бы пропали. Я ловлю грэу и бэу на болоте, здесь, неподалеку. Из них получаются хорошие дерьмоеды: эти твари прожорливы и им совершенно все равно, что именно жрать. При этом сами они не гадят, только жиреют и растут... Знаешь что, Ронхул? Я возьму тебя на охоту, завтра же. Посмотришь, как я их ловлю. Получишь удовольствие! А потом поищем твою Быструю Тропу. Идет?

– Идет, – растерянно согласился я. И осторожно спросил: – Слушай, я так и не понял: что за дерьмоеды такие? Зачем они нужны?

Мэсэн заразительно расхохотался.

«Зачем они нужны» – это надо же! Экий ты непонятливый, Ронхул! А еще демон. Чтобы жрать дерьмо, разумеется. Должен же его кто-то жрать.

– Вот этого я и не понимаю. Почему кто-то обязательно должен жрать дерьмо?

– Ну а куда его девать? – удивился Мэсэн.

– Как это – куда? – Несколько секунд я хлопал глазами, а потом прочитал своему новому приятелю краткую, но емкую лекцию о канализациях. Мое выступление привело его в замешательство.

– Ты что?! – наконец вымолвил он. – Ну, сказанул! Как это можно – зарывать дерьмо в землю? Там же Урги живут! А они не любят чужое дерьмо. Это ведь Урги приказали, чтобы дерьмо никогда не лежало ни на поверхности земли, ни на дне водоемов, ни даже в болотах. А Сох за этим очень строго присматривают. Они вообще-то мужики не злые, но за такое убивают на месте.

– Что, Сох не разрешают людям ходить в туалет?

– Да нет, почему же. Разрешают. Это ведь такое дело, что не запретишь... Они только следят, чтобы дерьмо не оскверняло землю. В свой горшок каждый может делать, что душе угодно. Но потом будь добр, скорми это своему дерьмоеду, и чтобы ни крошки не упало на землю... Зато по малой нужде можешь ходить где хочешь.

– Так демократично! – расхохотался я. – Ну и проблемы у вас, ребята! Я-то думал, что эти Сох – крутые колдуны, а они – просто смотрят, кто куда гадит.

– Зря ты так, Ронхул. Они очень могущественные, – строго сказал Мэсэн. – Не гневи судьбу, а не то нарвешься на Хинфу ночной порой.

– А я уже однажды нарвался, – гордо сказал я.

– И что? – обалдел Мэсэн.

– А ничего особенного. Он умер.

На его лице появилось выражение откровенного недоверия. Я пожал плечами.

– Спроси у кого-нибудь из таонкрахтовой дворни, когда привезешь им очередную партию дерьмоедов.

– Ну да, ты же демон... – теперь Мэсэн смотрел на меня с явным опасением.

– Между прочим, я его не убивал, – честно сказал я. – Я просто спал. А вот он пытался меня убить. Что ему удалось, так это разбудить меня, а потом тихо скончаться в изголовье моей постели.

– Ну, дела! – растерянно сказал Мэсэн. Мне показалось, что он ужасно не хочет мне верить, но у него ничего не получается. – Выходит, с тобой лучше не ссориться, – решил он. – Ну да я и не собирался.

– Вот и хорошо, – улыбнулся я, – не люблю ссориться.

– Ну, это смотря с кем, – ухмыльнулся Мэсэн. – Вот с нашими разбойниками ссориться – одно удовольствие! Они совсем не умеют драться.

– Как же так? – удивился я. – Они же разбойники. Драка – это же их хлеб!

– Да какое там. Они просто беглые слуги альганцев. Ты же видел небось, какие у них слуги, – снисходительно сказал он. – А у этих хватило ума дать деру. Одним приспичило носить белую одежду, другие проворовались на кухне и испугались, что их посадят в цакку, третьим просто стало скучно сидеть за оградой. А в лесу им хорошо. Здесь даже последний болван прокормится. Болотная умала растет круглый год – хоть и мелкая, да вкусная. И стада литя²⁴ повсюду бродят, а такого неуклюжего зверя даже безрукий подстрелит. И ни одного альганца – чем не житуха!

– А что, разве их не ловят, этих разбойников?

– Да кому они нужны! Их бывшим хозяевам плевать, сколько никчемных болванов бродит по замку: несколько сотен или несколько сотен без одного десятка... Зря они так, конечно. Переловили бы своих красавцев – житья от них нет!

– Понятно, – кивнул я. – А чего ты с ними не поделил?

– Так у них же почти нет дерьмоедов, – он хлопнул рукой по колену и расхохотался. – Только в одной банде и есть: они его как-то с собой со двора сманили, молодцы! Крутые ребята: все в сиреновом – Таонкрахт бы их голыми руками задушил, если бы увидел. А остальным

²⁴ *Литя* – очень глупое травоядное животное. Является основным источником мясной пищи повсюду на Хомана, поскольку очень многочисленны, быстро размножаются, а их мясо – настоящий деликатес.

приходится складывать свое дерьмо в мешки и таскать за собой до лучших времен. Поначалу они пробовали гадить где попало, но после того как в лес пришли Хинфа и извели несколько десятков немытых засранцев, до всех дошло, что с такими вещами лучше не шутить... А у меня дерьмоедов полным-полно: я же их ловлю. Вот они губу и раскатали. Все время пытаются стащить хоть одного плохонького грэу: ловить-то их эти болваны не умеют, для охоты особая смекалка нужна. А я решил, что бесплатно у меня никто ничего не получит!

Я озадаченно покачал головой. Вся эта история с дерьмоедами совершенно не укладывалась в рамки моих представлений о человеческой жизни. Да уж, ну и проблемы у некоторых.

– А вот сейчас и посмотришь, как я развлекаюсь, – весело сказал Мэсэн. – Везучий ты, однако, Ронхул!

– Что ты имеешь в виду? – переполошился я.

– Вон там в кустах – засада, – жизнерадостно объяснил Мэсэн. – Эти дурни думают, что они хорошо спрятались!

Про себя я подумал, что дурни спрятались неплохо: лично я до сих пор никого не заметил. Свист летящего дротика тут же положил конец моим сомнениям. Впрочем, немудреное метательное оружие вонзилось в землю в нескольких шагах от телеги.

– Ничего не умеют, косорукие! Ну сейчас мы им зададим жару! Йох! Унлах! – Мэсэн одним молниеносным движением распряг своего «свинозайца».

– Чужие! – повелительно сказал он, указывая на густые заросли кустов впереди.

Огромный неповоротливый зверь перешел на какой-то неопиcуемый галоп. Через несколько секунд он вломился в кустарник. Оттуда немедленно раздались отчаянные вопли. Мэсэн ухмыльнулся, прыгнул с телеги и устремился вслед за своим домашним любимцем, устрашающе размахивая здоровенной дубиной – я так и не заметил, как она оказалась в его руках. Не успел я и глазом моргнуть, а он уже вытаскивал из кустов двух отчаянно сопротивляющихся и громко визжащих типов, пестрые лохмотья которых были до боли похожи на сомнительные наряды таонкраховых слуг. Одного Мэсэн сразу же огрел своей кошмарной дубиной, другой, голову которого украшал не то шлем, не то причудливой формы ночной горшок, как-то умудрился вырваться и даже пробежал несколько шагов. Мэсэн настиг его одним прыжком и со всего размаха опустил свое грозное оружие на причудливый головной убор. Парень хлопнулся на землю, продолжая вопить и ругаться – тут ему явно не хватало интеллекта: до меня долетало исключительно слово «жопа» в самых разных падежах. Из кустов тем временем выскочили еще несколько разбойников. Я сразу заметил, что среди них была женщина – высокая, очень худая, что-то без умолку верещащая. Она показалась мне самой бесстрашной – или самой невменяемой – из них, поскольку сразу поперла на Мэсэна, кидая в него дротики, пучок которых сжимала в одной руке. Самое удивительное, что она умудрилась промахнуться даже с расстояния двух шагов! Дело кончилось тем, что Мэсэн огрел ее дубиной – мне показалось, что вполсилы: она бухнулась на землю, но явно не слишком пострадала. Последним из кустов вышел «свинозаяц». К моему безмерному ужасу, он вяло жевал окровавленный продолговатый предмет, который оказался человеческой рукой. Зверь огляделся по сторонам и направился к лежащим на земле людям. Он с явным удовольствием прошелся по телу отчаянно визжащей женщины, она задергалась и затихла – не то умерла, не то просто потеряла сознание. Остальные разбойники окончательно запаниковали и бросились в бегство. Кошмарный «свинозаяц» тем временем с наслаждением топтал еще одно лежащее на земле тело. Парень с горшком на голове отчаянно пытался подняться на ноги. Мэсэн неожиданно проникся к нему сочувствием: легко, как ребенка, поднял за шиворот, одним проворным движением обшарил его карманы, ничего там не нашел и укоризненно покачал головой, потом извлек из-за пояса своей жертвы связку дротиков, небрежным, но удивительно ловким движением зашвырнул их в телегу – дротики шмякнулись в нескольких сантиметрах от моей левой ступни. Закончив обыск, Мэсэн поставил парня на ноги и легонько подтолкнул в спину.

– Беги, дурак, а то умрешь! – с заметным сочувствием сказал он.

Горемычный разбойник старательно выполнил его инструкцию: на полусогнутых ногах припустил вслед за своими товарищами. Мэсэн одобрительно кивнул и лениво позвал свое ручное чудовище.

– Все, Куптик, иди сюда. Успокойся, чужие ушли.

Зверь тут же послушно прекратил топтать кровавую массу, в которую превратилось тело незадачливого разбойника, подошел к хозяину и подставил ему свою ушастую голову, требуя заслуженной ласки.

– Ты мой умник, – Мэсэн почесал его за ухом. – Молодец, хорошо поработал.

– Да уж, – растерянно подтвердил я.

– Ну как, тебе понравилось, Ронхул? – Мэсэн лукаво шурился, трепал по щетинистому загривку свою боевую скотину.

– На их месте я бы обходил тебя стороной, – признал я. – Или эти еще не знали, кто ты такой?

– Да знали они, знали, – отмахнулся он. – Просто эти дурачки тут же забывают, что с ними случилось. Уверен, уже завтра они будут гадать: куда подевались их дружки, а послезавтра даже не вспомнят, что те когда-то были рядом...

– Что, правда забывают? – изумился я.

– А то! С другой стороны, если бы они все помнили, их жизнь была бы совсем хреновой, – рассудительно заметил Мэсэн.

Он подошел к затоптанной женщине, деловито обшарил ее неподвижное тело, изъяс еще одну связку дровиков и большой нож топорной работы.

– В хозяйстве пригодится, – пояснил он. И добавил, возвращаясь к только что прерванному разговору: – Когда у тебя такая хреновая жизнь, лучше забывать как можно больше.

– Тебе их жаль? – спросил я. – Тогда зачем ты так круто с ними обошелся?

– Докучают, – коротко объяснил он. Немного подумал и решительно сказал: – Нет, Ронхул, мне их не жаль. Еще чего не хватало! Просто я рад, что сам таким не родился. Сколько живу на свете, столько радуюсь. Моя мать была из касты Ханара, а отец... кто его знает! Мать говорила, что какой-то шархи из Клохда. Думаю, так оно и было. Повезло дуре. Ну а мне-то как повезло!

Я не стал углубляться в дебри незнакомых терминов: если честно, мне было глубоко плевать и на генеалогическое древо своего нового приятеля, и на всякие там невразумительные «шархи», «клохды» и «ханары». Кровавая мазня на темной траве не давала мне сосредоточиться на процессе познания. Впрочем, Мэсэн мне по-прежнему вполне нравился, а расправа с несчастными разбойниками внушала уверенность, что этот дядя вполне способен оградить меня от всех неприятностей, которые ждут одинокого путника в незнакомых лесах. Больше мне ничего и не требовалось, кроме разве вот загадочной Быстрой Тропы, которую он обещал для меня поискать.

Мэсэн неторопливо запряг свое кровожадное чудовище в телегу. Я внутренне содрогнулся оттого, что был вынужден находиться в непосредственной близости от этого плотоядного бегемота с обманчивой внешностью плюшевой игрушки, но взял себя в руки и сделал вид, что мне абсолютно по фигу, кто там тянет эту телегу, лишь бы пешком не ходить. Мэсэн, к счастью, не заметил моей внутренней борьбы, уселся рядом, ободряюще похлопал кошмарное создание местной природы по жирной заднице, и мы отправились дальше.

* * *

Приближался вечер, в лесу быстро сгущались сумерки. Почва становилась все более топкой, колеса телеги то и дело увязали, и «свинозайцу» приходилось прилагать ощутимые уси-

лия, чтобы тащить ее дальше. Я отметил, что здесь нет ни мух, ни комаров, ни их эквивалентов, и это был приятный сюрприз. Вскоре мы подъехали к высокой ограде, сплетенной из тонких древесных стволов. Впрочем, сооружение производило впечатление прочного и вполне надежного.

– Приехали, – объявил Мэсэн. – Это мой дом, Ронхул. Сейчас повеселимся!

– Что, еще одна засада? – понимающе спросил я. – Опять разбойники?

– Да нет, какая там засада! Жрать будем. Не знаю, как ты, а я проголодался.

Двор за забором оказался просторным и порядком запущенным: то тут, то там росли пучки странной изжелта-бледной травы, повсюду валялись обрывки веревок и старые тряпки, под высоким кривым деревом, усеянным огромными белыми цветами, стояли латаные сапоги.

Рядом с сапогами топталось совершенно голое, невероятно уродливое существо, отдаленно напоминающее человека. У него была темная кожа цвета хаки, гладкая и блестящая, словно ее смазали маслом. Тело казалось невысоким, но очень массивным, с широченной грудной клеткой, руки существа почти достигали земли, а ноги были непропорционально короткими, толстыми и кривыми, совсем как у полоумного Таонкрахта скотника. Лицо существа даже нельзя было назвать топорной работой: топор – слишком ювелирный инструмент для такой работы! Скорее уж тут поработал экскаватор: выкопал две ямы для глаз, еще одну – для рта, а излишки сыпал в центре лица, благодаря чему существо обзавелось большим плоским носом. Этот красавчик издавал тихие звуки, похожие на удовлетворенное ворчание. Кажется, он был нам рад.

– Кто это? – шепотом спросил я.

Мэсэн насмешливо покачал головой.

– Кто, кто... Ну не жена же! Дерьмоед мой, разве не видно?

– А я еще никогда их не видел, – объяснил я.

– Ну и дела! – удивился Мэсэн.

– Я был у Таонкрахта всего два дня. А у Ургов – пару часов.

– Да ну тебя! Зачем Ургам-то дерьмоеды? – испуганно сказал он. – Не гневи судьбу, Ронхул. Ну и язык у тебя!

– Язык как язык, – вздохнул я. – Слушай, а он – человек?

– Он – дерьмоед, – авторитетно объяснил Мэсэн. – А пока я его не поймал, он был болотным бэу.

– Значит, не человек, – с непонятным мне самому облегчением заключил я.

– Ты уже налюбовался? – вежливо осведомился он. – Пошли жрать, Ронхул. А то я один пойду, а ты осматривайся.

– Лучше я пойду с тобой. Будем считать, что уже налюбовался.

В глубине двора стоял небольшой одноэтажный домик с жизнерадостной остроконечной крышей и маленькими окошками. Его стены были увиты толстыми черными стеблями каких-то вьющихся растений, которые я не мог отождествить ни с лианой, ни с лозой: почти без листьев, зато усеяны многочисленными красными цветами. Домик произвел на меня хорошее впечатление: он был обшарпанным, но уютным, как старая дача, хозяева которой предпочитают отдыхать на природе, а не заниматься бесконечным ремонтом.

Внутри царил типичный холостяцкий беспорядок. Посреди большой комнаты стоял длинный узкий стол на коротеньких ножках. Возле стола примостилось такое же низкое ложе, покрытое рыжей шкурой какого-то огромного жесткошерстного зверя. Напротив ложа, с другой стороны стола – широкая деревянная скамья, тоже укрытая меховой подстилкой. В глубине комнаты стоял сундук, такой огромный, что в нем вполне можно было поселиться – в свое время мне доводилось жить и в более тесных помещениях. Повсюду валялся какой-то хлам, ценный и не очень, но меня никогда не смущал беспорядок в чужих жилищах. Так даже лучше:

стеснительный гость, вроде меня, в неприбранном доме чувствует себя свободнее, чем в стерильной гостиной, больше похожей на музей мебели.

Мэсэн огляделся по сторонам, прошелся по комнате, то и дело пиная ногами свое добро, – явно что-то искал. Наконец извлек из-под скамьи большую свечу, куда-то вышел и через мгновение вернулся. Теперь свеча в его руках горела ярким красноватым пламенем. Он торжественно водрузил ее в центре стола.

– А это «правильный огонь» или как? – опасливо спросил я. – А то Таонкрахт мне говорил, что есть такой огонь, который лишает памяти. Не хотелось бы разделить печальную участь этих ваших забывчивых разбойников!

– Я что, похож на идиота? – возмутился Мэсэн. – Это обыкновенный огонь. Я сам его разводил. Он приносит только свет и тепло – и ничего больше. Мой огонь не даст тебе новых знаний, как огонь Ургов, но и дураком не станешь, не бойся.

Я испытующе посмотрел на Мэсэна. Он действительно не был похож на идиота. По правде сказать, он производил впечатление самого нормального человека в этом Мире, так что я расслабился.

– Садись. Или ложись, если хочешь поваляться. Не стесняйся! На кухню я тебя все равно не пушу, не люблю, когда мне мешают хозяйничать, – добродушно сказал Мэсэн.

Я с удовольствием принял его предложение и вытянулся на рыжей шкуре. Ноги, утомленные долгой прогулкой, а потом еще и вынужденной неподвижностью во время поездки в телеге, тут же принялись объяснять мне, что я плохо с ними обращаюсь. Впрочем, через несколько минут их возмущение превратилось в приятную тяжесть, я окончательно расслабился и чуть было не задремал.

Задремать мне не дал Мэсэн. Он вернулся, большой, шумный, чрезвычайно довольный собой и жизнью, водрузил на стол невероятных размеров блюдо с огромными кусками жареного мяса. Аромат, исходивший от блюда, кружил голову и заставлял желудок болезненно сжиматься от сладких предчувствий: то ли мой новый приятель был обалденным поваром, то ли я так проголодался.

За едой мы молчали. Собственно говоря, у Мэсэна просто не было возможности говорить: он ел с такой невероятной скоростью и столь глубокой концентрацией, словно поглощение пищи было своего рода боевым искусством, в котором он достиг невиданных высот. Я всю жизнь был не дурак пожрать, особенно после долгой прогулки на свежем воздухе, но рядом с этим дядей мои усилия были почти незаметны. Впрочем, я наелся до состояния анабиоза: понял, что просто не смогу встать из-за стола и вообще ничего не смогу – никогда.

– Йох! Хорошо повеселились, – наконец вымолвил Мэсэн, отваливаясь от опустевшего блюда и утирая пот с покрасневшего лица. Посмотрел на меня и умилился: – Эк тебя смогло! Ладно уж, дрыхни здесь.

– А ты? – вяло спросил я.

– А у меня есть хорошее ложе на кухне. Заодно присмотрю, чтобы дерьмодед туда не забрался.

– А что, бывает? – Я не удержался от кривой улыбки.

– Один раз было, – мрачно сказал Мэсэн. – Сожрал все мои припасы, коврик, скатерть и два табурета, сволоочь. Я его тут же продал, конечно, и завел нового – а толку-то! Убытки были большие... Ладно, я пошел. Завтра еще наговоримся.

Я положил под голову одеяло, подаренное Ургом, и заснул прежде, чем хозяин дома задул свечу, – вот это, я понимаю, наркоз! Ужин Мэсэна подействовал на меня куда сокрушительнее, чем давешняя попытка утопить свои беды в Таонкрахтовом пойле: на какое-то время я стал человеком без проблем, просто куском сытой, довольной спящей плоти, и это было восхитительно.

* * *

Мэсэн поднял меня на рассвете. Он был бодр и свеж и жаждал отправиться на охоту – непременно в моем обществе. Послать его подальше я, разумеется, не мог: обещание поискать для меня Быструю Тропу связало меня по рукам и ногам. Это было чертовски неприятно: ни тебе возмутиться, ни тебе кофе в постель потребовать. Впрочем, какой уж тут кофе.

Пришлось ограничиться умыванием. Никакой ванной комнаты тут, понятное дело, не было, так что я предавался водным процедурам во дворе, где обнаружилась бочка с холодной водой, прозрачной, как слеза человека-невидимки. Мои страдания были вознаграждены еще при жизни. Во-первых, умывшись, я почувствовал себя так, словно только что на халяву разжился новым телом, которое всю жизнь делало утреннюю зарядку, исповедовало раздельное питание по Бретту, никогда не курило, ложилось спать на закате, поднималось с петухами и исполняло еще несколько дюжин утомительных ритуалов, продлевающих жизнь в среднем на пятнадцать суток. А во-вторых, хозяин дома ждал меня за накрытым столом, чтобы напоить почти настоящим чаем. Вообще-то это был прозрачный темно-красный отвар из местной растительности, но он произвел на меня неизгладимое впечатление: чертовски вкусно! Эту роскошь следовало закусывать светло-оранжевым медом, большие, почти идеально круглые комки которого лежали в огромном тазу. Мед тоже был совершенно изумителен: не такой сладкий, как знакомые мне версии, с кисловатым привкусом лесных ягод и тонким ароматом цветов.

– Йох! Поехали! – решительно сказал Мэсэн, когда я покончил с третьей кружкой его божественного утреннего пойла. – Путь неблизкий, а дело хлопотное.

Он запряг в телегу своего кошмарного «свинозайца», и мы отправились в путь.

– Страшный все-таки у тебя зверь! – искренне сказал я, припоминая вчерашнюю расправу с разбойниками. – Такого в лесу встретить – невелика радость.

– Куптик, что ли? Да ну тебя, Ронхул! Эти звери – самые безобидные создания! Они боятся не только людей, а вообще всего, что движется, даже питупов²⁵. Просто своего я хорошо выдрессировал, – объяснил он. – А что делать, когда такая жизнь?

– А кто такие «питупы»? – поинтересовался я.

– Питупы – это наш сегодняшний обед, если повезет. Толстые глупые птицы, которые с перепугу сами падают в руки хорошему охотнику.

– Не говорящие, часом? – встревожился я, вспомнив своего приятеля Бурухи.

– Да ну тебя, тоже мне сказал! – ухмыльнулся он. – Говорящие – это только птицы Бэ, других говорящих птиц здесь нет... Слушай, так ты что, вообще ничего не знаешь?

– Почти ничего, – вздохнул я. – По крайней мере, ничего такого, что могло бы мне здесь пригодиться. Может, хоть ты меня просветишь?

– А я-то думал, что ты меня будешь развлекать, – огорчился он. – Ладно, давай так: сначала ты расскажешь, как живут демоны, а на обратной дороге я буду языком молоть. Сообщу тебе все, что захочешь.

– Ладно, – согласился я, – могу и рассказать. Дурное дело нехитрое!

Часа два я трепался, не закрывая рот. Получился этакий дикий коктейль из воспоминаний детства и последних страниц славной истории Тайного Сыска²⁶. Это звучало так нелепо,

²⁵ *Питуп* – птица, глупая настолько, что ее едят (если верить утверждениям моих приятелей, выходит, что обитатели планеты Хомана едят только очень глупых животных и птиц, а съесть разумное существо любого вида равносильно каннибализму, который среди цивилизованных обитателей Хомана резко осуждается, хотя и является предметом постоянных шуток, совершенно не смешных для пришельцев из иных Миров). Летает питуп плохо, очень низко и на небольшие расстояния. Охотники особенно ценят эту птицу за милую привычку то и дело падать с деревьев, на ветках которых питупы обычно дремлют целыми днями.

²⁶ Следует напомнить, что детство Макса проходило в том же Море, в котором живут его читатели, а Тайный Сыск нахо-

что я сам себе не верил – а ведь говорил чистую правду, словно поклялся на Библии с утра пораньше. Мэсэн слушал меня, затаив дыхание. Сначала он то и дело перебивал меня недоверчивыми репликами типа «Врешь небось», «Ну, не заливай!» – но потом добровольно прекратил комментаторскую деятельность: очевидно, понял, что ТАКОЕ придумать никому не под силу.

Наконец мой бенефис подошел к концу. Телега остановилась: почва под колесами к этому времени стала уже такой топкой, что даже могучий «свинозаяц» не смог тащить нас дальше.

– Хорошо ты рассказывал, – мечтательно сказал Мэсэн. – И жил ты, видать, неплохо. Знал бы заранее, сам бы демоном родился! Ну да чего уж теперь жалеть: дело сделано. Ладно, пошли. Попробую тебя удивить.

Я подумал, что лучше бы не надо, но промолчал. Все равно ведь удивит, даже если специально стараться не будет.

Мэсэн тем временем достал из телеги целую кучу хлама: сначала на свет божий была извлечена давешняя дубина, потом – круглый металлический шлем, похожий на казан для плова, и ветхая шапка из толстого войлока. Шапку он напялил на свою кудрявую голову, сверху водрузил «казан» – вид у него при этом стал совершенно идиотским. Напоследок он вывалил на траву огромные сапоги, столь уродливые и бесформенные, что я их почти испугался.

– Надень, – великодушно предложил он. – У тебя вон какая красота на ногах. Не уберешь. Это же болото!

Я все взвесил и понял, что он прав. Мои башмаки были мне дороги не только как память о доме: ни летать, ни тем более ходить босиком я не умею.

Я быстро переобулся, удивляясь тому, что не поместился в один из этих чудовищных сапог целиком, и мы занялись пешей ходьбой по болоту. Сделав несколько шагов, я понял, что мой приятель оказал мне неоценимую услугу: ноги увязали почти по щиколотку. Я заметил, что у самого Мэсэна была совершенно особая, нелепая, но идеально подходящая для данных условий походка: он шел короткими шагами, высоко поднимая ноги, чуть ли не касаясь коленями подбородка, но очень быстро, так что каким-то чудом не успевал увязнуть. Создавалось впечатление, что он весит раз в пять меньше, чем я, или же земное притяжение не очень-то над ним властно. Я попробовал скопировать его манеру ходьбы – не могу сказать, что очень удачно, но через некоторое время заметил, что ноги проваливаются уже не столь глубоко.

– А теперь стоп! – жизнерадостно скомандовал Мэсэн.

Я послушно остановился.

– Что, пришли?

Он кивнул и указал пальцем вперед.

– Видишь кочки? Вот там они и сидят. Хорошие взрослые грэу, худые и голодные. Из таких получаются самые лучшие дерьмеды! Бэу тоже ничего, но их сначала надо дрессировать: очень уж глупые, все норуют земли нажраться, а потом от дерьма нос воротят. Впрочем, для себя я всегда оставляю бэу. Их гораздо меньше, поэтому мне все завидуют.

– Еще бы, – с сарказмом сказал я. – Как такому счастью не позавидовать!

Мэсэн с энтузиазмом закивал. Он абсолютно не уловил моей иронии – оно и к лучшему.

– И как ты их будешь ловить? – с любопытством спросил я.

– Сейчас увидишь. Только держись в стороне и помалкивай: у тебя же нет шлема.

– А это обязательно? – встревожился я.

– Как тебе сказать. В общем-то, совершенно необязательно, если только ты не собираешься поохотиться на грэу.

Любезно подарив мне сие объяснение, Мэсэн – я глазам своим не поверил! – принялся лупить дубиной по своему шлему. Он выдерживал какой-то своеобразный ритм, от которого мне стало не по себе: начало подташнивать, да и голова тут же заныла, словно ко мне вернулось давно позабытое похмелье – сколько можно-то?! Сам же Мэсэн, судя по всему, чувствовал себя просто великолепно: он еще и пританцовывать начал, так увлекся.

Ближайшая к нам кочка тем временем зашевелилась. Только сейчас я понял, что на ней сидело трое существ, очень похожих на дерьмоеда, которого я видел вчера во дворе у Мэсэна. Правда, эти были повыше и гораздо тоньше. Грэу, как он их величал, были голые, безволосые, с блестящей кожей цвета хаки, они сливались с темным мокрым грунтом и такой же темной растительностью – не удивительно, что я не сразу их углядел. «Мимикрия называется», – насмешливо подумал я и внутренне содрогнулся, поскольку вдруг осознал, какая невероятная, непреодолимая пропасть отделяет меня от того мальчика, который когда-то узнал это мудрое слово в средней школе, на уроке зоологии, по которой у него всегда были пятерки.

Грэу тем временем неторопливо брели навстречу Мэсэну. Я заметил, что в своих тонких, свисающих почти до земли руках они сжимали дубинки – не такие огромные, как у моего приятеля, но все-таки вполне внушительные. Впрочем, судьба Мэсэна не вызвала у меня ни малейшей тревоги: я отлично помнил подробности «великой битвы» с разбойниками, а эти несчастные болотные жители с длинными тощими телами и паучьими конечностями выглядели куда более жалкими и беспомощными, чем наши вчерашние недоброжелатели. Они были похожи на больных обезьян: такие же человекообразные и длиннорукие, но при этом напрочь лишенные обезьяньей жизнерадостности и тяжелой, но мощной природной энергии, которой обладают только звери, не испорченные длительным общением с человеком, а иногда – годовалые дети, выросшие на природе. Грэу показались мне вялыми и апатичными, как старые обитатели обнищавшего захолустного зоопарка.

Наконец один из них добрал до Мэсэна и несколько раз огрел его своей дубиной по голове. Удар был не слишком сильным, хотя голове, не защищенной шлемом, такие испытания явно противопоказаны. Что касается Мэсэна, он и бровью не повел, а ответил своему оппоненту полной взаимностью: пустил в ход свое грозное оружие. Грэу тут же свалился к ногам победителя. К моему величайшему изумлению, его товарищи не пустились наутек. Они по очереди подошли к Мэсэну и обменялись с ним некоторым количеством ударов. Через минуту на земле валялись три неподвижных тела, а Мэсэн с довольной улыбкой повернулся ко мне.

– Йох! Унлах! Вот так я ловлю грэу! – гордо сказал он. Ну прямо Геракл, только что одолевший Гидру.

– Круто, – уважительно сказал я. И тактично поинтересовался: – А почему ты позволил им бить тебя по голове? Ты же легко мог увернуться!

– Ха! Конечно, мог, – согласился он. – Но в том-то и вся хитрость, чтобы не уворачиваться от их ударов – если, конечно, хочешь добыть больше одного грэу зараз. Если бы я увернулся от первого грэу, его приятели тут же удрали бы обратно в болото. А так они видели, что мы с их сородичем беседуем, значит, все в порядке.

«Беседуете»?! – изумился я. – А мне показалось, вы просто лупили друг друга дубинами по голове.

– Ты не поверишь, Ронхул, но именно таким способом они разговаривают! – Мэсэн одарил меня снисходительной улыбкой, обнажив желтые, но крепкие зубы, заостренные, как у зверя. – И я знаю их язык. У грэу не слишком сильный удар, и они немногословны, поэтому их вполне устраивает такой способ общения. Но долгий разговор с ними мало кто выдержит. Думаешь, зачем бы я стал надевать на голову эту тяжеленную дрянь? Я и шапки-то не люблю носить: голове тесно.

– И о чем вы говорили? – растерянно поинтересовался я.

– Грэу поздоровался, а потом спросил меня, чего мне нужно, – невозмутимо объяснил Мэсэн. – А я честно сказал ему, что пришел за ним, чтобы отвести его туда, где много еды. Дальше он не смог слушать, как видишь. С остальными я говорил о том же. Ничего, к ночи оклемаются, черепа у них крепкие! Пошли, поможешь мне допереть их до телеги. Я затем тебя и позвал на охоту: трудно одному троих утащить, а туда-сюда ходить неохота.

С этими словами Мэсэн подхватил двух бесчувственных грэу – по одному в каждую руку – и неторопливо пошел назад. Теперь его ноги то и дело погружались в зыбкую почву чуть ли не до колена, а длинные конечности его жертв волочились за ним, вычерчивая причудливую колею. Я с отвращением посмотрел на темное грязное тело, которое мне предстояло тащить на себе. Больше всего на свете мне хотелось все бросить и смыться, но деваться было некуда. Мэсэн был моей смутной надеждой быстро добраться до загадочных Вурундшундба, которые, в свою очередь, были моей еще более смутной, но единственной надеждой вернуться домой. Я окончательно запутался в паутине собственного производства, сотканной исключительно из многочисленных надежд.

Одним словом, у меня не было выбора. Поэтому я стиснул зубы и схватил в охапку мерзкую тварь.

К моему величайшему удивлению, от тела грэу исходил тонкий аромат каких-то неизвестных специй, совершенно не похожий на звериную вонь или даже на запах вспотевшего человеческого тела. Это была хорошая новость. Впрочем, меня поджидал и неприятный сюрприз: грэу весил несколько больше, чем мне бы хотелось. Промычав «Но пасаран!» сквозь стиснутые зубы, я кое-как приподнял его с земли и поволок по следам Мэсэна. Следующие полтора часа были чуть ли не самыми ужасными в моей жизни: я пыхтел, хрипел, чертыхался, потел, как борец на ринге, то и дело ронял бесчувственную тварь на землю, но все-таки допер тяжеленную тушу до телеги. До сих пор не знаю, как мне это удалось. Мэсэн смотрел на меня со снисходительной улыбкой: он-то, гад, даже не запыхался!

– Да, они тяжелые, – сочувственно сказал он, – а на вид и не скажешь. Это потому, что не гадят никогда: все, что сожрали, при них остается. Хорошо еще, что ты демон: обыкновенный человек его нипочем не дотащил бы.

– Ты-то двоих уволок! – завистливо сказал я.

– Так то я, – Мэсэн пожал плечами и просто пояснил: – Я же этим всю жизнь занимаюсь. Это мой хлеб... Кстати, о хлебе: пока ты там возился, я-таки поймал питупа. Так что живем, Ронхул! Знал бы ты, как я их жарю: обмазав глиной, чтобы ни капли жира не утекло. Эх, теперь поскорее бы до дома доехать!

Его здоровый оптимизм оказывал на меня самое благотворное воздействие. На какое-то мгновение я поверил, что загадочный питуп, запеченный в глине, действительно способен сделать меня счастливым, и гори все огнем! Потом я, конечно, вспомнил, что мы так и не искали путь к Вурундшундба, и решил, что сегодня нам уже будет не до того. Я слегка приуныл, но надо отдать должное Мэсэну: с тех пор как мы встретились, меня перестали терзать приступы депрессии, больше похожие на официальные дружеские визиты в ад. Мои беды, конечно, оставались со мной, но рядом с этим неунывающим дядей они казались вполне преодолимыми.

Мы уложили свою добычу в телегу. Я с удовольствием переобулся: тяжеленные болотные сапожищи к этому моменту вызывали у меня тихую, почти сладкую ненависть. Я забился в дальний угол телеги, подальше от начинающих шевелиться грэу. Мэсэн же невозмутимо уселся прямо на одно из тел, как на большую жесткую подушку. Зубастый «свинозаяц» прекратил обглаживать симпатичный колючий кустик, состояние которого к этому моменту было более чем плачевным, и мы наконец-то поехали.

– Ты обещал рассказать мне об этом Мире, – напомнил я Мэсэну.

– Ну, обо всем Море я не так уж много знаю, – беспечно признался он. – Мне это ни к чему... А вот об этой земле – запросто! Я объездил весь Альган – от Грэнг Пастпта до Кейр Шантамонта.

– Таонкрахт все время говорил: «Альган, Альган». Дескать, он Великий Рандан Альгана, и все такое... Альган – это государство? – спросил я.

– Альган – имя этой земли, – авторитетно заявил Мэсэн. Немного подумал и добавил: – Вообще-то Альган – часть Земли Нао. Нао – большая земля, поэтому ее поделили на три части, и каждая часть как-то называется. Здесь – Альган. А еще есть Эльройн-Макт и Шантамонт, и в каждой из этих областей до хрена всяких местечек. Всех и не упомнишь, я ведь не путешественник – так, езжу по своим торговым делам от замка к замку, да иногда еще на ярмарку в Бондох, на берег залива Шан.

– А Земля Нао – это материк? – спросил я. Вообще-то у меня не было уверенности, что мой наставник поймет слово «материк», но он понял.

– Нет, – он покачал своей лохматой головой, – материк называется Мурбангон, это кто угодно знает. А Земля Нао – часть Мурбангона. Кроме нее, есть и другие земли, в том числе и земля, принадлежащая Вурундшундбам, которых ты ищешь. Но я там никогда не был.

– А кто тут у вас самый главный? – полюбопытствовал я.

– Как это – кто? Урги, ясное дело! И Сох, конечно, – до тех пор, пока выполняют волю Ургов.

– Ну, это понятно. А есть тут самый главный человек? Таонкрахт, например, хвалился, что он – самый главный в Альгане.

– Оно так – до поры до времени, – неохотно подтвердил Мэсэн.

Чувствовалось, что к Таонкрахту у него какие-то личные претензии – за партию дерьмоедов тот с ним не расплатился, что ли?

– Эта пучеглазая задница, Таонкрахт – Великий Рандан Альгана, – продолжил он. – Это значит, что когда кто-то из альганцев нарушает волю Ванда, Таонкрахт должен приехать к непокорному и огреть его своей Метлой.

– Как это – метлой? – опешил я. До сих пор мне казалось, что метла – это примитивное орудие труда, приличествующее, разве что, дворникам и старомодным ведьмам, которые используют ее, чтобы посетить вечеринку на Лысой горе.

– А то чем же! Страшная, скажу тебе, штука – Метла Рандана! От нее память отшибает сильнее, чем от плохого огня. И обычно навсегда. Так что он не совсем зря похвалялся.

– А кто такой Ванд, чью волю нельзя нарушать?

– Ну, он-то как раз и есть тот самый «главный человек» в Земле Нао, о котором ты спрашивал, – охотно объяснил Мэсэн. – Говорят, он ничего мужик: вспыльчивый, но отходчивый. Не знаю, я с ним никогда не виделся, хотя дерьмоедов в его замок возил, и не и раз, – важно добавил он. Очевидно, считалось, что это очень круто.

– Понятно, – кивнул я. – Значит, есть этот Ванд, который «самый главный», есть Великий Рандан Таонкрахт...

– Не только он, – перебил меня Мэсэн, – их трое. В каждой земле есть свой Великий Рандан, а кроме них, в каждой области есть Эстёр²⁷.

– А это что за должность?

– Эстёр тоже следит за тем, как выполняется воля Ванда, – неопределенно пояснил он.

– А чем, в таком случае, Эстёр отличается от Рандана? – удивился я.

²⁷ Эстёр – высокая государственная должность в Земле Нао. Считается, что Эстёр – своего рода «мировой судья» – первый помощник Рандана той провинции, к которой принадлежит вверенная его заботам территория, но на деле Эстёры и Ранданы обычно враждуют или, в лучшем случае, просто соперничают.

– Ничего себе! Ну, ты сказанул! – восхитился Мэсэн. – Как это – чем?! У Рандана – Метла, у Эстёра – Лопата.

– И что он проделывает с помощью своей Лопаты? – заинтересовался я. – Копает?

– Нет, не копает. Если Эстёр трахнет своей Лопатой какого-нибудь беднягу, тот оцепенеет и будет стоять как вкопанный целый день, а то и дольше, это смотря как огреть, – коротко хохотнул Мэсэн. – Ну, в общем, их бояться немного меньше, чем Ранданов: по крайней мере, дураком не станешь... А есть еще Пронты²⁸. Этот может стукнуть Ложкой по лбу – тоже неприятно! Но от Пронта легко отделаться: накормил его хорошим обедом, и порядок! Они так и живут: ездят из замка в замок, их там кормят до отвала... О, а вот мы и приехали!

– Но я еще ничего толком не понял, – пожаловался я.

– Потом, потом! – отмахнулся Мэсэн. – Сначала – обед!

Мэсэн быстренько запер в сарае вяло упирающихся болотных жителей, которые как раз начали приходить в себя и теперь активно страдали ностальгией по родине. Потом извлек откуда-то из таинственных недр телеги здоровенную тушу питупа. Я сразу узнал его: точно таких же птиц я видел во дворе Таонкрахта, они клевали кашу и чью-то горемычную задницу заодно. С этой ношей Мэсэн устремился на кухню, а мне велел отдыхать.

В течение часа я клевал носом у стола: вся эта болотная эпопея здорово меня вымотала.

Наконец в комнате появился Мэсэн. Грохнул на стол здоровенное блюдо, на котором лежал обещанный питуп, запеченный в глине. Он был несколько меньше страуса, но гораздо крупнее индейки. Шеф-повар радостно провозгласил: «Йох! Хваннах!» – и ударил ребром ладони по твердой корочке. Куски глины разлетелись в разные стороны; один я чудом успел поймать в нескольких миллиметрах от собственной рожи. Потом мне в нос ударил упоительный аромат.

– Я забираю себе задницу! – безапелляционно заявил Мэсэн. – Нет возражений?

Я растерянно помотал головой. Он тут же разломил тушу на две более чем неравные части: мне досталось крылышко, хозяину дома – все остальное. Очевидно, считалось, что птица состоит исключительно из задницы и крыльев. Впрочем, я не возражал: размеры этого самого крылышка превосходили мои самые смелые представления о большой порции.

* * *

– Слушай, может, еще разик съездим на болото? – весело предложил мне Мэсэн на следующее утро. – Понимаешь, какое дело: маловато у меня пока грэу. Я меньше чем с десятком торговать не еду. А так наберем их побольше и поедем искать твою Быструю Тропу. По дороге я и торговлей займусь. Зачем делать одно дело, когда можно сразу два?

Мне не слишком понравилась эта идея, но я как-то не решился возразить: я был чересчур сонный, чересчур сытый... и, если совсем уж честно, не слишком спешил расставаться с Мэсэном, чье общество делало меня убийственно спокойным и почти равнодушным к собственной судьбе.

Как и следовало ожидать, одной экспедицией на болото дело не ограничилось. На следующее утро Мэсэн бодро сказал: «Ну, еще штук шесть поймаем – и хватит!» Потом он снова и снова повторял, что «маловато будет». Некоторые походы вообще не приносили результатов: насколько я понял, грэу неплохо умели прятаться от незваных гостей, так что иногда Мэсэн понапрасну лупил дубиной по своему идиотскому шлему по несколько часов кряду. Однажды мы забрели в самую глубь болота и поймали одного бэу, точную копию дерьмоеда, который жил

²⁸ *Пронт* – своего рода «глаз Ванда», «контролер». Пронтов всегда выбирают из числа Шархи. Пронт ездит по вверенной ему территории и проверяет, «все ли там в порядке», беззастенчиво собирая взятки со всех, кто не хочет рассориться с Вандом. Кстати, Ванд ничего не платит своим Пронтам за службу, поскольку отлично понимает, что должность и без того хлебная.

во дворе у Мэсэна. От грэу он отличался только телосложением: те были высокими и худыми, а бэу – более приземистым и коренастым.

Я жил как во сне: долгие неторопливые поездки в тряской телеге и такие же долгие прогулки по болоту, регулярные физические нагрузки, обильная еда, ранние пробуждения – как, оказывается, мало надо человеку, чтобы забыться! Ежедневные незамысловатые беседы с моим новым приятелем не могли меня встряхнуть: я настолько отупел от такой жизни, что почти не воспринимал информацию, которую получал от Мэсэна, просто складывал ее в самый дальний сундук, пылящийся в одном из темных углов моей пассивной памяти. Время от времени я сам рассказывал ему какую-нибудь историю и сам себе не верил: эти изумительные события никак не могли происходить со мной, начинающим охотником на дерьмоедов, подающим, впрочем, большие надежды.

Я обзавелся новыми привычками – пугающе быстро, как всегда. Отвар из лесных трав по утрам – я уже не мог без него обходиться, совсем как когда-то без кофе, а потом – без камры; сытный ужин перед сном, который действовал на меня, как хорошее снотворное: никаких сновидений, заставляющих мучительно сжиматься сердце, только блаженная темнота и безмолвие. Я уже не морщился от необходимости выносить горшок и оставлять его под деревом, на радость вечно голодному дерьмоеду: эта процедура стала для меня чем-то очень обыденным, все равно что нажать на хромированную кнопку и спустить воду в кабинке общественного туалета. Я без содрогания смотрел на зубастого Куптика, который при близком знакомстве оказался похож не столько на «свинозайца», сколько на помесь бобра с бегемотом. Я даже научился кормить его из рук пучками бледной болотной травы, и он жрал ее с таким же аппетитом, как и окровавленную конечность несчастного разбойника, чья гибель в свое время потрясла меня до глубины души. Я окончательно отказался от романтической идеи, что любой живой человек должен ежедневно принимать душ, решительно расстался со шмотками моего пучеглазого «благодетеля» Таонкрахта и переделался в кожаные штаны и меховой жилет, такие же, как у Мэсэна, благо он великодушно разрешил мне проредить его скудный гардероб.

Одним словом, я вполне обжился в мэсэновской хижине, и в этом было что-то пугающее.

* * *

Так прошло дней десять, а то и больше. Честно говоря, я сбился со счета. Но однажды ночью я проснулся – совершенно самостоятельно и внезапно. Создавалось впечатление, что в глубоких недрах моего организма сработал некий таинственный будильник.

– Все! – сказал я вслух и поначалу сам не узнал свой голос. – Пора выбираться отсюда, дружок.

Потом я разыскал белоснежную рубаху из Таонкрахтовых сундуков, отправился во двор и битый час стирал ее в бочке с питьевой водой с пугающим меня самого остервенением. Покончив со стиркой, я разделся и вымылся сам. Собственное тело я тер с такой же необъяснимой яростью, которая только что обрушилась на рубаху. С удивлением обнаружил, что здорово подкачал мускулы, перетаскивая контуженных грэу. Более того, я даже умудрился слегка растолстеть, чего со мной прежде не случалось ни при каких обстоятельствах.

– Боров, – сердито сказал я себе. – Смотреть на тебя тошно!

Разумеется, я здорово преувеличивал, но иногда стоит перегнуть палку – для профилактики.

Я надел мокрую рубаху на такое же мокрое тело: решил, что вместе им будет веселее сохнуть. Вернулся в дом и решительно отправился на кухню. Переступил через Мэсэна, спящего между окном и печкой на толстой стопке меховых одеял, и начал крутиться перед огнем: у меня были все основания полагать, что так мы с рубахой быстрее высохнем. Мэсэн тут же

учуял, что на его заповедной территории объявился чужой, проснулся и изумленно уставился на меня.

– Ты чего, Ронхул? – ошалевшим со сна голосом спросил он. – Проголодался?

– Сохну, – лаконично ответил я.

– А где ты намок?

– Я не намок. Я рубаху постирал, – объяснил я.

– Зачем? Ночь на дворе!

– Я знаю, что ночь. Что делать: рубаха была грязная, как не знаю что, а утром я должен уходить.

– Куда уходить?

– А ты забыл? Немудрено: я и сам чуть не забыл, – сердито согласился я. – Мне нужно найти этих, как их там... Вурундшундба. Ты обещал поискать для меня Быструю Тропу. Впрочем, это не так уж важно. Не найдешь «быструю», пойду по обыкновенной. Как-нибудь доберусь.

– Эк тебе приспичило! – Мэсэн неодобрительно покачал головой. – Я как раз собирался отправиться на ее поиски, денька через два-три... Может, подождешь?

– Нет, – твердо сказал я. – Я уйду сегодня утром. Это решено.

Он окончательно проснулся и теперь рассматривал меня так внимательно, словно мы только что встретились.

– Ладно, – неожиданно кивнул он. – Решено так решено. Что ж ты сразу не сказал, что тебе по-настоящему надо?

– А разве я не сказал? – удивился я.

– Нет, – невозмутимо ответил Мэсэн. – Ладно уж, сейчас поедем. Дай хоть горячего попить!

– Да я и сам не откажусь, – улыбнулся я.

Через полчаса мы пили традиционный душистый отвар, закусывая его комками янтарного меда. Со слов Мэсэна я уже знал, что здесь нет никаких пчел, а мед собирает некий таинственный зверь юпла²⁹: каким-то образом высасывает его из сердцевины растений и прячет в дуплах. А некоторые проныры, вроде моего приятеля, периодически разворовывают его запасы. Я даже видел издали черный хвост этого диковинного зверя, крупный и мощный, как хвост какого-нибудь доисторического ящера, но пышный и мохнатый, как у лисицы. Разглядеть все остальное мне так и не удалось: зверь поспешно скрылся в зарослях. Мэсэн объяснил мне, что юплы не трусливы, но чрезвычайно разумны и нелюдимы. Они прячутся, поскольку не любят заводить новые знакомства.

– Все, поехали, – решительно сказал я, отставляя в сторону здоровенную кружку.

– А может, добавки? – тоном змия-искусителя предложил Мэсэн.

Я упрямо помотал головой: с момента пробуждения у меня в заднице сидело здоровенное шило, и оно казалось мне настоящим благословением. Больше всего на свете я боялся, что мне опять удастся расслабиться.

– Ладно уж, – вздохнул он, – экий ты торопыга!

Потом на его лице появилось ангельское выражение, и он решительно сказал:

– Можешь оставить себе мою одежду, Ронхул. У меня ее не так много, чтобы раздавать всем желающим, но мне будет приятно знать, что в моих штанах ходит демон.

– Спасибо, – искренне сказал я.

²⁹ Юпла – этот огромный, весьма разумный травоядный зверь Мараха заменяет пчел в мире Хомана, где вообще нет никаких насекомых. Юпла добывает мед, он высасывает мед из местных цветов своими мощными губами. Часть меда зверь юпла съедает, а часть – откладывает про запас. Некоторые из его кладовых находят люди и беззастенчиво пользуются плодами его труда. Тем не менее, к людям юпла относится дружелюбно, хотя приручить его невозможно из-за его независимого нрава и любви к одиночеству.

Мэсэн оказал мне неоценимую услугу: кожаные штаны и меховой жилет куда лучше приспособлены для долгого путешествия, чем наряды, которыми снабдил меня Таонкрахт. К тому же я постирал только рубаху, которая была отличным дополнением к моему новому гардеробу, а все остальные вещи находились в плачевном состоянии.

– А Таонкрахтово шмотье оставь здесь, – предложил Мэсэн. – На кой оно тебе – в лесу-то?

Я тут же понял, что меня склоняют к неравному обмену, и мне захотелось подразнить хитреца.

– Вещи, конечно, дорогие, – нерешительно протянул я. А потом махнул рукой: дескать, была не была! – Ладно уж, мне тоже будет приятно знать, что ты ходишь по лесу в белом и сиреневом, назло этому пучеглазому эстету и его дурацким законам.

– Ну! Так я потому и хочу разжиться твоим нарядом! – жизнерадостно подхватил Мэсэн. Он так расчувствовался, что предложил: – Если хочешь, можешь даже сапоги забирать.

– Это те, в которых я ходил по болоту? – уточнил я. И вежливо отказался: – Спасибо, не надо. Мои ботинки не годятся для охоты на грэу, но ходить в них по твердой земле – одно удовольствие.

– Как знаешь.

Мэсэн так искренне обрадовался, услышав мой ответ, что мне захотелось отказаться от всего остального и уйти от него голышом, чтобы этот невероятно хозяйственный парень был счастлив. Но бродить по чужому Миру без штанов, пожалуй, не стоило, так что я взял себя в руки.

Наконец мы сели в телегу и поехали, на сей раз не к болотам, а в обратную сторону – туда, откуда Мэсэн привез меня к себе в гости.

– А как ты будешь искать Быструю Тропу? – любопытствовал я.

– А я не буду ее искать, – ухмыльнулся он. – Чего искать-то, если я знаю, где она!

– Как это? – опешил я.

– А вот так!

– Но ты говорил...

– Знаешь что, Ронхул? – Мэсэн уставился на меня с обезоруживающей улыбкой. – Я живу тут один уже очень много лет. Порой привезу себе бабу, бывает. Но долго они не задерживаются. Я их сам прогоняю: как ночь проходит, так морду становится видно, а если она еще и лопотать начинает... А мужики ничем не лучше, только от них еще и удовольствия никакого, лишь пожрать норовят. Мне словом перекинуться не с кем: ты же сам видел, какой здесь бес-толковый народ. Каждый знает полтора десятка слов и при этом едва понимает, что они значат. Хурмангара, что с них взять! Да еще и отупевшие от неправильного огня... Есть еще Сох, они ребятки толковые, даже слишком, но им запрещено заводить приятелей вне своей касты. А хозяева соседних замков с радостью покупают у меня дерьмоедов, но чтобы выпить в моей компании и язык почесать – ни-ни! Я – не их поля ягода, сам понимаешь. Одним словом, я подумал, что не будет большой беды, если ты погостишь у меня несколько дней. Вот и наговорил тебе с три короба. Смешной ты, Ронхул, а еще демон! Сам шел по Быстрой Тропе и сам же у меня спрашивал, как ее найти.

Я подумал, что надо бы рассердиться. Но сердиться на этого парня было совершенно невозможно. Его признание вызвало у меня не гнев, а искреннее сочувствие.

– Ну ты и хитер, – вздохнул я. – А я-то хорош!

– Не злишься на меня? – обрадовался Мэсэн. – Вот и правильно!

– Я сам виноват, что дураком родился. Слушай, а как так вышло, что я шел по Быстрой Тропе и ничего особенного не почувствовал?

– А что такого особенного ты должен был почувствовать? – удивился он. – Пока идешь по Быстрой Тропе, ничего не чувствуешь. Вот когда через несколько дней оказываешься там,

куда по другой дороге до седых волос брести будешь, тогда и понимаешь, что к чему. Я по этой тропе за полдня во все окрестные замки успеваю заехать. Альганцы знали, что делали, когда строились, все до единого вдоль Быстрой Тропы осели. – Он умолк и неожиданно спросил: – Может, поедем обратно? Погостишь еще немного, какая разница? Несколько дней тебе жалко, что ли? Ты же с этой Быстрой Тропой целый год времени сэкономишь.

Я упрямо помотал головой.

– Мне действительно надо делать ноги, дружище. Я сегодня вскочил среди ночи с таким чувством, что рехнусь, если немедленно не отправлюсь в путь.

– С причудами ты, как все демоны, – снисходительно сказал он.

– А хочешь – пошли со мной, – великодушно предложил я. – Сам же говорил, что многого не видел, вот и посмотришь. Опять же, со мной веселее, чем с твоими драгоценными дерьмоедами, разве нет?

– Так-то оно так, – растерянно протянул Мэсэн, – только как же я все брошу? У меня дом, хозяйство, полный сарай дерьмоедов на продажу... Что ж – пропадать всему? Да и зачем мне куда-то ехать? Дел у меня никаких там нет, а на баловство время тратить жалко.

– Как знаешь, – вздохнул я. – Мое дело – предложить.

Мне стало грустно и немного смешно – Мэсэн был чертовски похож на людей, среди которых прошла большая часть моей жизни: когда к ним в дверь стучится единственный и неповторимый шанс начать все сначала, тут же непременно выясняется, что у них «дом, хозяйство, полный сарай дерьмоедов на продажу», и совершенно нет времени на всякое баловство.

Остаток пути мы молчали: все уже было сказано. Даже немного больше, чем все. Я не очень-то хотел оставаться в одиночестве, но твердо знал, что мне нужно уходить. Судя по всему, Мэсэн тоже не очень хотел оставаться в одиночестве, но твердо знал, что никуда со мной не пойдет. Все было решено, о чем еще говорить?

Наконец Мэсэн прикрикнул на своего «свинозайца», тот послушно остановился и тут же принялся пережевывать круглые ярко-красные листья ближайшего кустарника. Я спрыгнул на землю и вопросительно уставился на своего проводника.

– Да вот она, твоя Тропа, – неохотно сказал он, указывая на узкую тропинку, едва различимую среди высокой травы. – Не бойся, не обманываю. Если пойдешь налево, уже в полдень снова будешь пьянствовать в гостях у своего приятеля Таонкрахта... Да погоди ты, не горячись, я сам знаю, что он тебе даром не нужен. Ступай направо: сам не заметишь, как окажешься в Эльройн-Макте. А там, глядишь, и до Вурундшундба твоих ненаглядных рукой подать... Погоди-ка еще минутку!

Он долго рылся в куче хлама, который равномерно покрывал дно его телеги. Наконец извлек оттуда чудовищный самодельный нож. Я узнал его: это был наш военный трофей, извлеченный из-под лохмотьев раздавленной разбойницы. Мэсэн несколько секунд вертел его в руках, искренне любовался этой «драгоценностью», потом решительно протянул его мне.

– На, держи, Ронхул. Нельзя бродить по этим лесам совсем без оружия, будь ты хоть тысячу раз демон!

У него был такой торжественный вид, словно он вручал мне какой-нибудь заколдованный меч, или что там положено вручать великим героям в особо торжественных случаях.

Мне не очень хотелось становиться владельцем этого некрасивого громоздкого предмета, да еще и отнятого у покойницы. Но я не мог обидеть Мэсэна: этот прижимистый дядя только что совершил жест неопишемого великодушия. К тому же он был прав: бродить по этим лесам без оружия было бы совершенно непростительной глупостью. Поэтому я постарался изобразить на своем лице максимальную степень благоговения, на которую только способны мои послушные лицевые мускулы, и принял подарок.

– Спасибо, дружище, – я сам удивился собственной искренности. – Прощай, – добавил я после томительной паузы, которая явно собиралась затянуться надолго.

– Прощай, если не шутишь, – эхом откликнулся Мэсэн. И тут же почти злорадно спросил: – Как же ты выкрутишься в дороге без дерьмоеда?

– Ничего, – легкомысленно отмахнулся я, – обойдусь как-нибудь.

– В мешок, что ли, складывать будешь? – сочувственно спросил он.

– Еще чего! – возмутился я.

– Да ты что, Ронхул! – обалдел он. – А если Хинфа за тобой придет?

– Ему же хуже, – гордо ответил я.

Мэсэн укоризненно покачал головой, но так и не предложил мне взять с собой одного из многочисленных дерьмоедов, добытых, между прочим, нашими совместными усилиями. Очевидно, его хозяйственная жилка взяла верх: грех такое добро отдавать совершенно бесплатно первому попавшемуся демону. Впрочем, все к лучшему. Меньше всего на свете мне хотелось путешествовать в сопровождении болотного грэу.

Я спрятал разбойничий нож за пояс кожаных штанов, не удержался от ехидной ухмылки в собственный адрес – вот к чему иногда приводят детские мечты стать Робинот Гудом! Накинул на плечи сложенное вчетверо одеяло, доставшееся мне от Урга, развернулся и пошел по Быстрой Тропе, в магическую силу которой до сих пор не очень-то верил.

Глава 5

Альвианта Дюэльвайнмакт

Я быстро свыкся с обрушившимся на меня одиночеством. Оно оказалось скорее приятным, чем нет, как свежий ветер, которого поначалу опасаясь – вдруг продует! – а потом просто с удовольствием подставляешь ему разгоряченное лицо, больше не беспокоясь о последствиях.

Впрочем, свежий ветер тоже имелся в моем распоряжении. Сколько угодно свежего ветра, хоть ложками его жри. К счастью, мой рацион не ограничивался одним только ветром. Общение с Мэсэном пошло мне на пользу. Теперь я знал, как искать во мху мелкую умалу – круглые желто-оранжевые плоды, покрытые причудливыми черными пятнышками. Эти шедевры ботанической каллиграфии в сыром виде походили на холодную жареную картошку, а в запеченном были сладкими и сытными, как сырный пирог. Я был в курсе, что утолять жажду лучше всего кислым соком бледно-розовых плодов, в изобилии облепивших высокие раскидистые кусты с темной до черноты мелкой листвой, которые Мэсэн называл «ху-ху». Я уже мог безошибочно находить деревья, в дуплах которых хранился мед, – по тонкому сладкому цветочному аромату. Я даже знал, как вести себя, если хозяин меда, огромный чернохвостый зверь юпла поймает меня с поличным. Мэсэн утверждал, что надо вежливо извиниться, и тогда юпла уйдет восвояси, не причинив тебе никакого вреда. Я был почти уверен, что смогу поймать жирного питупа, если мне приспичит пожарить мяса.

Одним словом, я был совершенно уверен, что не пропаду в этом лесу, даже если так и не научусь лазать по деревьям, на верхушках которых таилась большая часть местных деликатесов. Эта уверенность настолько притупила мое чувство голода, что я воспользовался своими полезными знаниями, только когда разноцветные солнышки одно за другим поползли к горизонту, да и то скорее из чувства долга перед собственным организмом.

Когда пришла ночь, я с удовольствием обнаружил, что темнота меня совершенно не пугает, скорее наоборот. Я вдруг почувствовал себя настоящим ночным существом, одним из желтоглазых хищников, которые, по словам Мэсэна, иногда встречались в лесах Альгана, но никогда не нападали на людей, поскольку всемогущие Урги запретили им это, еще в те времена, когда жили на поверхности земли, а потом просто забыли отменить запрет.

Спать мне не хотелось, хотя я поднялся на ноги задолго до рассвета. Так что я шел, не останавливаясь и не давая себе труда удивиться, что темнота каким-то образом не мешает мне ориентироваться в пространстве. Я-то действительно почти ничего не видел, но мои ноги каким-то образом сами знали, как не свернуть с тропы, – чего же еще?

Когда небо над верхушками деревьев начало становиться светлее – робко и нерешительно, словно бы оно потеряло часы и не было уверено в том, что утро действительно наступило, – я внезапно понял, что зверски устал. Огляделся по сторонам в поисках подходящего укрытия. Ничего похожего на укрытие так и не обнаружил, поэтому просто сделал шаг в сторону от дороги: там рос густой кустарник, который показался мне вполне приемлемым местом для отдыха. Я на четвереньках заполз в самую гущу ароматного месива тонких ветвей и мелких алых листьев. С удовольствием убедился, что мое тело не причиняет особого вреда растениям, а они, в свою очередь, не собираются колоть меня в бок какими-нибудь острыми сучками, завернувшись в одеяло Урга и тут же уснул, так быстро, словно мой сон был торопливым убийцей, а не тактичным, вкрадчивым, немного медлительным гостем, к ежедневным визитам которого я привык.

Спал я, судя по всему, недолго: когда я выполз из кустов, ни одно из солнышек еще не добралось до зенита. Но чувствовал себя столь великолепно, что довольно спокойно отнесся

к тому факту, что умывание мне пока не светит: ни единого ручейка поблизости не обнаружилось.

Ночью я не заметил, что рельеф местности разительно изменился. Я каким-то образом умудрился забрести в горы и не запыхаться на подъеме – вот это, я понимаю, чудо! Горы, обступившие меня, были невысокими, округлыми и лесистыми, как Карпаты. Тропа, по которой я шел, убегала куда-то вверх. Я послушно пошел по ней, а уже через несколько минут заметил, что спускаюсь. Теоретически этого не могло быть, тем не менее именно так и обстояли дела. Короткие подъемы то и дело сменялись короткими спусками, и до меня наконец-то начало доходить, что смутные рассказы моих немногочисленных информаторов насчет Быстрых Троп – не творческая переработка каких-нибудь местных легенд, а обыкновенная констатация факта.

Что ж, дела мои обстояли неплохо: я действительно шел по Быстрой Тропе. Более того, через час после пробуждения я услышал журчание воды, нашел мелкий, но веселый ручеек и с наслаждением умылся.

А еще через час я встретил Альвианту.

* * *

Вообще-то до меня не сразу дошло, что я встретился с прекрасной дамой. Мне навстречу ехал всадник в ярко-желтом плаще, под которым сверкала кольчуга из черного металла. На его поясе висели два меча. Один здоровенный, как садовая лопата, другой – маленький и изящный, больше похожий на длинный кинжал. К седлу был приторочен арбалет. Животное под всадником не слишком походило на коня. Я вряд ли сумею достойно описать это чудо природы, уродливое, грациозное и очаровательное одновременно³⁰. Длинные рыжие волосы всадника развевались на ветру, но его лицо было скрыто под маской, похожей на легкомысленное карнавальное украшение. Вот только материал не слишком годился для карнавальных украшений: маска была сделана из того же черного металла, что и кольчуга.

– А ты еще кто такой? – удивленно спросил всадник.

Его голос показался мне неправдоподобно громким и не позволял определить пол говорившего. Позже я узнал, что металлическая маска действовала как своего рода рупор.

– Никак, наш новый Мэсэн? – предположил всадник. – Что-то я тебя раньше не видела... А старый-то Мэсэн куда подевался? Съел ты его, что ли? Или вы поделили территорию?

Я был настолько уверен, что встретился с мужчиной, что не сразу обратил внимание на то, что мой новый знакомый сказал «не видела» вместо «не видел».

– Никакой я не Мэсэн, – Я почему-то почувствовал себя обиженным.

– Да вот и я гляжу: не похож ты на Мэсэна! – почему-то обрадовался всадник. – Но кто же ты такой, хотела бы я знать?! Одет, как Мэсэн, а рубаха белая, как у знатного человека... А идешь пешком – как такое может быть? Какой ты странный!

Я ничего не ответил, поскольку наконец-то разобрал окончание глагола. Он сказал о себе «хотела» – как это понимать?! Я удивленно заморгал – дескать, ну и дела.

Всадница тем временем сняла маску, небрежным движением спрятала ее под плащом и уставилась на меня с откровенным, но вполне доброжелательным любопытством, близоруко щурясь и оттопырив нижнюю губку. Удивительное дело, но это ей даже шло.

Я тоже пялился на нее во все глаза: до сих пор я видел всего двух местных представительниц прекрасного пола: щекастую жену Таонкрахта и тощую разбойницу, раздавленную крово-

³⁰ Это был *хухт*, или, как его называют в других местах, *курухун* – выносливое травоядное животное с хорошей памятью, добрым нравом и большими способностями к обучению. Не только жители Земли Нао, но и многие другие народы приручают хухтов и используют их в качестве верховых животных.

жадным «свинозайцем», и эти леди не вызвали у меня никакого энтузиазма. Зато вооруженная до зубов дама показала мне очень молодой и симпатичной.

– Неужели ты мне ничего не расскажешь? – разочарованно спросила она. – Жаль. Не так уж много интересного происходит в моих владениях! Я теперь всю жизнь буду вспоминать нашу встречу и изводить себя догадками. Тебе не стыдно?

Ее последняя фраза меня покорила: эта грозная амазонка не пыталась шантажировать меня своим арбалетом и вообще не выпендривалась, как положено по законам жанра, а наивно старалась меня пристыдить. Можно подумать, что я был пятилетним ребенком, а она – моей няней, юной и старательной, но совсем не строгой.

– Мне стыдно, – с улыбкой сказал я. – Настолько стыдно, что я готов рассказать тебе обо всем на свете, в том числе и о себе, если тебе действительно интересно.

– Еще бы! – восхитилась она. – А как тебя зовут?

– Ронхул, – представился я. К этому моменту я уже сам начал верить, что это и есть мое имя. «Макс» был временно отправлен на склад пассивной памяти – до лучших времен, если они еще соизволят прийти, эти самые «лучшие времена»...

– Ого! – уважительно отозвалась она. – Незнакомое имя! Но красивое. А ты, часом, не один из альганцев? Я там у вас не всех знаю.

– Нет, никакой я не альганец, – я решительно помотал головой. А потом понял, что не представляю, с чего начать, и честно сказал: – Знаешь, это такая долгая история...

– Так это же просто отлично! – обрадовалась она. – Обожаю долгие истории.

Потом она скорчила лукавую рожицу, как маленькая избалованная девчонка, и весело сообщила:

– Ты заехал на мою землю и теперь должен уплатить за проезд. Вот и расплатишься – своей долгой-долгой историей... Знаешь, кто я?

Я отрицательно помотал головой.

– Я – Альвианта Дюэльвайнмакт!

Очевидно, предполагалось, что я тут же упаду в обморок от восхищения. Но я не упал – по той простой причине, что ее благозвучное имя было для меня лишь очередным непонятным набором фонем. Поэтому я просто вежливо кивнул. Она тут же смущенно заулыбалась и добавила:

– Род Дюэльвайнмактов владеет этой землей – так уж получилось. Вообще-то меня тут все знают. А многие даже боятся. Не то чтобы я такая уж страшная, но о Дюэльвайнмактах ходят самые причудливые слухи. И знаешь, Ронхул, я рада, что тебя это не смущает. Значит, я не ошиблась: ты необыкновенный человек!

– Да уж, – саркастически подтвердил я. – Такой необыкновенный, что самому тошно.

– Погоди-ка, – неожиданно заволновалась она, – что у тебя за накидка? Это же волшебная вещь! Откуда ты ее взял, Ронхул?

Я не сразу понял, что она имеет в виду. Оказывается, Альвианта во все глаза пялилась на одеяло, которое по-прежнему укутывало мои плечи.

– Мне Урги дали, – гордо сообщил я. Я уже уяснил, что мое личное знакомство с Ургами – настоящий козырный туз: услышав слово «Урги», местные жители тут же падают на спинку и дрыгают лапками.

– Я так и подумала! – обрадовалась Альвианта. – Честное слово, Ронхул, я так и подумала, что сейчас ты скажешь, что знаком с Ургами! Это было предчувствие, я знаю. И поэтому я тебе верю. А у тебя бывают предчувствия?

– Иногда.

– Тогда ты все понимаешь, – заключила Альвианта. – Удивительное дело: вот так едешь, едешь по хорошо знакомой дороге и вдруг встречаешь человека, который все понимает... Знаешь, что? Я приглашаю тебя в гости. В свой замок. Я редко зазываю к себе гостей, но у меня

еще одно предчувствие, Ронхул. Мне кажется, ты окажешься хорошим гостем. Мы будем обедать вместе. Целый вечер, неторопливо и обстоятельно, словно сегодня праздник. И ты расскажешь мне свою историю – прямо сейчас, ладно? А потом расскажешь про Ургов. Может быть, ты знаешь, как их найти? Я бы не испугалась... Так ты идешь со мной? Только не отказывайся, пожалуйста! – Она спешила, взяла под уздцы свое удивительное животное, исполняющее обязанности лошади, и объяснила: – Я пойду пешком, в знак уважения к тебе. Ты же – не мой слуга, чтобы бежать рядом, держась за седло.

Сперва я хотел честно сказать ей, что мне надо спешить. Идти куда глаза глядят, искать каких-то загадочных Мараха Вурундшундба, которые могут отправить меня домой. Мой приятель Мэсэн называл их «ведьмаками», и это внушало некоторые надежды... Я уже открыл было рот, чтобы вежливо отказаться от приглашения, но ее зеленоватые глаза, по-детски распахнутые в ожидании каких-то небывалых чудес, заставили меня заткнуться. «Какого черта, – подумал я. – Она – прелесть и умница, это видно невооруженным глазом. И, потом, у нее в замке наверняка есть ванна. И я смогу расспросить ее о дороге и об этих самых Вурундшундба, будь они неладны, и вообще...»

Одним словом, я понял, что мне ужасно хочется принять ее приглашение.

– А твой замок далеко от этой тропы? – поинтересовался я. – Потому что, если он далеко, я не смогу.

– Ну что ты! – рассмеялась она. – Только идиот станет строить свой замок вдалеке от Быстрой Тропы, а среди моих предков не было идиотов. Скорее уж наоборот. Знаешь, Ронхул, я очень горжусь своими предками! Трое из моих предков были Великими Ранданами, в том числе и мой отец, Эйфальд. Дюэльвайнмакты пришли на эту землю намного раньше альганцев, в те времена, когда Урги еще жили на поверхности, – представляешь, как давно это было? Но Дюэльвайнмакты всегда были хозяевами на своей территории. Мы не склоняли голову даже перед Ургами: существовал особый договор, в котором говорилось, что Дюэльвайнмакты могут сами решать, как вести себя в собственном доме. У моего дяди Бикантомьена хранится этот древний пергамент. Будешь смеяться, но иногда я всерьез подумываю, что мне следует убить своего родственника: документ должен быть моим... Но все это пустяки! Знаешь, я так рада, что встретила тебя: мне кажется, я могу рассказать тебе что угодно, и ты все поймешь.

Я изумленно качал головой. Не потому, что меня удивили ее откровения касательно планируемого убийства дяди, просто я только сейчас заметил, что уже иду вслед за этой говорливой леди, удаляясь от Тропы, с которой так боялся сворачивать.

– А ты потом покажешь мне, как вернуться на эту дорогу? – спросил я.

– Даю слово! – легко согласилась Альвианта. И тут же снова затараторила: – Думаешь, это пустяки – дать слово? Считается, что слово любого из Дюэльвайнмактов дорого стоит! И вообще, у нас, в Эльройн-Макте, очень серьезно относятся к вопросам чести. Вот альганцы способны нарушить любую клятву. Меня, правда, они никогда не обманывали, но мне просто повезло: альганец может обмануть даже Ванда, так все говорят... А ты умеешь обманывать, Ронхул?

– Думаю, что умею, – честно признался я. – Невелика наука.

– Только меня не обманывай, пожалуйста, – доверчиво попросила она. – Так не хочется все время гадать: правду ты сказал или нет. Было бы здорово, если бы я могла просто получать удовольствие от беседы.

– Ладно, – улыбнулся я. Ее просьба показалась мне трогательной и наивной, и я объявил самым что ни на есть торжественным тоном: – Обещаю говорить тебе только правду!

– Все, договорились! – обрадовалась Альвианта. – А теперь рассказывай, Ронхул: откуда ты взялся?

– Хороший вопрос, – вздохнул я. – Именно «взялся», лучше и не скажешь. Ты знаешь Таонкрахта?

– Пучеглазого альганского Рандана, что ли? – Она наморщила лоб. – Знаю, конечно, – кто же его не знает? Единственный трезвенник среди этих непутевых альганцев!

«Трезвенник»?! – возмущенно взвыл я. – Ничего себе! Да он не просыхает, этот «трезвенник»! От кувшина не отрывается.

– Да? – с сомнением протянула Альвианта. – Ну, может быть. Все меняется, конечно... А в свое время Таонкрахт получил должность Великого Рандана в шестой раз подряд только потому, что был единственным альганцем, твердо стоявшим на ногах после приема у молодого Ванда. По крайней мере, так все говорят.

– А что еще о нем говорят? – с улыбкой спросил я. Мне действительно стало интересно: обожаю собирать сплетни про знакомых.

– Много всего, как обо всех важных людях. Но мне кажется, он не очень хороший человек... Вообще-то он очень могущественный, это точно! Говорят, именно Таонкрахт привел сюда всех остальных альганцев – из таких далеких мест, что сказать страшно! И еще говорят, у него жена из уллов, – на этом месте Альвианта звонко расхохоталась. – Я ее никогда не видела, но, должно быть, они – забавная пара. Хотела бы я посмотреть, что творится у них в спальне, и есть ли у нее хвост... – она внезапно осеклась и смущенно спросила: – А что, Таонкрахт – твой друг?

– Нет, – усмехнулся я. – Скорее уж наоборот.

– Я рада за тебя, – совершенно серьезно сообщила Альвианта. – А теперь расскажи мне свою историю. Я пока не понимаю: почему ты вспомнил Таонкрахта?

– Ладно, слушай, – вздохнул я.

И я рассказал ей свою историю. Не слишком подробно – так, в общих чертах. И не слишком правдиво: какие бы там обещания я ни давал, но мне показалось, что лучше придерживаться тщательно отредактированной версии. Дескать, я – демон, которого призвал Таонкрахт. При этом он, дурень, что-то напутал в заклинаниях, поэтому теперь я не могу вернуться домой без посторонней помощи.

Мне ужасно не хотелось признаваться, что я – самый обыкновенный человек, случайно заброшенный сюда из какого-то другого Мира, беспомощный и бестолковый. Иногда говорить правду – все равно что бегать голышом среди малознакомых, прилично одетых людей, а я никогда не был эксгибиционистом.

Альвианта скушала эту сказку, не поперхнувшись. Она охотно верила каждому моему слову. Не думаю, что она была так уж наивна, просто мой рассказ идеально вписывался в ее картину мира: очевидно, колдуна, вызывающего демонов, здесь можно было встретить чуть ли не в любом соседском замке, да и сами «демоны» время от времени охотно вступали в контакт с местным населением – почему бы и нет.

– Так ты – Маггот! Йох! Унлах! – восхищенно резюмировала она, когда я умолк. И с удовольствием повторила: – Ронхул Маггот. Хорошо звучит!

Она произносила слово «демон» так, словно оно было моей фамилией, а не названием вида, если можно так выразиться. Точно так же называл меня Таонкрахт – в ту пору, когда у меня еще не было имени, которое можно сообщать посторонним. Хвала Ургам, теперь оно у меня имелось.

* * *

Я так увлекся своим монологом, что не заметил, как мы приблизились к толстой крепостной стене из темного камня. За стеной горделиво высился замок. Его массивные очертания произвели на меня гнетущее впечатление, которое, впрочем, тут же рассеялось от веселого щебета хозяйки этого мрачного сооружения.

– Мы приехали, Ронхул! – сообщила она. – Как тебе нравится жилище моих предков? Это – Хапс Дюэльвайн Гаммо, самый древний из наших семейных замков, и он достался мне: я была единственной дочерью своего отца. Мне повезло, что он не успел наплодить других детей: тогда мне наверняка пришлось бы воевать со своими братишками и сестренками, а это так хлопотно... – Альвианта робко улыбнулась и объяснила: – Мы, Дюэльвайнмакты, никогда не уступаем своих прав добровольно, даже друг другу! Иначе что случилось бы с нашим добрым именем, о котором надо заботиться, несмотря ни на что?

– Святое дело, – авторитетно подтвердил я. – Как же без доброго имени!

– Я рада, что ты и это понимаешь, – проникновенно сказала она. Потом отцепила от пояса огромный меч и начала с силой колотить по воротам.

– Отпирайте, дурни, – истошно вопила она, – я вернулась! Отпирайте, мать вашу!

Я изумленно покачал головой. У барышни были неплохие задатки: при усердных тренировках из нее мог бы получиться отличный пьяный сапожник.

Она оглянулась на меня, увидела мою растерянную рожу и искренне огорчилась.

– Что-то не так, Ронхул? Тебе не нравится, когда кричат? Но если я не буду кричать, эти дурни, мои слуги, не поймут, что им следует поторопиться.

– Все в порядке, – я очень старался быть вежливым. – Мне очень нравится, когда кричат. Так что ори, сколько влезет, если надо. Просто я удивился: у тебя такой сильный голос!

– О, это еще что! – гордо сообщила Альвианта. – Знал бы ты, как я пою, когда много выпью! Стены дрожат!

– Не сомневаюсь, – согласился я.

– И правильно делаешь, – кокетливо улыбнулась она. И снова принялась колотить в ворота, сопровождая эти физические упражнения холодящими кровь воплями.

Ворота наконец открылись с таким надрывным скрипом, что я чуть не прослезился. На нас уставилось несколько взъерошенных субъектов. Они сонно ухмылялись, толкая друг друга в бока, и пялились на меня с неподдельным любопытством.

– Чего скалитесь? – грозно спросила Альвианта. – Вот проиграю вас в кости заезжему альганцу, сразу узнаете, что такое настоящее веселье!

Слуги тут же стали смертельно серьезными, на их чумазых физиономиях появилось выражение неподдельного испуга.

– Боятся альганцев? – весело спросил я.

– Да кого они только не боятся! – отмахнулась она. Потом широко улыбнулась и доверительно сообщила: – Впрочем, для нашей дворни нет ничего страшнее альганцев: у них же там в каждом дворе цакка стоит. А у нас, в Эльройн-Макте, это считается дурным тоном.

– Я столько раз слышал это слово, но так и не понял, что это такое? – оживился я.

– Что – цакка? Да ничего особенного, такая специальная кормушка для домашней птицы и заодно колодка для непокорных слуг. Эти болваны, хурмангара, почти не чувствуют боли, так что лупить их можно от рассвета до заката – они и не почешутся. А вот когда питуп клюет их в зад, их пронимает.

– Понял! – обрадовался я. – Так я ее видел! В замке Таонкрахта я спал в комнате, под окном которой как раз стояла эта дрянь. И каждое утро на рассвете меня будили вопли очередного бедняги.

– С чем тебя и поздравляю, – расхохоталась она. – Не очень-то вежливо с его стороны – поселить гостя в такой комнате. Ну да что с него взять – альганец, он и есть альганец!.. Ладно, Ронхул, что это мы все о ерунде говорим? Пошли в дом. Не знаю, как ты, а я есть хочу.

У меня не было никаких возражений против такой программы действий, и я мужественно нырнул вслед за ней в темноту замковых коридоров.

Зал, куда привела меня Альвианта, был гораздо больше таонкрахтовского, но куда скромнее. Эти древние стены явно нуждались в косметическом ремонте. Древний пол и древний

потолок – тем более. Впрочем, среди этих исторических достопримечательностей обнаружился небольшой оазис. В дальнем углу зала был постелен неземной красоты ковер, окруженный напольными вазами, в которых стояли живые цветы вперемешку с искусственными. Некоторые экземпляры показались мне настоящими шедеврами ювелирного мастерства, а другие были похожи на неумелые детские самоделки. В центре ковра стоял небольшой изящный столик, у столика приютились уютные кресла, не такие помпезные, как в гостиной Таонкрахта, зато куда более удобные, в чем я немедленно убедился, разместив в одном собственную задницу.

Альвианта села напротив и испытующе заглянула мне в глаза. Она молчала целую минуту, потом прикоснулась к моей руке и заговорила хриловатым взволнованным шепотом – таким голосом женщины обычно говорят о любви. Впрочем, ее вопрос действительно имел самое непосредственное отношение к любви:

– Ты любишь солено-квашеную умалу, Ронхул? По-ульски, с салом?

Я не выдержал и рассмеялся – от неожиданности.

– Не знаю, – сквозь смех выговорил я. – Никогда ее не пробовал.

– Сейчас попробуешь, – проворковала она. И тут же пронзительно завопила: – Мама, сколько можно возиться?! Мы уже полчаса сидим за пустым столом! Мне перед гостем неловко!

– Так уж и полчаса! Вот выдумщица.

В дальней стене зала бесшумно отворилась маленькая дверца, и оттуда вынырнула самая настоящая старая ведьма: спутанные седые кудри, заостренный профиль хищной птицы, темный балахон, ветхий, но украшенный изумительной вышивкой. Вот только глаза у старухи были совсем не ведьмовские: тусклые усталые глаза пожилой женщины – печальное, в сущности, зрелище.

Она принесла объемистый бочонок, с явным усилием поставила свою ношу в центре стола, окинула меня равнодушным, но заведомо неодобрительным взглядом и обреченно спросила:

– Чего еще подать-то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.